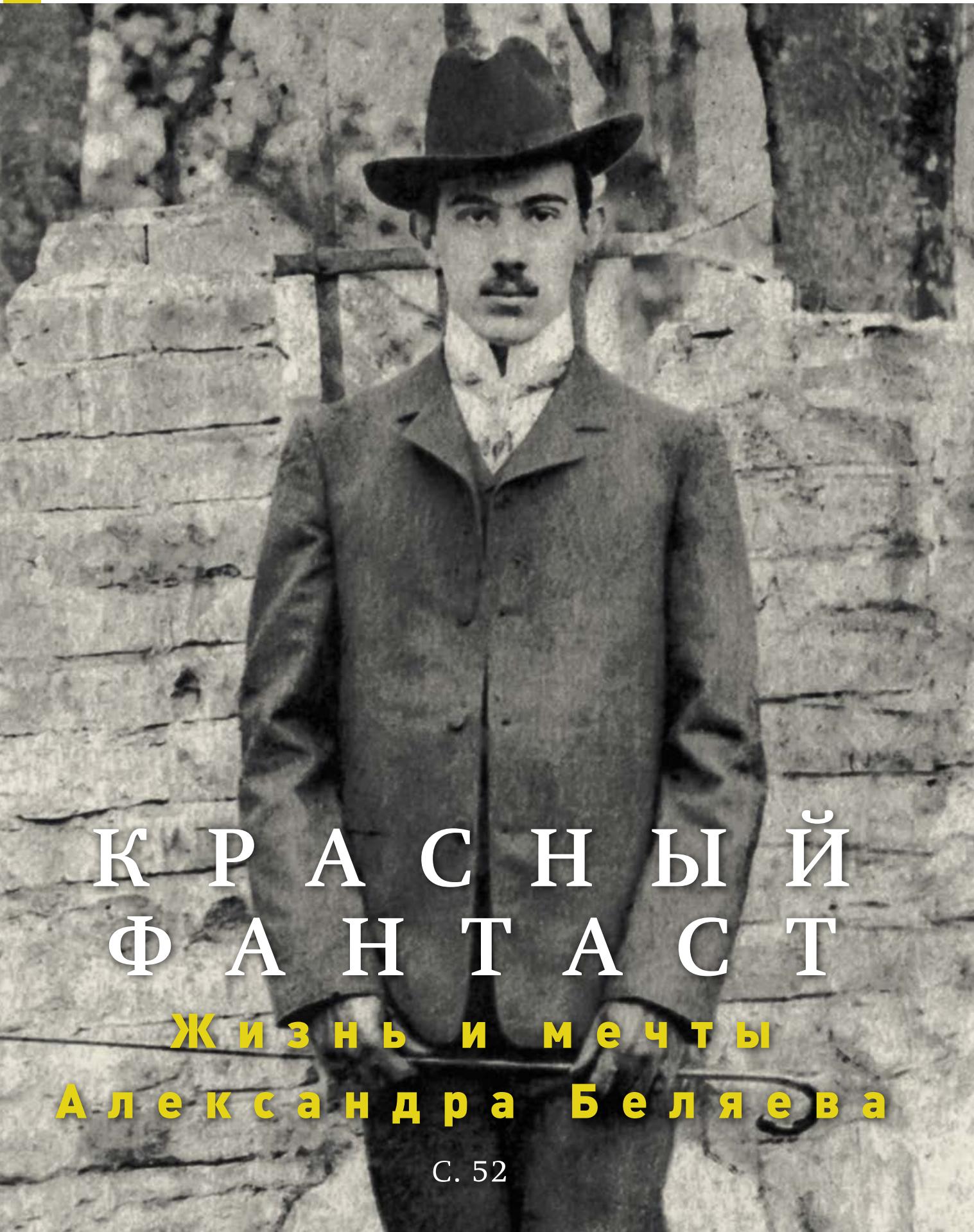

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

КРАСНЫЙ ФАНТАСТ

Жизнь и мечты

Александра Беляева

САМИ СЕБЕ СЦЕНАРИСТЫ

НАВЕРНОЕ, НИ ПРО ОДИН ИЗ ПРОШЕДШИХ ГОДОВ последних примерно двух десятилетий нельзя было не сказать – «это был непростой год». Хотя накануне очередного нового года и в начале его, как правило, мало кто заранее предупреждал: мол, наступающий год будет непростым. Про будущее чаще кажется, что оно будет лучше прошлого и настоящего. Про прошлое – что в нем, как говорится, «были победы и поражения, утраты и достижения». Так будет и в наступившем году.

Если посмотреть сейчас на те прогнозы, которые делались в конце 2013 года на следующий за ним, то, конечно, станет смешно. И грустно одновременно. Словно вести из немного другого мира. Вроде все было совсем недавно, а на самом деле – минула «политическая вечность». Ну, хорошо, не вечность. Но есть ощущение, что был один период, а сейчас мы живем уже в другом. И до конца еще не очень понятно, как именно он будет выглядеть, сколько продлится и чем именно для нас обернется. Как приятным, так и не очень.

Из того, что сбылось. Ну, конечно, Олимпиада в Сочи. Но разве кто-нибудь в конце прошлого года ожидал того, что российская сборная станет первой в командном зачете? Тогда по Интернету ходило много фотографий с язвительными подписями: мол, вот тут не достроили, вот тут накосячили. Скептики исходили скепсисом. Злопыхатели злопыхали. Но сразу же после церемонии открытия – вот она какая, оказывается, Новая Россия, – все они притихли.

…А уже на церемонии закрытия Олимпийских игр стало ясно, что теперь в наших новостях будет одна сплошная Украина. Так оно и пошло: события стали раскручиваться как нарастающий кошмар. Временами казалось, что это вообще происходит не с нами.

Крым стал наш. И это правило. Но начавшийся вслед за

Крымом «проект Новороссия» пока неизвестно, чем закончится. Никто в начале прошлого года не мог предположить, что Донецк и Луганск превратятся в зону гуманитарной катастрофы, зону карательной операции. Против стариков и детей в том числе. Как сегодня никто не может себе представить, как после того, что мирных жителей поливали из установок «Град», они могут спокойно вернуться в лоно Украины.

Хочется, чтобы в жизни все было как в кино – со счастливым концом. Оно так и может быть. Надо лишь поверить в то, что именно мы сценаристы этой жизни и ее режиссеры-постановщики. Ну, и сами, понятное дело, играем свои роли. Не верьте прогнозам. Будьте готовы ко всему. На всякий случай. Но надейтесь на лучшее. И тогда написанный вами сценарий воплотится в жизнь. С Новым годом! ☺

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железнодорожные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** «Россия не настроена на конфронтацию»
- 08** Право на родной язык
- 10** «Русский язык в Армении не должен быть иностранным»
- 15** Уединение на виду
- 17** Латвия готовится к новой волне

ИНТЕРВЬЮ

- 20** Посол русских в Евросоюзе
- 24** Советник по русскому языку

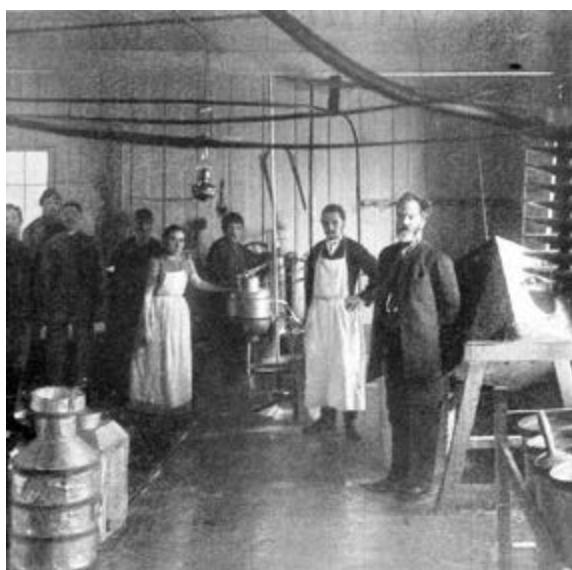
ИСТОРИЯ

- 36** После начала

- 44** Сквозь игольное ушко

- 48** Масло как мечта

- 30** Лестница Иакова

НАСЛЕДИЕ

- 52 Человек, который научился летать
58 Забытый собеседник

МУЗЕИ

- 62 Обнаженные души

ТРАДИЦИИ

- 68 Резьба русов

РЕПОРТАЖ

- 74 Крым Крымыч
82 Летопись природы

- ПУТЕШЕСТВИЕ
90 Молога

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Елена БЕРДНИКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Константин КРАВЦОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Зоя МОЗАЛЕВА
Любовь РУМЯНЦЕВА
Юлия СЕМЕНОВА
Ирина ШЕВЧЕНКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

«РОССИЯ НЕ НАСТРОЕНА НА КОНФРОНТАЦИЮ»

В ДЕКАБРЕ В БРЮССЕЛЕ ПРОШЕЛ VIII ЕВРОПЕЙСКИЙ РУССКИЙ ФОРУМ, НА КОТОРОМ РОССИЙСКИЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПОЛИТОЛОГИ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, А ТАКЖЕ ДЕПУТАТЫ ГОСДУМЫ И ЕВРОПАРЛАМЕНТА ОБСУДИЛИ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ. НА ФОРУМЕ ВЫСТУПИЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР», ГЛАВА КОМИТЕТА ГОСДУМЫ ПО ОБРАЗОВАНИЮ ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ.

ПРИВОДИМ ТЕКСТ ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОЛНОСТЬЮ.

РЕЖДЕ ВСЕГО, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, я хотел бы приветствовать всех участников Европейского русского форума от имени Государственной думы Российской Федерации, ее председателя Сергея Евгеньевича Нарышкина, от комитета Государственной думы по образованию, который я представляю, и от фонда «Русский мир», который с большим удовольствием уже в течение восьми лет со-

трудничает с Европейским русским форумом. Я уверен, это сотрудничество будет продолжаться и дальше.

У меня есть одна дурная привычка: я, как правило, стараюсь выступать именно по той теме, которая заявлена в качестве названия конференции, а именно: «Вторая холодная война – станет ли она более горячей?»

Первый вопрос, который у меня возник, когда я увидел тему: а почему вторая? Григорий Борисович Карасин (заместитель министра иностранных дел РФ. – **Прим. ред.**) сказал, что сейчас вообще нет никакой холодной войны. Я тут же вспомнил, что лет десять назад написал предисловие к книге двух замечательных американских историков – Трани и Дэвиса, которая называлась «Первая холодная война». Она была посвящена политике президента Вильсона в отношении России после революции 1917 года. Затем я вспомнил, что вообще-то холодная война началась по-хорошему еще во времена княгини Ольги, когда она решила, что православие она все-таки примет в Византии. Потом я вспомнил, что вообще-то в первый раз Киев польский король Болеслав Храбрый с благословения императора Священной Римской империи германской нации и папы римского брал в 1018 году, пленив всех женщин Ярослава Мудрого. И холодная война продолжалась и дальше.

Я также вспомнил, что свой нынешний имидж диктаторской, варварской и дикой силы Россия получила на Западе сразу после того, как освободилась от монголо-татарского ига. И с тех пор этот имидж не теряла. И холодная война тоже в общем-то не прекращалась, а если она прекращалась, то прерывалась горячей войной, как это было с Наполеоном, с Гитлером и так далее. На самом деле мы не можем установить точно, в какой именно из холодных войн мы находимся: во второй, десятой или мы вообще вне пределов холодной войны.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Если, как сказал господин Мартинес (Мигель Анхель Мартинес, член совета Музея европейской истории, бывший вице-президент Европарламента, экс-председатель ПАСЕ. – **Прим. ред.**), мы являемся сиамскими близнецами, то, конечно, такими близнецами, между которыми сложились достаточно сложные отношения, что само по себе, конечно, неестественно. Но тем не менее так мы существуем уже достаточно давно.

Кроме того, у меня есть ощущение: а та холодная война, которую мы в рамках конференции называем первой, она вообще закончилась или не закончилась? У меня такое ощущение, что Россия оказалась едва ли не единственной страной, которая в конце 80-х – начале 90-х закончила холодную войну, а остальные страны продолжали действовать в той же самой парадигме.

Недавно министр обороны Соединенных Штатов Чак Хейгел как раз перед тем, как отправиться в отставку, заявил о том, что Россия обнаглела настолько, что подошла вплотную к блоку НАТО. Ну, я добавлю, что Россия обнаглела настолько, что уже подошла вплотную к ста военным базам НАТО, которые расположены по всем ее границам, причем по всем границам от востока до запада; обнаглела настолько, что подошла к системам противоракетной обороны, причем не только тем, которые размещаются на европейском континенте, но и, скажем, на Аляске, в Японии и в других частях земного шара, конечно же, для защиты Соединенных Штатов от Ирана.

Американская логика на самом деле очень проста. Это логика глобального доминирования, предотвращения появления альтернативных центров силы, которые могут бросить вызов этому доминированию. Это выстраивание разного рода барьеров между теми центрами силы, которые потенциально, объединившись, могут доставить много проблем Соединенным Штатам, как, например, объединение России и Европейского союза, тем более если бы к этому подключились Китай и Индия. Это, конечно, кошмар американской политики, и, конечно, будет сделано все, чтобы между нами были вырыты как можно более глубокие рвы. И рвы эти сейчас проходят по Украине.

Вопрос второй в названии нашей сегодняшней конференции – станет ли война более горячей? Мой ответ: она может стать более горячей. Во всяком случае, во всех последних выступлениях президент Соединенных Штатов Барак Обама помещает Россию в тройку главных угроз существованию человечества наравне с «Исламским государством» и лихорадкой Эбола. Давление на Россию идет достаточно серьезное. Каждый глава государства на планете получил пять страниц, изготовленных в Белом доме или в Государственном департаменте Соединенных Штатов, в которых сказано, что Россия – агрессивное государство, против нее должны объединиться все прогрессивные силы человечества, ввести санкции, а те, кто не присоединится к этим санкциям, будут иметь большие неприятности в этом мире. Каждый глава государства получил эти пять страниц.

Военная помощь украинскому режиму уже не особо скрывается, внешнее управление правительством в Киеве не особо скрывается, и я бы не исключал возможности новых провокаций, которые могут быть еще более чудовищны, чем та провокация, которая была совершена с малазийским «боингом». К сожалению, закрываются глаза на усиление элементов нацизма в политике киевского режима, усиление вообще военной активности режима, и идет против России абсолютно беспрецедентная информационная кампания.

Так получилось, что газету The New York Times я читаю каждый день с 1976 года. Должен вам сказать, что более неадекватного восприятия моей страны не было никогда за все время чтения

этой и многих других газет. А сегодня в газете Financial Times с утра я с большим удивлением для себя прочел, что созданный Путиным православный фонд «Русский мир» потратил 20 миллионов евро на провоцирование экологических протестов в Болгарии. Я очень сильно себя зауважал, если учесть, что сумма в 20 миллионов евро сильно превышает годовой бюджет фонда «Русский мир». Я подумал, что у меня есть основания, во всяком случае, добиваться увеличения бюджетных расходов на столь эффективный фонд.

Но вот что интересно: это нагнетание напряженности и провоцирование холодной войны абсолютно бессмысленны с точки зрения интересов не только России, но и Европейского союза, и, я уверен, Соединенных Штатов Америки тоже.

Конечно, сиамские близнецы могут друг к другу плохо относиться, но они находятся в состоянии взаимозависимости, поэтому вредить своему сиамскому близнецу может только очень неразумный сиамский близнец, который рискует собственной жизнью. Ясно, что санкции в отношении России никак не помогут Киеву. Скорее, наоборот. Ясно, что санкции не сильно повредят Москве. В Москве включился режим «Русские не сдаются», и рейтинг власти сейчас настолько высок, что ей сейчас просто ничего не нужно делать для того, чтобы выиграть любую избирательную кампанию. Изоляция пятой экономики мира – это то, что еще никто не пробовал, и я уверен, что это никому не удастся сделать. Да, западные правительства довольно солидарно выступают за изоляцию России, но мы также знаем, что за пределами западных стран только в Организации Объединенных Наций более 160 государств, и уверяю вас, в этих 160 государствах отношение к России совершенно иное: ее не собираются наказывать за военные преступления киевского режима. Мир устал от однополярной гегемонии.

Есть группа БРИКС, в которую входят государства, население которых составляет 43 процента человечества. Есть Шанхайская организация сотрудничества, которая будет расширяться, – на ближайшем саммите в Уфе в качестве полноправных членов будут участвовать Индия и Пакистан. БРИКС создает и резервный пул валют, который будет альтернативой Международному валютному фонду, и Банк развития БРИКС, который будет альтернативой Всемирному банку. Страны переходят на экономические связи в национальных валютах.

Мир развивается. Санкции – это всегда стрельба в собственную ногу, что мы видим сейчас на примере нынешних санкционных обменов. Потери несут все, причем, учитывая взаимозависимости, неизвестно, кто несет большие потери. Во всяком случае, в России сейчас продолжается экономический рост – прежде всего за счет сельского хозяйства, поскольку этот сектор в результате санкций расчистился для российских производителей, а вот в Германии экономика падает вниз, и там начался экономический кризис, и я не уверен, что это не связано с Россией. Сейчас, я думаю, надо сделать все, чтобы эта холодная война не стала более горячей, и ясно, что необходимо выходить на дескацию нынешней напряженности. Россия здесь – и господин Карасин об этом четко сказал – не настроена на конфронтацию, у нас нет каких-то глобальных или агрессивных амбиций, мы не собираемся ни на кого нападать, как бы ни хотели этого в некоторых вавилонских коридорах. Но мы, безусловно, не позволим устраивать геноцид – геноцид ли это в отношении русских или кого-то еще, Россия не может этого позволить.

Россия и Европа могут жить друг без друга, но гораздо лучше они могут жить вместе.

Итак, первая это холодная война, вторая или десятая, холодная она война или не очень холодная – наше дело правое. Спасибо.

ПРАВО НА РОДНОЙ ЯЗЫК

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

ФОТО

СВЕТЛАНЫ ДЕРЕВЩИКОВОЙ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД В МОЛДАВИИ ВСТУПИЛ В СИЛУ ЗАКОН О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ. РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭТОМ ДОКУМЕНТЕ ОБОЗНАЧЕН КАК ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ, И В ЭТОМ КАЧЕСТВЕ ОН ШИРОКО ИСПОЛЬЗУЕТСЯ В ОФИЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ, В ОБРАЗОВАНИИ, ИНФОРМАЦИИ И Т.Д. НО ТАК ЛИ ЭТО НА САМОМ ДЕЛЕ?

О ЗАКОНУ ЛЮБОЙ ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ПРАВО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ русским языком при обращении в органы государственной власти, а документы, которые принимаются в этих органах, должны быть переведены на русский язык. На этом же языке гражданин может подавать иски в суды и получать судебные решения. Тексты на всех бланках и формулярах дублируются на двух языках, и гражданин может при их заполнении использовать любой. У русскоязычного жителя страны не должно возникнуть проблем с чтением вывесок на улицах, инструкций по применению лекарств, счетов за оплату коммунальных услуг и т.д. Гражданин Молдавии может учиться на русском

языке, защищать на нем диссертации, вести научную деятельность. Закон защищает его от языковой дискриминации. Правда, как показывает практика, лишь частично. И с каждым годом линия защиты становится все тоньше и тоньше.

АНТИЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

«Русский язык в Республике Молдова: правовое регулирование, перспективы сохранения и развития». Так называлась республиканская конференция, организованная Информационно-аналитическим правовым центром при Координационном совете российских соотечественников в Молдавии при поддержке посольства РФ в Кишиневе и Российского центра науки и

культуры. Журналисты, уверенные, что на это мероприятие придет немного людей, были поражены тем, что желающих принять в нем участие, высказаться или просто послушать мнения педагогов, общественных деятелей, ученых, журналистов и политиков по языковому вопросу оказалось больше, чем мог вместить немаленький конференц-зал Дворца Республики молдавской столицы. Тема функционирования и статуса русского языка в Молдавии последнюю четверть века постоянно муссируется в СМИ и в обществе, то затихая, то снова набирая обороты. Как бы ни старались приверженцы «европейскости» снизить его значение в стране, это сложно сделать, учитывая, что на нем говорит большая часть юга республики – Гагаузская автономия и прилегающий к ней Тараклийский район, а также север Молдавии – город Бельцы и его окрестности. Несмотря на это, подчеркивает руководитель Информационно-аналитического правового центра Михаил Сидоров, положения закона о функционировании языков нарушались еще с конца 90-х годов XX века, а в последние годы «ситуация еще более усугубилась в связи с очевидной тенденцией к радикальному пересмотру отдельных правовых норм. Цель предлагаемых изменений в законодательстве очевидна: полное вытеснение русского

Участники конференции обсуждали проблемы русского языка в Молдавии

языка из различных областей жизнедеятельности государства и общества». Это подтверждает целая цепочка примеров, от с изменений, внесенных недавно в Кодекс о правонарушениях и запрещающих рекламу на иностранных языках, до разработанного в 2010 году проекта новой Конституции Молдавии, где ни слова не говорится о роли и функционировании русского языка (в действующем пока законодательстве эти пункты имеются); от отмены отчеств и употребления фамилий в мужском и женском роде в документах, удостоверяющих личность, до публичных заявлений политиков-русофобов, на которые не обращают внимания ни правоохранительные органы, ни коллеги-депутаты.

В Молдавии должны соблюдаться права представителей всех этносов, вне зависимости от мнения отдельных политиков, уверена парламентский адвокат Аурелия Григориу. По ее словам, в Центр по защите прав человека поступает огромное количество жалоб от русскоязычных граждан страны, которые считают, что их права нарушаются. Одни суды не принимают иски на русском языке, другие не предоставляют переводчиков во время процесса, госучреждения выдают без перевода документы, а кое-где вообще отказываются говорить на русском. Уже мало кто помнит, что законодательство предписывает госслужащим общаться с посетителями на том языке, на котором к ним обращаются, – молдавском или русском. Конечно, за 25 лет в стране значительно выросло число граждан, отлично владеющих помимо родного

В форуме
приняли участие
ученые, право-
защитники,
депутаты
парламента,
журналисты

русского государственным языком страны. Как считает председатель Ассамблеи народов Молдавии Ольга Гончарова, на нем сегодня говорят 70 процентов русскоязычной молодежи. Именно они обеспечивают реальный эффект билингвизма. Молдавская молодежь, которая еще 20–25 лет назад легко могла переходить с одного языка на другой, сегодня похвастать этим может все меньше. «Русский язык тихо выдавливается из сферы общения», – констатирует Гончарова. Добавим, из сферы образования тоже.

В БОРЬБЕ ЗА ЗНАНИЯ

Неприятным, хотя и ожидаемым, сюрпризом для граждан страны стал новый Кодекс об образовании, который вступил в силу в самом конце ноября 2014 года. Этот документ официально отменяет русский язык как обязательный предмет в лицеях и гимназиях, оставляя ему статус факультативного. Зато обязательным для обучения становится английский язык, который, вероятно, надеются авторы документа, впоследствии заменит русский в качестве языка межнационального общения. Кстати, Молдавия поддержала предложение главы украинского МИДа Павла Климкина перейти на заседаниях региональной Организации за демократию и экономическое развитие ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия) с русского языка на английский. Вероятно, для улучшения взаимопонимания и эффективности в поисках решений задач, стоящих перед этими странами.

Еще одно положение Кодекса об образовании гласит, что гражданин, конечно, вправе обучать своего ребенка на родном языке, но лишь в том случае, если местные власти изыщут возможность для реализации этого права. То есть если местная администрация найдет деньги для содержания русской школы, она будет работать, не найдет – идите в молдавский лицей. «Настораживает синтагма «по возможности», приводящаяся в документе, когда речь заходит об обеспечении возможности обучения на том или ином языке», – говорит доктор филологии Виктор Костецкий. Есть серьезные опасения, что возможностей не будет, а значит, в селах будут закрываться последние русские школы.

Между тем, уверен глава представительства Россотрудничества в Молдавии Валентин Рыбицкий, чтобы русский вернул себе статус языка-посредника в Молдавии, «необходимо обеспечить образование на нем во всех сферах. Не будем забывать, что около 700 тысяч граждан Молдавии работают в России, существенно помогая тем самым своим семьям и своей стране. От того, как будет реализовываться новый Кодекс об образовании, где положения об обучении на русском языке несколько отличаются от предыдущего соответствующего закона, зависит и жизнь русского языка в Молдавии», – заявил он на конференции в Кишиневе.

С точки зрения соблюдения прав русскоязычного населения новое законодательство в сфере образования не выдерживает никакой критики, считает парламентский адвокат Григориу. В отличие от омбудсмена представители власти не видят поводов для критики и призывают русскоязычных граждан страны не паниковать. «Мне кажется, что, так как сегодня в кодексе сформулирована идея изучения языков, ничей интерес не ущемляется», – заявила глава Министерства просвещения Майя Санду в одном из интервью местным СМИ. А экс-председатель парламентской комиссии по образованию Кирилл Лучинский пообещал: «Если новый Кодекс об образовании Молдовы не будет устраивать граждан, существуют законодательные механизмы, предусматривающие возврат к этому документу и его улучшение». «Сейчас нам предстоит крайне ответственная работа – внедрять Кодекс об образовании на практике и сделать так, чтобы этот документ не вызывал конфронтации. Я хотел бы, чтобы все мы имели консолидированную позицию в деле реформирования системы образования», – сказал Лучинский с трибуны республиканской конференции, предложив не политизировать проблему. Участники конференции предложили призвать парламент страны провести в ближайшее время слушания по вопросу функционирования русского языка в Молдавии.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«РУССКИЙ ЯЗЫК В АРМЕНИИ НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ИНОСТРАННЫМ»

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

ПЕРВЫЙ В МИРЕ РУССКИЙ ЦЕНТР, ОТКРЫТЫЙ В АРМЕНИИ СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД, ВСТУПАЕТ В КОНКУРЕНЦИЮ С ЦЕНТРОМ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕС.

АК ВО ВСЯКИЙ СТАРЫЙ университет, вход в Ереванский государственный университет начинается с мраморной лестницы. Поднявшись по ней, сразу замечашь Русский центр и Центр европейских исследований ЕС. Бросается в глаза их несоразмерность. Русский центр хоть и выглядит респектабельно – книжные стеллажи библиотеки, мебель из натурального дерева, аромат кофе с пряностя-

ми, – но зажат в уголок. Центр европейских исследований – хайтековая глыба, разросшаяся чуть ли не на весь этаж. А вот вес каждого из центров обратно пропорционален занимаемой площади. Русский центр бурлит встречами, языковыми курсами, гомоном детей, а европейский – излучает тишину делового офиса. Вопрос в том, как долго продлится их молчаливая языковая и культурная конкуренция.

ВНЕ СТАТУСА

– Совсем мы не маленькие, – встречает нас улыбчивая Арусяк Нерсесян, директор Русского центра Ереванского государственного университета, – просто нам всегда не хватает места. Но это же здорово, что к нам идут и идут?

Как признает Арусяк Нерсесян, она уже привыкла, что к ним приходят не только студенты-русицы, но и студенты самых разных факультетов – юридического, механико-математического, социологии – почти всех из 19 факультетов, а также школьники и дошкольники. Таков растущий спрос на изучение русского языка. Хотя после обретения Арменией независимости в 1991 году и до сегодняшнего дня статус русского языка в стране не определен. Формально русский язык стал одним из иностранных. По факту все осталось так, как было в СССР, – русский язык преподается в общеобразовательных школах со второго по двенадцатый класс. Правда, есть подводные камни такой классификации: 65 школ позиционируют себя учебными заведениями с углубленным изучением русского языка и считаются элитными, а в 1047 школах трехмил-

Что такое Русский центр Армении

Первый в мире Русский центр фонда «Русский мир» был открыт в Ереванском государственном университете (ЕГУ) в январе 2008 года. Он позиционирует себя как «кусочек сердца России», где проводятся курсы русского языка, кинолектории, круглые столы, читательские конференции, творческие вечера и литературные встречи, отмечаются памятные даты, организуются выставки, акции и методические семинары. За короткую историю РЦ посетили более 60 тысяч человек. Целевая аудитория – студенты, школьники и дошкольники.

Источник: «Русский мир.ru».

лионной республики русский язык изучают по обычной программе, урезанной в последние годы.

Разница между двумя школьными курсами как между небом и землей. В том же Русском центре практически любой, кто туда заходит, говорит на хорошем русском, нередко без акцента. А вот на улице...

Супермаркет в центре Еревана. Специально туда пришел за тонким армянским лавашем и сыром чечил. На кассе девушка лет 20 недоуменно показывает пальцем на протянутую ей местную валюту – драмы. И не берет. Что-то улыбчиво-тревожно говорит на родном языке.

– Что-то не так? – спрашиваю на русском.

– ...Не говорит руски... – Она все так же тревожно улыбается и зовет менеджера зала. Выясняется, что я дал под расчет в тысячи раз меньшую сумму, перепутав курсы валют, а объясняться мы не можем – нет языка-посредника.

– Ничего удивительного, – считает глава партии «Родина и честь» Гарник Маргарян, – у нас за годы независимости выросло несколько поколений, которые не знают никаких иностранных языков, хотя формально учили и русский, и английский. И если с английским ничего нового – он был и остается доступным узкому кругу элиты, то уровень преподавания русского языка, когда-то всем доступного, в школах падает. Плюс к этому внутри республики, особенно вне Еревана, нет русской языковой среды, а значит, разговорной практики. Вот и вырастают молодые люди, которые не говорят по-русски, хотя учат язык десять лет. Тут еще в чем проблема? Из 3 миллионов армян более миллиона едут на заработки в Россию и по миру. Увы, армяне бродят по свету, как до и после 1915 года.

Ведь в течение двадцати с лишним лет независимости у нас было больше потерь, чем достижений. Так к проблеме поисков работы за границей добавляется та, которой не было, – плохое или полное незнание русского языка.

Вот эту проблему – снижение качества изучения русского языка в республике и сужение сферы его влияния – и пытается если не снять, то хотя бы последовательно и наступательно решать Русский центр.

ВОЛОНТЕРЫ РУССКОГО ВЛИЯНИЯ

Студентка ЕГУ Сирануш Гариян, давний волонтер центра, на круглый стол «Эвтаназия: за и против» в Русский центр идти не хотела. Там был аншлаг – просмотр и обсуждение на русском языке фильма «Вы не знаете Джека» о «враче-спасителе» и «враче-дьяволе» – американце с армянскими корнями Джеке Кеворкяне, предложившем легализовать эвтаназию. После кино – дискуссия. Условие всех культурных программ центра – любая полемика идет исключительно на русском языке.

Однако накануне Гариян посмотрела другой фильм об эвтаназии – «Море внутри», где излагается иная, не модная точка зрения на эвтаназию – христианская. Она проста и жестка одновременно: человеку жизнь дает Бог, и лишь он вправе лишить человека ее. Фильм «Вы не знаете Джека» благодаря и неординарности личности Кеворкяна, и великолепной игре Аль Пачино, а также учитывая темперамент и патриотизм армян, мог вызвать в полемике горячую поддержку Кеворкяна, что смущало девушку и отбивало желание идти на дискуссию.

– Вначале так и было, – рассказывает другой волонтер, Ева Айрапетян,

– мне, как и другим, показалось, что вопрос эвтаназии нельзя упрощать, но законы, его регулирующие, надо создавать, как настаивал Джек Кеворкян. Отношение к смерти в современном социуме вообще какое-то легкомысленное. Почему никто не хочет об этом задумываться? Все думают, что будут жить вечно и с ними никогда этого не случится.

В таком ключе все и продолжалось бы. Если бы ее организаторы не предложили посмотреть еще один фильм – «Море внутри», а потом подключить к спору студентов – юристов, биологов, богословов, психологов и социологов.

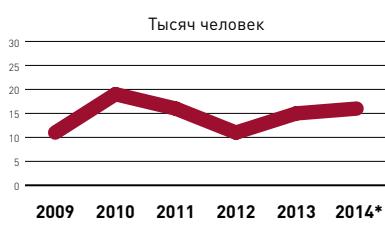
– Вышло неожиданно, – вспоминает волонтер Сирануш Гариян, – была такая зашкаливающая разница мнений, что от волнения почти все с русского переходили на армянский. А это очень хорошо. Значит, задело. Значит, дискуссия подготовлена правильно. Кстати, давно заметила, что через такое волнение, острую нехватку слов и стресс почему-то легче углублять знание изучаемого языка. Легче запоминаются целые блоки речевых обзоров и вырабатывается умение думать на русском языке.

По такому же принципу – обсуждения и полемики – Русский центр организует просмотры российского и советского кино: «Война и мир», «Преступление и наказание», «Женитьба Бальзамина», «Дама с собачкой».

– Мы стараемся показывать такое кино, – объясняет Арусяк Нерсесян, – чтобы потом студенты и школьники захотели прийти в нашу библиотеку и прочитать то, что они увидели. Или хотя бы прикоснуться к оригиналам.

На вопрос: «И как, удается?» Нерсесян не отвечает. Она ведет в библиотеку. Там лежит большая конторская тетрадь регистрации выданных книг, как по абонементу – студентам и школьникам, так и по паспортам – любому желающему с улицы. Беглого просмотра достаточно, чтобы понять: классику – Пушкина, Чехова, Достоевского – народ читает мало. Тем не менее уровень запросов читателей библиотеки скорее вызывает уважение, нежели удивляет. Самые

Динамика роста числа посетителей Русского центра Армении

* Предварительный прогноз.

Источник: Русский центр ЕГУ.

востребованные книги на русском языке – по финансам и бухгалтерскому учету, по нефтепереработке и газодобыче, очень много на руках книг по российскому законодательству, потом идет учебная (философия, политология) и методическая литература по русской филологии. И лишь потом – небольшой ручеек интереса к Чехову, Куприну, Толстому, русским народным сказкам и, разумеется, к творчеству русских армян – Айвазовскому, братьям Орбели, Сарьяну, Бабаджаняну и Падраджанову.

– Ничего удивительного, – отмечает Лилия Баласанян, глава Ассоциации учителей русского языка и литературы общеобразовательных школ Армении. – Статистика выбора книг в Русском центре говорит о том, что сегодня выбор неродного языка или иностранного языка – естественный выбор. Он, как правило, продиктован экономической целесообразностью и благосостоянием семьи. Конечно, политически мы создаем благоприятные условия для развития русского языка, но настаивать или, тем более, прессинговать людей, у которых есть выбор, невозможно. Это приводит к обратному результату. Поэтому экономическая выгода – важный фактор. Все чаще – определяющий. И как показывает уровень читательских предпочтений библиотеки Русского центра, этот pragmatism успешно работает. Но осознается и реализуется обеими сторонами процесса изучения языка – российской и армянской – слишком долго и тяжело.

Баласанян уверена, под меняющиеся запросы изучения русского языка надо менять и методику его преподавания, как в школах разных степеней, так и в вузах. А вот с этим не все получается.

Русский центр в Ереванском государственном университете бурлит встречами, языковыми курсами, гомоном детей

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РАЗГОВОРНЫЙ ИЛИ ПИСЬМЕННЫЙ

Накануне нового, 2014/15 учебного года учителей русского языка средних школ Армении ждал сюрприз. В российское посольство в Ереване были приглашены педагоги-русисты из 65 школ с углубленным изучением русского языка. Исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин вручил педагогам сертификат на 50 тысяч букваверей и учебников для 65 школ.

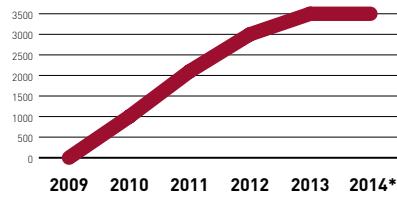
– Эти книги – финиш многолетней работы, чем мы особо гордимся, коллектива армянских ученых и педагогов, – считает Владимир Кочин, – которые адаптировали методику преподавания русского языка под запросы и возможности школ республики. Еще один повод для общей радости – новые учебники отвечают современным методическим требованиям преподавания русского языка как иностранного. «Виновница» методических новаций – новые пособия разработаны и экспериментально опробованы армянскими лингвистами с учетом изучения русского носителями армянского языка – Наира Айрапетян, один из авторов учебников, пред-

седатель научно-образовательного центра «Интеллект» (Ереван). Это она первой из ученых, как говорит, «пошла на авантюру». Она просто набралась дерзости и по договоренности с группой соавторов, без особой надежды на результат послала учебники на экспертизу в Минобрнауки России. Оттуда их переслали в Институт русского языка имени А.С. Пушкина. Прошло около восьми месяцев, эксперты дали заключение: «Готовить к изданию».

– Нам нужна такая pragmatичная наступательность России, – говорит Белла Есаджанян, профессор Ереванского государственного педагогического университета и главный редактор журнала «Русский язык в Армении». – Ведь что произошло? Новую методику преподавания русского языка для школ с углубленным изучением русского языка разработали армянские ученые. Российские ученые из Института русского языка имени А.С. Пушкина и Института языкоznания РАН дали экспертное заключение. Это пример взаимовыгодного сотрудничества, которое продвигает науку и популяризацию русского языка и русской культуры ровно настолько, насколько в них есть заинтересованность и потребность.

При этом армянские русисты и методисты подчеркивают, что в их стране всегда была хорошая школа изучения русского языка, но за последние годы мир изменился стремительно. Русский стал иностранным в Армении, а методики его преподавания остались либо прежними, либо если новыми, то разрозненными. Новые учебники – от буквавра и до двенад-

Динамика роста числа читателей библиотеки Русского центра Армении

*Предварительный прогноз.

Источник: Русский центр ЕГУ.

цатого класса – дают возможность изучать русский язык по ускоренной разговорной и методике чтения. И с учетом достижений отечественного языкоznания.

– Главная проблема изучения русского языка в Армении – это отсутствие бытовой практики общения на русском языке, – говорит Наира Айрапетян. – Значит, чтобы его закреплять, надо иначе преподавать. Учить не письму и орфографии в первую очередь, что было общепринятым стандартом раньше, а разговорному русскому. И в этом смысле новые учебники – это многолетний, примерно за период в пятнадцать лет, научный труд по обобщению практического преподавания русского языка в армянских школах для носителей армянского языка. Отвечая на вопрос о том, в чем же специфика, как могло бы выразиться некогда знаменитое «армянское радио», армянского русского языка, Наира Айрапетян смеется:

– Помните анекдот «армянского радио»: «Не силь, а сол, чорт нерусский»? Вот наша задача была в том, чтобы адаптировать методику изучения русского языка под армянскую аудиторию и сохранить правильное произношение. Ну, и по возможности – это уже для будущих студентов-филологов и желающих грамотно писать на русском – сберечь орфографию.

При этом ученые понимают: то, что они сделали, – капля в море. Они вообще убеждены в том, что Армения находится лишь в начале трудного и долгого пути по изменению условий и методики преподавания русского языка. Ведь новые учебники доступны узкой аудитории – 65 элитным школам, в то время как обычные общеобразовательные школы – а их 1040 – продолжают учить русский язык по старым ме-

тодикам, а совершенствовать его и углублять, чтобы научиться говорить свободно, снова придут в Русский центр.

– Я, честно скажу, ничего не знала о новых учебниках, прошедших экспертизу в России, – признается Арусяк Нерсесян, – точнее, сообщество небольшое, я, разумеется, в курсе проблемы. Но то, что изданы учебники и теперь по ним пойдет учеба, для меня это новость. И – вызов. Тоже будем меняться. Кстати, в Министерстве образования и науки Армении подчеркивают, что и впредь готовы и заинтересованы высыпать в Россию на анализ учебники по русскому языку для обычных школ, которые в Армении прошли предварительную экспертизу. Правда, Наира Айрапетян подчеркивает, что пособия пока «несовершенны и требуют доработки, а уже потом пойдут на экспертизу в Россию». Главная проблема, которая стоит перед методистами-реформаторами, – сделать преподавание русского языка в обычной школе более интенсивным. Например, тот объем знаний и разговорной практики, что дают в обычных школах за одиннадцать лет, в элитной проходят за пять-шесть лет. Вот и меняются методики, прежде всего разговорные, ради того, чтобы школьники умели хотя бы бегло говорить по-русски. Ведь еще одна и самая распространенная проблема обычных школ – примерно половина школьников русский язык знают, но стесняются своего произношения или медлительности своей речи. Так что очередной виток процесса научной работы по созданию новых учебников для обычных школ, где изучают русский язык, запущен. Как ожидается, в 2015 году дорабатываемые учебники пройдут экспертизу, а еще через год-другой будут изданы.

«ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ»

Холл Русского центра всех входящих встречает растяжкой: «Время говорить по-русски».

– Это волонтеры придумали, – показывает на растяжку Арусяк Нерсесян. – Сами написали и прикрепили.

Вскоре этот призыв стал лейтмотивом летних языковых курсов для самых маленьких – от 6 до 10 лет. Его проводят не только педагоги, но и студенты-волонтеры, причем не обязательно будущие филологи – все, кому интересно и кто таким образом хочет закрепить свой языковой багаж. Интересно, что реакция как у малышей, так и у студентов-старшекурсников на то, что дают им летние языковые курсы, едва ли не одна и та же:

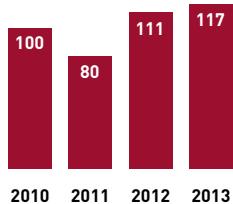
– Знаете, начитавшись русских сказок, «матрешкой», Дедом Морозом или «самоваром» поскакешь на утреннике – и охота по «Золотому кольцу» поездить, – признается волонтер Анна Хизанцян. – Ну, или хотя бы на Кремль и Москву посмотреть.

Вот только таких поездок очень мало: дорого. Как признается Арусяк Нерсесян, самая большая награда для волонтеров и просто активистов Русского центра – это ручки, футболки, бейсболки, блокноты и «сувенирка» с символикой фонда «Русский мир». Нерсесян от вопроса: «Разве сложно познакомить с Россией молодежь, которая так искренне тяготеет к русскому языку и культуре?» тактично уходит. С этого вопроса начинается наш разговор с министром образования и науки Армении.

– Что я могу сказать? – отвечает Армен Ашотян, министр образования и науки. – Скажу откровенно: Русский центр в Армении нуждается в помощи России. Если Россия хочет, чтобы Армения говорила по-русски.

И делает паузу. Окна кабинета министра выходят на площадь Республики – сердце Еревана. Площадь оживленная, чем-то неуловимо похожая на Рим и Южную Европу. И вот с вопроса о том, почему Армения тяготеет к Европе, но упрочивает свои контакты с Евразией, и где тот баланс, который ей позво-

Рост числа студентов при приеме на факультет русской филологии ЕГУ

Источник: Русский центр ЕГУ.

ляет быть самой собой, и началось интервью.

Армен Ашотян, когда в первый раз пришел в Русский центр, тоже обратил внимание на то, как вольно раскинулись офисы Центра европейских исследований в ЕГУ и как они не только визуально теснят в угол Русский центр.

– Все это продолжится, – прогнозирует министр Ашотян, – если русские не избавятся от иллюзии, что армяне всегда будут говорить по-русски. Еще – от знаменитой на весь мир русской беспечности. Простой пример. В Армении очень много российских компаний мирового уровня. Как делают западные компаний? Они обязательным условием устройства к ним на работу армянских граждан прописывают строкой контракта – «знание английского языка». Кто-то – только разговорного, кто-то – и письменного, и разговорного. В Ереване полно российских компаний – МТС, «Газпром», Сбербанк, РЖД, «Роснефть» – все не перечислишь. Вроде просто: чтобы поднять градус востребованности русского языка, достаточно выставить такое же условие – обязательное владение русским языком. А россияне, наивно уверенные в том, что «армяне и так говорят по-русски», не принимают минимальных мер для продвижения русского языка. Почему?

Армен Ашотян полагает, что где-то здесь кроются причины скромного присутствия Русского центра на межкультурном и гуманитарном пространстве Армении, которую все больше обволакивают обаянием своего влияния Британский совет, Институт Сервантеса (Испания) и Институт Гёте (Германия), а также целый сонм гуманитарных центров США. Близкую с министром позицию занимает и оппозиционный политик и политолог Гарник Маргарян. Он убежден, что издание учебников по русскому языку – «это необходимый, но скучный минимум». С его точки зрения, чтобы продвигать русский язык по-настоящему, надо издавать, как это делают ЕС и США в Армении, учебники и профессиональную литературу для целевой

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Проблему снижения качества изучения русского языка в Армении решает Русский центр – сюда все больше приходит людей, желающих учить русский

аудитории. Например, для армян, особенно 18–25-летних сотрудников российских фирм, – учебники по финансам, высоким технологиям, по нефти и нефтепереработке, газу, транспорту и даже по сельскому хозяйству.

– Вот такими новыми инструментами влияния, – убежден Гарник Маргарян, – можно и нужно создавать и упрочивать именно экономическую целесообразность изучения русского языка и культуры. А все остальное, как в семье, где много детей, приложится.

Впрочем, «камни в огород России», как считает Наира Айрапетян, мож-

но кидать долго, что не приближает Армению к не решенной внутри страны проблеме.

– Я, как и большинство моих коллег-русистов, да и простых армян, против того, что у русского языка статус иностранного в Армении, – говорит Наира Айрапетян. – Мое глубокое убеждение – русский язык в Армении по определению

Активисты и волонтеры Русского центра Армении не считают русский язык иностранным: «Он, скорее, неродной или второй родной»

не должен быть, как сегодня, иностранным. Хуже того, он по официальному статусу – один из иностранных языков. Но ментально, духовно и с точки зрения культуры русский язык для армян никогда не был и не будет иностранным. Да, он неродной, но русский для армян – это язык, через который они выходят в мир, зарабатывают на жизнь, наконец, это язык нашей многовековой общей истории. Это язык нашей духовной близости. Для части армян, живущих не только в России, это язык мышления. Как он может быть для армян иностранным?

Активисты и волонтеры Русского центра тоже не считают русский язык иностранным.

– Он, скорее, неродной или второй родной, – говорит Сирануш Гарбян. – Для кого как. Все зависит от того, насколько ты его знаешь или не знаешь. Или есть ли у тебя родственники, которые живут или работают в России. Любой из нас не исключает, что завтра окажется в России. Причем не обязательно уезжать навсегда. Границы мира расширяются, рынка труда тоже. Можно ведь просто поехать и поработать, а приобретенный опыт привезти домой.

Это стремление волонтера Русского центра и есть то, что ученые и общественные деятели называют направлением научной, законодательной и гуманитарной работы Армении и России, с тем чтобы вернуть русскому языку в армянской аудитории его статус и влияние.

УЕДИНЕНИЕ НА ВИДУ

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

ЕЖЕГОДНО МУЗЕИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА ПОСЕЩАЕТ ОКОЛО 5 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК. БОЛЬШИНСТВО ПОСЕТИТЕЛЕЙ ДАЖЕ НЕ ЗАДУМЫВАЮТСЯ О ТОМ, ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ НАЗВАНИЕ И ЧТО ОНО КОГДА-ТО ОЗНАЧАЛО. СЕГОДНЯ ЭРМИТАЖ – ИМЯ САМОДОСТАТОЧНОЕ. ВО ВСЕМ МИРЕ. И ПОТОМУ 250-ЛЕТИЕ ЭРМИТАЖА, КОТОРОЕ ОТМЕТИЛИ В ДЕКАБРЕ 2014 ГОДА, ПРЕВРАТИЛОСЬ ВО ВСЕМИРНЫЙ ПРАЗДНИК ДЛЯ ВСЕХ, КТО МАЛО-МАЛЬСКИ НЕ ЧУЖД КУЛЬТУРЕ ВО ВСЕХ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯХ.

АНАЧАЛОСЬ ВСЕ В 1764 году, когда императрица Екатерина II приобрела у берлинского купца Гоцковского коллекцию живописи фламандских и голландских мастеров. Тогда же началось строительство флигеля, примыкающего к Зимнему дворцу, где вскоре разместили коллекцию картин и библиотеку и где государыня любила проводить время в уединении или в компании самых близких людей. Флигель получил имя «Эрмитаж», что в переводе с французского означает «место уединения».

Традиционные дни Эрмитажа, организуемые многие годы в первую декаду декабря, в связи с юбилеем превратились в праздник «нон-стоп». Только в течение главных праздничных дней – с 7 по 9 декабря – гости получили приглашения на семь мероприятий самого разного вида: от торжественных церемоний до открытия различных музеиных экспозиций. Это и выставка «Эрмитаж Ея Императорского Величества». И начало работы постоянной экспозиции «Русская культура второй половины XVIII века». И открытие после реставрации со-

бора во имя Спаса Нерукотворного в Зимнем дворце. И открытие постоянной экспозиции «Оружейное искусство Ближнего Востока XV–XIX веков». И традиционная торжественная церемония в Георгиевском зале Зимнего, посвященная Дню святого Георгия Победоносца, с выносом знамен полков Русской императорской гвардии. А ведь были и другие чудесные события, начавшиеся с 1 декабря.

Но главным действом дней Эрмитажа стало открытие постоянных экспозиций в здании Главного штаба на Дворцовой площади. Того самого, над аркой которого вздыбилась шестерка коней, запряженных в колесницу Победы. Когда-то в восточном крыле полукилометрового здания располагались министерства финансов и иностранных дел Российской империи. В 1993 году крыло было передано Эрмитажу. Там размещались временные выставки, а с 2000 года – экспозиция Музея гвардии. После 2008 года началась реконструкция этих помещений, и спустя пять лет новый музейный комплекс был готов к эксплуатации. Были приведены в порядок, отреставрированы внутренние помещения, а внутренние дворы превращены в огромные закрытые многофункциональные площадки.

И тут встал вопрос – а как все это использовать с максимальной для Эрмитажа пользой? «Долго над этим ломали голову, – говорит начальник отдела Эрмитажа «Главный штаб» Александр Дыдин. – Но найденное решение того стоило. Теперь здесь на постоянной основе разместятся коллекции европейской живописи XIX–XX веков. В Главный штаб переехали Моне, Ренуар, Дега, Сезанн, Ван Гог, Матисс, Гоген, Сислей, Писсарро, Боннар, Дени...».

И, надо признать, переехали в куда более комфортные условия. Если раньше многие отмечали, что эти картины экспонируются, скажем мягко, в стесненных обстоятельствах, то теперь гении мировой живописи получили отдельные залы со специально организованным интерьером и светом. По сути, в системе Государственного Эрмитажа, включающего в себя главный музейный комплекс [Зимний дворец, Малый Эрмитаж, Старый Эрмитаж, Новый Эрмитаж, Эрмитажный театр], Зимний дворец Петра I, Меншиковский дворец, Музей императорского фарфорового завода, появился еще один полноценный музей – в Главном штабе.

Возможности новой площадки та-ковы, что помимо живописных коллекций удалось восстановить экспозицию Музея гвардии, разместить коллекции русского и западноевропейского декоративно-прикладного искусства, открыть залы Карла Фаберже. Отдельный интерес представляют помещения, где когда-то располагались структуры Министерства финансов и Министерства иностранных дел Российской империи, в которых восстановлены декор и интерьер XIX и начала XX века: кабинеты министров, приемные залы МИДа, библиотека Минфина.

7 декабря, в День святой Екатерины, на торжественном открытии нового музейного комплекса долгих речей не было. Генеральный директор Эрмитажа Михаил Пиотровский в течение нескольких минут рассказал о том, как рождался проект и кто помогал появиться ему на свет: «В Главном штабе было уже много выставок, был фестиваль современного искусства «Манифест», и каждый день начинают ра-

РИА НОВОСТИ

На торжественном приеме, посвященном 250-летию Эрмитажа, выступил президент России
В.В. Путин

боту какие-то новые экспозиции. Но сегодня мы открываем то, ради чего это все затевалось. Было много самых разных событий, происшедших для того, чтобы это стало возможным. Было замечательное здание, где «жили» все на свете, включая ЧК, милицию, внутреннюю тюрьму, военных и многих других. Были моменты отчаяния, когда было непонятно, что делать и как освоить такое громадное здание. Но было и много друзей, которые поддержали нас в вере, что можно многое сделать...» После этих слов Михаил Борисович сразу предложил пройти в анфилады Главного штаба, что и было сделано.

Субординацию соблюдают, как правило, тогда, когда больше де-

лать нечего. В данном случае три анфиладные линии – Дворцовая, Певческая и Речная (вдоль Мойки), разбросанные по трем этажам, – оказались настолько насыщены великим содержимым, что статусы были забыты сразу. По залам вперемежку шли господа категории VIP и многочисленные гости, представляющие российские музеи, театры, архивы, библиотеки, а также виновники торжества – сотрудники Эрмитажа. Замерев у «Моста Ватерлоо» Кло-да Моне, можно было отвлечься на секунду и заметить, что рядом также замер... директор Лувра Жан-Люк Мартинес. А чуть в стороне – директор Британского музея Нил МакГрегор. Тоже – замер. ●

РИА НОВОСТИ

Генеральный директор Эрмитажа Михаил Пиотровский

ЛАТВИЯ ГОТОВИТСЯ К НОВОЙ ВОЛНЕ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЛАТВИИ ЗАВЕРШИЛСЯ СБОР ПОДПИСЕЙ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ РЕФЕРЕНДУМА О ЗАПРЕТЕ ПРОПАГАНДЫ ГОМОСЕКСУАЛИЗМА СРЕДИ ДЕТЕЙ. РЕФЕРЕНДУМА НЕ БУДЕТ. ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ЗАЩИТИМ НАШИХ ДЕТЕЙ!», УЧРЕЖДЕННАЯ ВЛАДИМИРОМ ЛИНДЕРМАНОМ, КОТОРЫЙ ДВУМЯ ГОДАМИ РАНЕЕ УСПЕШНО ИНИЦИРОВАЛ ПРОВЕДЕНИЕ В СТРАНЕ РЕФЕРЕНДУМА О СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА, СУМЕЛА СОБРАТЬ ЛИШЬ 12 ТЫСЯЧ НОТАРИАЛЬНО ЗАВЕРЕННЫХ ПОДПИСЕЙ ИЗ НЕОБХОДИМЫХ 30 ТЫСЯЧ. НАИБОЛЕЕ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В АКЦИИ ПО ТРАДИЦИИ ПРИНИМАЛИ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ГРАЖДАНЕ ЛАТВИИ. НО НА СЕЙ РАЗ ОЩУЩАЛАСЬ ПОДДЕРЖКА И ОТ ЛАТЫШЕЙ.

ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА по русскому языку 2012 года, изрядно напугавшего власти, в стране был изменен порядок проведения референдумов. В 2013 году на первом этапе необходимо было собрать в течение года уже 30 тысяч подписей (ранее – 10 тысяч), причем до этого предлагаемый для обсуждения законопроект должен был получить разрешение ЦИК. Но и этот порядок уже изменен. С 1 января 2015 года желающим провести референдум в Латвии нужно будет в течение года собрать одну десятую часть подписей всех избирателей, что составляет более 150 тысяч (!) человек. С такими поправками власти могут спать спокойно: инициировать роспуск парламента со стороны избирателей теперь практически невозможно.

Но вернемся к теме провалившегося референдума. С чего это вдруг в такой довольно традиционной и консервативной стране, как Латвия, русские и поддержавшие их в этом вопросе латыши заговорили об опасности гей-пропаганды? Причем задолго до того, как латвийский министр иностранных дел Эдгар Ринкевич гордо объявил в соцсетях о своей нетрадиционной сексуальной ориентации. До это-

го тот же министр запретил въезд в Латвию некоторым деятелям культуры, выступившим в поддержку политики России по украинскому вопросу. Из-за этого скандала популярный международный конкурс молодых исполнителей «Новая волна» больше не будет проводиться в Юрмале. Теперь он будет проходить в одном из российских городов. Как уже предсказывают многие, для латвийского курортного города это может обернуться экономическим крахом. Хотя оптимисты теперь возлагают надежды на европейский гей-парад, который пройдет летом в столице Латвии. Ожидается приезд нескольких тысяч веселых, раскрашенных в цвета радуги европейцев с перьями и бубнами. Рига уже вовсю готовится к новой волне – «голубой» и «розовой».

СЕКСПРОСВЕТ С 6 ЛЕТ

Обеспокоенные родители в недоумении: как им объяснить всю эту вакханалию детям? Впрочем, функции разъяснения уже взяло на себя Европейского бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), разработавшее «Стандарты сексуального образования в Европе». Документ опубликован на сайте ВОЗ. Программа сексу-

ального образования разработана на основе матрицы, с разбивкой по возрастам. Идея в том, что сексуальное образование надо начинать с самого раннего возраста. Возможно, какие-то положения этого документа могут показаться прибалтам, где подавляющая часть населения испокон веков придерживалась традиционных христианских канонов, излишне смелыми. Ну а что делать? Приходится соответствовать европейским ценностям.

Первый тревожный звонок раздался два года назад, когда, с подачи министра благосостояния Латвии Илзе Винькеле, в детских дошкольных учреждениях началось активное распространение книжек и брошюрок с фривольными картинками, описывающими во всех деталях процессы зачатия и деторождения, а заодно и иллюстрирующими однополую любовь. Названия говорят сами за себя: «День, когда Карлис был Карлиной» и «День, когда Рута была Рихардом», маленькие герои которых перевоплощаются в другой пол. Затем появились и методички для педагогов «Садики, где есть место Пеппи-Принцам и Пиратам-Принцессам». Пособия должны помочь воспитателям и учителям «отказаться от застарелых стереотипов о способностях, навыках и половом поведении мальчиков и девочек». Вся литература – перевод с датских пособий, изданных по заказу Министерства равноправия Дании. Более 50 родительских, педагогических и христианских организаций Латвии выступили с обращением к властям, протестуя против таких, на их взгляд, сомнительных веяний из Европы. Но в нескольких детских садах директора все же решили шагать в ногу со временем и не только познакомили детишек с книжными новинками, но и предложили девочкам переодеться мальчиками, а мальчикам – надеть платьица и юбочки. Нашлись послушные родители, в основном в латышских детсадах, русскоязычные, мягко говоря, возмутились. Тем не менее в Латвии началась постепенная реализация «Плана по равноправию полов на 2012–2014 годы».

ПРОТИВОСТОЯТЬ ГРЕХУ МОЛИТВОЙ?

Первым поднял тревогу журналист Владимир Линдерман, лидер движения «ЗаРЯ» («За русский язык»), чей образ в глазах большинства латышей прочно связан с главной «русской угрозой» государственному языку Латвии. Как бы там ни было, но, возможно, именно эта демонизация Линдермана и помешала более активному сбору подписей за внесение поправок в Закон о защите прав детей. А между тем организатор акции на сей раз не предлагал ничего противоречащего исконным латышским ценностям. В статье 110 Конституции Латвии, например, записано, что брак – это союз между мужчиной и женщиной. На основании этой статьи общество «Заштитим наших детей!» предлагало внести в закон поправки, запрещающие в детских общеобразовательных учреждениях рекламу и популяризацию сексуальных и брачных отношений между лицами одного пола. Кроме того, сторонники традиционных отношений предлагали законодательно запретить вовлекать детей в мероприятия по популяризации сексуальных и брачных отношений между лицами одного пола. «Методические пособия о Карлисе и Карлите и им подобные могут показаться вполне невинными, но тот, кто следит за событиями в Европе, понимает, что это только первый шаг. За ним следуют другие, – уверен Владимир Линдерман. – С подобных пособий как раз все и начиналось во многих европейских странах, а сегодня школьников младших классов учат, как предохраняться при однополом сексе и почему подобному». Пока шел сбор подписей за проведение референдума, Линдермана не раз называли главным гомофобом Латвии, хотя он с этим категорически не согласен: «Поверьте, мне нет дела до личной жизни взрослых людей. Но я против того, чтобы воспитание детей шло вразрез с базовыми человеческими ценностями», – заявил Владимир Линдерман, отец четырех детей.

Надо признать, что сбор подписей за референдум на сей раз про-

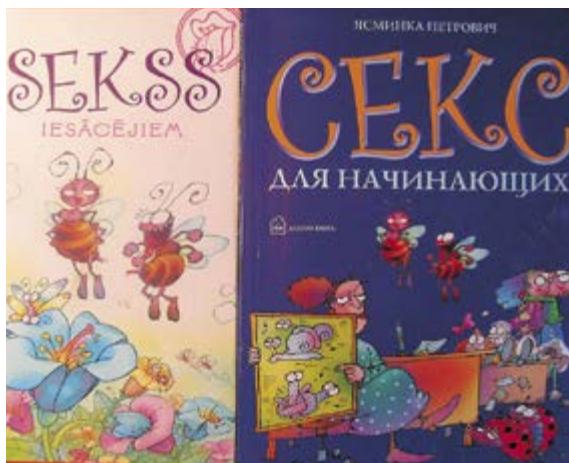

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Обеспокоенные родители организовали и провели в Риге шествие в защиту традиционных семейных ценностей

Книжечка издана латвийским издательством, специализирующемся на выпуске школьных учебников...

текал довольно вяло. Причин тут несколько, и одна из них в том, что подавляющая часть населения пока не считает эту проблему сколько-нибудь актуальной или опасной для себя. Лидеры крупных христианских конфессий хотя и высказались против агрессивного навязывания гомосексуальной идеологии и призвали защитить детей от гомосексуалистов, запретив им работать в школах, сами от участия в референдуме уклонились. Правда, призвали противостоять греху молитвой... Известный латвийский политолог доктор экономики Александр Гапоненко считает, что не стоит удивляться провалу референдума: «За пропаганду гомосексуализма в школах выступает мощное «голубое» лобби в нашем правительстве, и скандально прославившийся министр Ринкевич – это верхушка айсberга», – уверен он.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«ТВИТТЕР», ПОДЪЕМ!

Впрочем, не все так пессимистично смотрят на ситуацию. Как всегда, пример стойкости показывают женщины. По инициативе Аллы Спиршевской (общество «Наши дети») в популярных социальных сетях началась активная работа среди обеспокоенных родителей, решивших встать на защиту традиционной семьи. Сначала их общение было виртуальным – в «Фейсбуке» и «Твиттере» мамы и продвинутые бабушки делились своими размышлениями и тревогами, а также ссылками на статьи по различным проблемам, связанным с воспитанием детей. И, конечно, самой горячей оказалась тема гендерной революции. Ирина Смориго – мать двоих детей, программист. Еще недавно, по ее собственному признанию, она «жила на радуге и питалась росой». То есть вообще практически ничем не интересовалась, кроме собственной семьи и работы. Но вот в прошлом году в Риге случилась страшная трагедия: под рухнувшей крышей супермаркета погибли 54 человека. Всеобщее горе в те дни объединило многих людей, ранее не знавших друг друга. Многие познакомились в социальных сетях, когда был брошен клич по сбору средств для пострадавших. Ирина стала одной из активных участниц этой акции. Затем, узнав от единомышленниц об истории гражданки Латвии Лайлы Брице, у которой в Великобритании ювенальные власти отобрали двухлетнего ребенка, она возглавила группу поддержки

Лайлы и ее дочки. Общаясь со своими сторонниками в соцсетях, Ирина начала читать и все остальные сообщения, касающиеся защиты детей. А когда прочла о внедряемых в школах Латвии европейских «Стандартах сексуального воспитания», схватилась за голову. Неужто?! Надо что-то делать, решила мать двоих детей. «Сначала я пришла в общественную организацию родителей «Дзимта» («Род»), ее возглавляет Елена Корнетова, как и ее муж, она – педагог по профессии, – рассказывает Ирина. – И оказалось, что у нас много общего. Мы обеспокоены, почему сегодня из-за сущих пустяков отнимают детей у родителей и передают их чужим людям, почему детям с такой настойчивостью навязывают ранний секс-просвет. При этом нас, родителей, никто даже не спрашивает. А мы против! Интимные вопросы относятся к очень чувствительной сфере, здесь нужен крайне осторожный подход, чтобы не навредить детской психике.

Мы не хотим, чтобы наших детей разворачивали и подталкивали к гомосексуальным отношениям».

Елена Корнетова тоже возмущена методами, которыми действуют в Латвии сторонники гендерной революции. В качестве примера она привела реальный случай из жизни одной латышской школы. Идет урок по сексуальному воспитанию в пятом классе (до этого ребята уже ознакомились с европейским пособием «Секс для начинающих» с картинками и пояснениями про гомосексуализм и различные виды секса – рекомендовано для детей от 6 лет!). Учительница предлагает тем детям, кто считает, что однополые пары – это нормально, встать слева

от нее. Тем, кто считает, что это не-нормально, – встать справа. И вот несколько детей, «плохо выучивших урок», встают-таки справа! И учитель перед всем классом их за это высмеивает. «Самое ужасное, что родители узнают про эти эксперименты уже постфактум, когда их ребенок в слезах приходит домой. В русских школах, правда, до такого еще не дошли», – рассказывает Елена. Обеспокоенные родители, объединившись в союзы и группы, также приняли участие в сборе подписей за референдум против гей-пропаганды. Осенью, незадолго до выборов в Сейм, их поддержала и кандидат от «Русского союза Латвии» Ирина Цветкова, которая подготовила соответствующие поправки в закон и добилась внесения их на рассмотрение в парламентских комиссиях. Процесс идет и по сей день...

В ПОДДЕРЖКУ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Вот уж и в соседней Эстонии разрешили однополые браки, за ними и финны подтянулись, несмотря на активные протесты православных и католических конфессий. В этих условиях мамы Латвии решили громче заявить о себе. И провели в Риге шествие в поддержку семейных ценностей, в котором приняло участие около 500 человек – родители с детьми, бабушки, дедушки, студенты, школьники, священники. Русские, латыши, православные, католики, баптисты, буддисты, атеисты. Как рассказала одна из организаторов шествия, Ирина Смориго, они сами на свои средства печатали и распространяли листовки с воззваниями, рисовали плакаты, закупали большие белые

шары – символ чистой любви. И очень переживали, что отклика у своих сограждан не найдут. «Дело еще в том, что единственной партией, поддержавшей нас, оказался «Русский союз Латвии», – говорит Ирина. – Оно и понятно – только у «РСЛ» в программе речь шла про семейные ценности. Видимо, поэтому нас сразу окрестили в сетевых комментариях «пропутинскими силами». Хотя при чем тут Путин? Получается, если ты против гей-пропаганды, ты льешь воду на российскую мельницу? Что-то похожее мы уже слышали...».

Владимир Линдерман, кстати, тоже уверен, что многие известные люди испугались ставить свои подписи за референдум как раз из боязни обвинений в подыгрывании России. Отношение к гей-пропаганде стало своего рода разделительной чертой между Россией и Западом. И многие не рисуются открыто принять ту или другую сторону, стыдливо отводя глаза.

И все же марш традиционных семей прошел по Риге вполне мирно. Поэтому активисты-родители решили на этом не останавливаться. Сейчас уже началось обсуждение и подготовка к следующему семейному маршу, его планируют провести в Юрмале в тот же день, когда Ригу накроет «голубая волна» гей-парада.

А Владимир Линдерман свою инициативу с референдумом провалом не считает. Да, 30 тысяч подписей против распространения гей-пропаганды в школах не собрали. Но и 12 тысяч обеспокоенных граждан-родителей – не так уж мало! Если все они выйдут к Сейму со своими требованиями, то своего смогут и добиться. Еще плюс – в течение года в обществе была проведена огромная просветительская работа, прошли конференции, дискуссии, были опубликованы десятки статей и интервью с представителями разных общественных организаций и авторитетными специалистами. До значительного числа людей удалось донести важную информацию, многие избиратели начали отслеживать, кто из депутатов и как голосует по этой проблеме. Поправки Цветковой рано или поздно, но все же будут рассматриваться в Сейме Латвии. «Это только начало борьбы», – заверил организатор акции.

Это был редкий в наши дни случай, когда в гражданской акции участвовали и русские, и латыши, протестуя против гей-пропаганды в Латвии

ПОСОЛ РУССКИХ В ЕВРОСОЮЗЕ

БЕСЕДОВАЛА

АННА ЛОЩИХИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ДЛЯ ИНТЕРВЬЮ «РУССКОМУ МИРУ.RU»
ДЕПУТАТ ЕВРОПАРЛАМЕНТА ТАТЬЯНА
ЖДАНОК НАШЛА ВРЕМЯ МЕЖДУ
ВЫЗОВОМ НА ДОПРОС В ЛАТВИЙСКУЮ
ПОЛИЦИЮ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОЕЗДКОЙ
НА СКАНДАЛЬНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ-ОПРОС
О НЕЗАВИСИМОСТИ КАТАЛОННИИ.

— Т

АТЬЯНА АРКАДЬЕВНА, КАК В ЛАТВИИ ИДЕТ
следствие по поводу вашей поездки в Крым?

— Для возбуждения уголовного дела не нашли оснований. Но речь шла не только о моей поездке в Крым на референдум по поводу его вхождения в Россию. Мой коллега по Европарламенту Карлис Шадурскис подал заявление, в котором обвинил меня в попытках покушения на независимость Латвии. Я и в Латвии, и в России, и в Европарламенте говорила и говорю о необходимости борьбы с неофашизмом в странах Балтии, теперь вот — и на Украине... В итоге Полиция безопасности признала, что мои высказывания угрозы независимости Латвии не несут, но передала дело в прокуратуру.

— Тем более зачем в Крым поехали? Вы же понимали, что ставите под угрозу свою репутацию в Европе.

— Как раз репутация, наоборот, была бы подорвана, если бы я не поехала в Крым. Или, к примеру, на опрос о независимости в Каталонию. Мне, когда допрашивали в Полиции безопасности, «подсказывали»: мол, вы же в Крыму были наблюдателем от Европарламента? Нет, не была. Сама поехала. Я лично знакома со многими руководителями Крыма. Хотела своими глазами видеть историческое событие. И потом, я никогда не скрывала, что я — русский депутат Европарламента. Не знаю, помнят ли в Испании, но именно испанская газета «Эль Паис», когда меня в 2004-м избрали депутатом, писала, что «России нет в Евросоюзе, но есть ее экзотичные цветы в парламенте».

— Колкость задела?

— Нет. Я с ней согласна. Потому как Европейский парламент — это некий Вавилон — смешение языков, культур, цивилизаций, воззрений, всего. Я там тоже оказалась как один из элементов мозаики. Поскольку я отстаиваю интересы русской общины Латвии, вошла во фракцию, которая представляет национальные меньшинства и регионы Европы. У нас есть шотландцы, есть каталонцы, румынские венгры. В отличие от каталонцев или шотландцев русские Латвии не требуют территориальной автономии

или независимости. Мы настаиваем на культурной автономии — на праве признания русского языка официальным, на праве получения образования на русском языке, с тем чтобы наши дети оставались русскими.

— Октябрьские выборы в Сейм Латвии в 2014 году, на которых победили русские и центристские партии, могут помочь осуществить эту цель?

— К сожалению, нет.

— А хотя бы pragmatичным отношениям с Россией русские в латвийском парламенте помогут?

— К сожалению, нет.

— Озадачили. Почему?

— С нами произошло то, что происходит со всеми национальностями. Русские Балтии поделились как минимум на две группы: на конформистов или так называемых ассимилянтов, и нонконформистов. Ассимилянты, число которых растет, считают, что лучше отдать детей в латышский детский садик, латышскую школу. «Как латышам детям будет лучше» — распространенная позиция таких родителей. Эти детки уже запрещают родителям поднимать телефонную трубку дома. Они стесняются своих одноклассников, которые могут узнать, что их родители не латыши. Так в условиях принудительной ассимиляции происходит разрыв поколений и стирание русской идентичности. Но добровольная ассимиляция не запрещена. Мы, нонконформисты, боремся против принудительной ассимиляции — стратегической задачи Латвии и других стран ЕС, которые пытаются стать национальными, пренебрегая меньшинствами.

— И что, попадая в парламент, русские пытаются быть святыми папы римского и круче патриотов-латышей?

— Все гораздо хуже. Давление на конформистов и на нас, нонконформистов, идет с двух сторон. Чтобы понять его природу, я ездила к венграм в Румынию. Венгры, как и русские, остаются одной из самых больших диаспор Восточной Европы. Они помимо Румынии живут в Словакии, Сербии, Австрии, на Украине. Они последовательно, как и поляки в Литве, настаивают на своей идентичности. А русские в Прибалтике перестали сопротивляться ассимиляции. Почему? Ведь все мы, так называемые традиционные меньшинства, не эмигранты, веками жили, никуда не двигались. Двигались границы государств, осуществляющих суверенитет над нашими территориями. Ответ на этот вопрос ко мне стал приходить в венгерской части Румынии. Еще меня к нему приблизил коллега — Чаба Табайдзи, депутат Европарламента от Венгрии. Он был министром по делам диаспоры в венгерском правительстве, работал в посольстве Венгрии в СССР. С его аргументом трудно спорить: у Венгрии есть мобильное Министерство по делам диаспо-

«У тебя есть в арсенале разное оружие. Если ты абсолютно упертый и считаешь, что кинжал тебе не подходит, ты используешь свиток с текстом международного закона. Если кому-то наплевать на международные законы, он берет кинжал. Я отношусь к тем людям, кто использует и то, и другое».

ры, а у России, которая насчитывает 25-миллионную диаспору, его как механизма защиты соотечественников нет. Что усугубляет раскол диаспоры. Более того. Мы, нонконформисты, сталкиваемся с тем, что историческая родина нас не поддерживает, предпочитая нам конформистов. Я долго думала – почему? Пришла к выводу, что Россия не может определиться между стратегическими интересами и тем, что я называю «интересами «Газпрома». Грубо говоря, между деньгами и диаспорой. Усугубляет этот подход советская традиция делать ставку на национальные кадры. Вот и получается, что русские как диаспора – это бесплатное приложение к «интересам». Мол, они же русские, и так останутся патриотами. А вот вкладываться в некие «прогрессивные сектора национальной политической палитры», кстати, в виде центристских партий, куда охотно вливается ассимилянты, это «перспективно». Только ассимилянты, случается, ведут себя по отношению к России жестче националов. Это и есть плоды российской политики. Мы, русские за границей, страдаем от нее очень сильно.

– Как полагаете, может помочь соотечественникам Балтии и русским разных волн эмиграции инициатива Москвы о признании официального статуса русскому языку в Евро-

союзе, где русскоязычная диаспора насчитывает 7 миллионов человек?

– Формально, по правилам ЕС, как бы такого запрета нет. Сама Еврокомиссия предлагает расширять список официальных языков Европы. Мы, симпатизирующие России парламентарии, хотели это сделать через «Гражданскую инициативу». Ее цель – собрать миллион подписей в семи странах в пользу официального статуса русского языка. Однако практика такова, что до сих пор все 23 официальных языка ЕС таковыми стали исключительно через заявления государств-членов, а не через инициативу снизу. Это безнадежно.

– Об официальном статусе русского языка в единой Европе можно забыть?

– Нет. Шанс остается. Самая весомая в ЕС организация нацименьшинств – Federal Union of European Nationalities (FUEN). Она держится на модельных меньшинствах: датского меньшинства Германии и немецкого – Дании. Они добились своих языковых прав, своих школ, вузов. Инициатива миллионного сбора подписей в пользу русского языка исходила от FUEN. Но Еврокомиссия эту инициативу отвергла, дав понять, что все зависит от государств, где

проживают русские. Это официальный Берлин, Париж, Таллин – любая столица страны, где есть большая русская диаспора, должна заявить о том, что хочет видеть русский язык официальным языком ЕС. Вот зачем наша партия «Русский союз Латвии» настаивала на проведении референдума о признании официального статуса русскому языку в Латвии. И если бы властям удалось уничтожить команду, которая собралась вокруг меня, то русский вопрос в Латвии был бы уже решен «окончательно» – в пользу принудительной ассимиляции. Как это, к несчастью, произошло в Литве и Эстонии.

– Но ведь референдум русскоговорящими партиями и силами был проигран.

– Он и не мог быть выигран. У него иные цели – воздействовать на национальные элиты. Он, кстати, был выигран в двух регионах – в Латгалии, где 60 процентов сказали «да» официальному русскому языку, и в Риге, ганзейском по духу городе, где ситуация сложилась 50 на 50. И если бы латвийское государство было по-европейски толерантным к меньшинствам, оно пошло бы на компромисс: хотя бы эти регионы получили официальный статус для русского языка. А будь Латвия демократией, она

бы подала в Евросоюз заявку. Так Испания поступила в отношении каталонского языка, Великобритания – в отношении валлийского. Причем Уэльс – особая ситуация. Там возродили практически умирающий язык, активно развивают и заставили Лондон добиться для него официального статуса в ЕС. Латвия ни на один из этих жестов доброй воли неспособна. Многое приходится решать через суд, что удлиняет дорогу к цели.

– *Вы ведь тоже через суд добились гражданства?*

– Это было много проще. По закону гражданами Латвии считаются те, кто были таковыми на 17 июня 1940 года, и их потомки. Я – правнучка таких граждан, но между двумя войнами и в оккупированной нацистами Латвии моя бабушка (их дочка) и мой отец (их внук) – это моя еврейская линия – не были в Латвии, что их спасло. Для таких и была придумана инструкция в законе о «прерванной цепочке». Под нее попали даже латыши. Я обратилась в суд и выиграла его. С русским языком, точнее, с сохранением русской идентичности много сложнее. Даже если официальная Рига, предположим, примет нашу формулу – «Русский – родной, латышский – второй язык, третий европейский – английский» и подаст заявку в ЕС ради обретения русским языком официального статуса, есть еще Европарламент. А там бал правят русофобы.

политику коалиции Европарламента – народников и социал-демократов. Но при этом коалиция держит в руках парламент.

– *На ваш взгляд, в чем причина сложившейся ситуации? До 2013 года ЕС, говоря о России, хотя бы декларировал отношение к нам как к стратегическому партнеру. В 2014-м заявил, что его стратегический партнер – США, а отношения с РФ должны строиться на принципах «критического взаимодействия». Но это же принцип США по отношению к Белоруссии и КНДР.*

– Что тут удивительного? Русофобская истерия в Европе – не спонтанный приступ, вызванный событиями на Украине. Это четкая стратегия. Она, с моей точки зрения, навязана европейцам США через своих сателлитов – Польшу, страны Балтии, Швецию, Данию, Финляндию и главного лоббиста – Великобританию. Для меня долго было загадкой: почему Европа пошла на поводу у американской стратегии, которая ей вредит? Все встало на свои места, когда я познакомилась с биографиями политической элиты ЕС. Вся она училась или долго жила в США и сопротивляясь почти не в состоянии: в ЕС мощное проамериканское лобби.

Помните короткий период истории, когда, казалось, холодная война закончилась и между Западом и Россией на-

«Я не историк, я математик и правозащитник, но волею судеб участвую в глобальном политическом процессе. И внимательно прислушиваюсь к экспертам. Я соглашусь с ними, что Россия – другая цивилизация».

– *Майские выборы в Европарламент, когда в него вошли нетрадиционные партии и силы, не сделали его нейтральным по отношению к России?*

– Пока не ясно. Ясно, что выборы показали падение позиций двухпартийной системы. Она долго определяла лицо Европы: в Великобритании – консерваторы и лейбористы, в Германии – христианские демократы и социал-демократы, во Франции – умеренные и социалисты, в Испании – народная партия и социалисты. С появлением лейбористов в Британии появились коалиции. В терминах Европарламента двухпартийность долго отражали Европейская народная партия и европейские социал-демократы. Выборы показали, что народ в этой системе разочаровался, поняв, что нет разницы между правыми и как бы социал-демократами. Эти две партии на выборах много потеряли, но устояли. Выиграли выборы альтернативные силы с размытой политической позицией. В Великобритании это United Kingdom Independence Party (UKIP), или Партия независимости, в Италии – Верре Grillo, или «Движение пяти звезд», в Греции левая SYRIZA, во Франции Front National, или «Национальный фронт» Марин Ле Пен. И так по всей Европе – Die Linke в Германии, Podemos в Испании, истинные фламандцы Flandres в Бельгии и похожая партия в Голландии, Jobbik в Венгрии. Действительно, эти силы, как говорят в России, несистемной оппозиции оспаривают антироссийскую

ступил мир? И если к этому делу подходить формально, то договор «ЕС – Россия» был подписан до того, как в 2004 году в ЕС вошло десять новых стран, из которых восемь, за исключением Мальты и Кипра, восточноевропейские. Вот тогда отношения «Россия – ЕС» начали тормозить. Им на смену в 2007 году пришла программа «Восточное партнерство» – начало реализации США стратегии отрыва ЕС от России. Она сводится к интеграции в ЕС шести стран бывшего СССР – Украины, Молдавии, Азербайджана, Армении, Грузии и Белоруссии. Я не раз спрашивала: «Почему без России?» Тогда замглавы европейской дипломатии Хельга Шмидт и директор департамента России и Восточной Европы ЕС Гуннар Виганд утверждали, что «Россия – большая страна, и только поэтому в программу «Восточное партнерство» не входит». Но когда последовало почти ультимативное предложение странам «Восточного партнерства» подписать договор об ассоциации и о зоне свободной торговли с ЕС, которые бы исключали интеграцию этих стран с Россией, пошла стенка на стенку. Я в Европарламенте голосовала против и заявила, что Россия объявлена холодная война. Брюссель объявил страны «Восточного партнерства» зоной стратегических интересов ЕС, а отношения с Россией перевел в ранг critical engagement – «критического взаимодействия». Вот только шестерка стран «Восточного партнерства» странным образом совпала со знаменитой Балтийско-Черноморской ду-

гой Бжезинского, которую он видел как «санитарный кордон» или зону влияния США вокруг России.

– **У России просматривается цивилизованная философия противостояния?**

– Хотелось бы, чтобы она была, но Москва пока эту идею не может сформулировать, теряя очки в глазах как несистемной оппозиции в Европарламенте, так и европейского бизнеса. Я не историк, я математик и правозащитник, но волею судебучаствую в глобальном политическом процессе. И внимательно прислушиваюсь к экспертам. Я соглашусь с ними, что Россия – другая цивилизация. Чем больше я наблюдаю за греками, болгарами, я понимаю, что это что-то другое. Они оттеняют кризис либеральной концепции индивидуального спасения – идеи основной части стран ЕС. Ей противостоит византийская или православная концепция коллективного спасения. Вот и ждут многие, что она должна быть сформулирована Россией, но... даже европейцы мне говорят, что, пока русские будут запрягать, китайцы раньше подарят миру альтернативную идею, по которой все истосковались.

– **Как правозащитнику, каково понимать, что международное правозащитное движение закрывает глаза на события на Украине? А когда вы попытались провести независимое расследование по преступлению в Одессе 2 мая, вас освистали радикалы и теперь грозят запретить въезд в ряд стран.**

– Я не отчиваюсь. Двойные стандарты пронизывают не только правозащитное движение. Это не повод не призывать к независимому международному расследованию событий в Киеве, в Одессе, а теперь и на Донбассе. Суд истории ни с чем оставит тех «правозащитников», что ведут двойную игру. Значит, надо создать гуманитарное настроение для суда. Гуманитарное право в том виде, в котором оно конституировалось в середине XX века, постепенно угасает.

– **Удастся доказать страшное преступление в Одессе и геноцид украинского народа на Юго-Востоке? Именно в такой формулировке?**

– Думаю, не сегодня и не завтра, но правда проявится. Неспроста же сбежали несколько главных свидетелей по Одессе. Например, бывший главный милиционер Одесской области Дмитрий Фучеджи. Но, к сожалению, это будет процесс века. Дай бог, чтобы в рамках XXI века он решился.

– **У вас нет ощущения полного бессилия от того, что правозащитное движение сегодня подмяла политика и ее двойные стандарты?**

– Частичное разве что... Я даже в какой-то степени конфликтую, но так, теоретически, с моими друзьями, использующими легалистский подход. В частности, это Билл Боринг, правозащитник из Великобритании. Он, проведя анализ, считает, что Крым не был с точки зрения международного права правильно отрегулирован Россией. Еще есть коллеги и друзья, которые исповедуют научную, оторванную от реальностей концепцию, что есть правда, что есть неправда. Вот в такие моменты я, случается, чувствую себя, возможно, политиком. Уверена, вечные вопросы – «Быть или не быть?» – не могут решаться исключи-

чительно в рамках юридических концепций. Тот же Билл Боринг – автор книги «Деградация международной правовой системы». Он ведет эволюцию деградации с ситуации в бывшей Югославии. Сам показывает, что такие глобальные явления, как Крым, Каталония, Шотландия, не могут быть втиснуты в рамки исключительно правовые.

– **А Украина?**

– Там надо использовать то, что можно использовать из арсенала. Как в бою. У тебя есть в арсенале разное оружие. Если ты абсолютно упретый и считаешь, что кинжал тебе не подходит, ты используешь свиток с текстом международного закона. Если кому-то наплевать на международные законы, он берет кинжал. Я отношусь к тем людям, кто использует и то, и другое. Не надо недооценивать международное право, надо его использовать. Понимая, что этот инструмент слабый, гнилой, что там вылезут двойные стандарты. Но нельзя полагаться только на него.

– **Вам приходилось одерживать победу над двойными стандартами?**

– Не так часто, как хотелось бы, но это того стоит. Год назад с помощью Латвийского комитета по правам человека, английского адвоката и правозащитника Билла Боринга, вместе с Эстонским центром по правам человека мы выиграли в Европейском суде «дело Алеша». Это 2007 год, когда в эстонском Таллине переносили памятник советскому «Воину-освободителю» из центра столицы на окраинное кладбище. Вспомните, это был первый европейский кризис, когда на Россию хотели свалить ответственность за все, что угодно. Мол, акции протеста – «это провокация Кремля». Нам через суд удалось доказать, что эстонская полиция незаконно увозила протестующих, избивала их. Суд согласился, что полиция виновна в несоразмерном применении силы.

– **Простите за пилюлю, но ведь неспроста нет резонанса на решение суда по «Алеше» – поезд ушел. На ваш взгляд, не пришло ли время менять стандарты правозащитной деятельности, может быть, они себя исчерпали?**

– Это не проблема правозащитников. Мы работаем в сфере действующего международного права, которое создавалось на основании договора государств, а не людей, не правозащитников. Европейская конвенция по правам человека, на которую мы ссылаемся, подавая жалобы в Европейский суд, это инструмент 50-х годов. Международные пакты о гражданских, политических правах появились в 60-е годы, когда СССР с трудом, но продавил их принятие. Опять все произошло на уровне государства, а не на уровне гражданского общества. Так и в новом веке – государства должны созреть до пересмотра существующих документов и стандартов правозащитного движения. Но я не являюсь сторонником революционных заявлений и перемен. Будто нам надо менять ООН как инструмент или что надо менять Совет Безопасности, что надо убрать действующих членов Совета Безопасности. Как всякая революция – это опасные вещи. Разрушить, не создав что-то новое, пробовали многие. Еще ни у кого не получилось без войн.

– **Когда вас называют послом русских в Евросоюзе, какие чувства вы испытываете?**

– Страх не соответствовать ожиданиям. ☺

СОВЕТНИК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

С ВЛАДИМИРОМ ТОЛСТЫМ ЧИТАТЕЛЯМ НАШЕГО ЖУРНАЛА ПРИХОДИЛОСЬ СТАЛКИВАТЬСЯ В САМЫХ РАЗНЫХ ИПОСТАСЯХ: ОН ДОЛГОЕ ВРЕМЯ БЫЛ УСПЕШНЫМ ДИРЕКТОРОМ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ Л.Н. ТОЛСТОГО «ЯСНАЯ ПОЛЯНА», НО ПОТОМ ДОВОЛЬНО НЕОЖИДАННО БЫЛ ПРИГЛАШЕН «ВО ВЛАСТЬ» И СТАЛ СОВЕТНИКОМ ПРЕЗИДЕНТА ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ, А В 2014 ГОДУ ВОЗГЛАВИЛ ВНОВЬ СОЗДАННЫЙ СОВЕТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ. КОРРЕСПОНДЕНТ «РУССКОГО МИРА.RU» БЕСЕДУЕТ С ВЛАДИМИРОМ ТОЛСТЫМ О ЯЗЫКЕ, О ПОЛИТИКЕ И О ЛИТЕРАТУРЕ.

— В

ОЛОДЯ, Я ПОЗВОЛЮ СЕБЕ УДЕРЖАТЬСЯ В ФОРМАТЕ ДРУЖЕСКОГО ОБЩЕНИЯ, ПОСКОЛЬКУ ЗНАКОМЫ МЫ С УНИВЕРСИТЕТСКИХ ВРЕМЕН.

— Согласен, формат менять не надо.

— Но он подразумевает, что с моей стороны будут и неформальные вопросы. К примеру, что за совет ты возглавил? По-моему, один такой уже существует или существовал... Кроме того, русским языком занимается Институт русского языка в Москве, Пушкинский Дом в Петербурге, фонд «Русский мир», в общем, много организаций. Зачем понадобилась еще одна структура?

— Я в течение двух лет был советником президента. И Совет по русскому языку, который я возглавил, создан при президенте РФ. Таков его статус. Некоторое время назад похожий

был создан при правительстве Российской Федерации. Можно считать, что они дублируют друг друга, но, очевидно, президент счел необходимым создать «свой» консультативный совет, который позволил бы ему быстро ориентироваться в языковой политике. Потому что за последние два года стало совершенно ясно, что сегодня вопрос о языке – это политика. И краеугольный камень в культурной политике, тем более в такой разноязыкой стране, как Россия. С одной стороны, англоязычные страны упорно, на всех уровнях – сошлись только на программу ЮНЕСКО «Информация для всех» – продавливают единственный тезис: «Учите английский язык – и все будет хорошо». Они очень противятся позиции России и целого ряда других стран, которые хотят видеть мир более сложным, многоязыким, более сложно, «многоязыко» думающим. Речь не идет только об Индии или Китае, речь идет, может быть, даже в большей степени о Европе, языки которой – кроме английского – сейчас попадают в разряд «вымирающих». Все понимают, что язык – это мышление, а мышление – это ценности, это выбор культурных моделей, это – в конце концов – и политический выбор. Но это одна, внешняя сторона вопроса. А другая, внутренняя, может быть проиллюстрирована случаем, когда гражданин Республики Тыва, окончивший среднюю школу, в Петербурге не смог объясниться с задержавшим его сотрудником полиции. И вообще, в прошлом году результаты Единого государственного экзамена по русскому языку оказались столь низкими, особенно в национальных республиках, что Рособрнадзор вынужден был, как говорится, «снизить планку» минимального балла ЕГЭ по русскому языку. Но это же не универсальное какое-то решение – снижать планку. Напротив, речь идет о качестве и привлекательности преподавания русского языка у нас в стране. Потому что цементирующими, скрепляющими ферментом для такой страны, как наша, является язык. Иначе страна развалится. А здесь мы имеем дело с колоссальным падением уровня гуманитарного образования... Вот этот комплекс вопросов и предстоит решать, потому что мы должны выработать государственную политику в области языка, результаты которой скажутся через двадцать-тридцать лет...

– *А кто это – «мы»? Каков уровень компетенции совета? Кто вошел в него?*

– В совет входит 40 с небольшим человек. Это крупные ученые, руководители академических институтов – Института русского языка Российской академии наук, Институтов русского языка имени Пушкина и имени Виноградова, периферийных вузов – Казанского федерального университета, Воронежского. Кроме того, представители средств массовой информации – ру-

ководители ИТАР-ТАСС и информационного агентства «Россия сегодня», «Российской газеты», а также деканы факультетов журналистики и филфака МГУ, Петербургского университета. Писатели Игорь Волгин и Борис Екимов входят в состав совета, представлено школьное образование, руководители ассоциаций педагогов-славистов – то есть мы постарались, чтобы все сегменты бытования русского как родного языка и русского как иностранного были представлены в этом совете...

– *Выглядит представительно. Но вот я два года назад был в Иране и с удивлением узнал, что при посольстве России в Тегеране нет курсов русского языка. Хотя спрос на язык есть. И большой. В посольстве Франции, Германии – везде курсы французского, немецкого... А Иран с geopolитической точки зрения – это же столица всей Азии. Сейчас, когда Ирак совершенно развалился и оттуда прет агрессия – вся эта часть Азии на Иране только и держится. А курсов русского – как не было, так и нет.*

– Я тоже был в Иране и с проблемой этой знаком. Я думаю, сейчас мы ее решим при помощи «Росатома», потому что в Иране при помощи российских специалистов строится атомная электростанция в Бушере, и там просто есть реальнейшая необходимость обучать русскому языку и в самом Бушере, и в Тегеране. Но дело ведь не только в этом: для того, чтобы преподавать русский язык, нужна армия преподавателей, которые поедут в Иран и в другие страны, которые заинтересованы в тесном сотрудничестве с Россией, или в те, где мы хотим добиться влияния.

– *Так зачем же дело стало?*

– А за тем, что сейчас такой армии преподавателей нет.

– *Почему?*

– Я не буду слишком вдаваться в этот вопрос, но он связан с той общей деградацией образования, особенно гуманитарного, которая началась в 90-е годы. Во времена СССР все образование было дотационным. Когда эту государственную опеку внезапно убрали, вся система образования оказалась в шоковой ситуации. В 90-е годы. И ты помнишь, какие вузы мгновенно народились, стали успешными и даже процветающими: те, которые готовили экономистов, юристов, бухгалтеров, менеджеров – всех тех, кто обслуживал нарождающуюся рыночную систему. Их тогда не хватало. А сейчас мы имеем колоссальное перепроизводство специалистов этих профессий. И такую же колоссальную нехватку специалистов в естественных и особенно в гуманитарных науках.

– *В свое время в Дагестане мне рассказали о том поколении «учительниц русского языка», кото-*

рые после войны, в 50-е годы, приехали в республику по распределению и выполнили колossalную культурную миссию: они – а их было несколько десятков, может быть, сотен – на своих уроках заставили мальчиков и девочек из горных аулов полюбить русский язык, литературу, приоткрыли для дагестанцев дверь в другой, больший мир... И вот сейчас, когда нам так важна дружба с Дагестаном, невольно вспоминаешь об этих учительницах... Это тот самый случай, когда образование прокладывает дорогу политике... Но эти девочки-преподавательницы русского – они положили на это жизнь...

– Приходится повторяться: здесь нужна армия преподавателей, а сейчас ее нет. Еще вчера было время, когда филологические и гуманитарные науки совсем ушли на периферию. Литература превратилась чуть ли не в факультатив, сочинения в школе перестали писать – а это значит, что у школьников в определенной сфере исчезло умение думать, выстраивать систему аргументов, облекать свои мысли в предложения... Только сейчас, кажется, вспомнили, что еще и история есть,

Может быть, мы будем это делать фрагментарно, может быть, постараемся свести в какой-то единый документ, потому что за этим должны стоять финансы. Для того чтобы направить 150 выпускниц вузов в Дагестан, а 15 в Иран, надо, чтобы было ясно, почему именно в Иран, а не в Саудовскую Аравию или куда-то еще. В любом случае эти вещи должны быть обеспечены ресурсами: человеческими, финансовыми, организационными. На мой взгляд, должна быть ясная государственная политика в этой области. Собственно, выработкой этой государственной политики, шагов и приоритетов и будет заниматься совет.

Дальше мы обязательно будем взаимодействовать с правительственный советом, потому что правительство – орган исполнительной власти, и в любом случае реализовывать будем через инструменты правительства: бюджет и определенные ведомства, входящие в правительство, – Министерство образования и науки, Россотрудничество, которое обладает системой центров науки и культуры во всех странах, Министерство культуры...

«Язык – это мышление, а мышление – это ценности, это выбор культурных моделей, это – в конце концов – и политический выбор».

а история формирует сознание, систему ценностей – ба, спохватились! В 2014 году, который для России стал годом серьезнейшего внешнеполитического вызова, оказалось, что такие провалы – везде. Не только в образовании. В промышленности, в науке, в здравоохранении – это все свалилось как бы сразу, хотя копилось два десятилетия...

– Многие изменения в науке, например, весьма критично воспринимаются самими учеными. Про здравоохранение я не говорю, чтобы не трогать болевую тему...

– Тут, пожалуй, важно только одно: что мы никогда больше не будем жить так, как «при социализме». Сейчас еще некоторые неизбежные изменения воспринимаются как обрушения. Но я неслучайно говорю: мы сейчас закладываем программы, государственные программы, результат которых скажется лет через двадцать. Я не могу, разумеется, говорить «за всех», скажу о том, что касается русского языка: я думаю, мы будем выходить на какую-то общенациональную государственную программу по продвижению русского языка, чтобы все аспекты были там учтены. Постепенно будем в некотором приоритетном порядке анализировать и обобщать все, что происходит, и в качестве предложений сводить в единую программу...

– Чего бы хотелось добиться? Какой-то обозримый позитивный результат видится впереди?

– Я бы говорил о приоритетах. В первую очередь мы будем восстанавливать сеть центров изучения русского языка в странах бывшего Советского Союза, теперь СНГ. Это наш приоритет сейчас, потому что прежде всего мы должны думать о своем ближайшем окружении. В октябре прошлого года президент поручил Совету по культуре, то есть мне прежде всего, выработать основы государственной культурной политики. Была здесь же создана рабочая группа, которую возглавил руководитель администрации Сергей Борисович Иванов. Мы формулировали, публиковали проект этого документа, он очень широко обсуждался. Сейчас мы должны его окончательно доработать с учетом общественных обсуждений, предложить президенту, президент его, если он согласится с этими подходами, одобрит, подпишет, и дальше это уже будет документ для реализации. Там как раз многое касается и русского языка, и литературы... Но в широком смысле слова это касается культуры, образования, поскольку без образования невозможно поднять уровень культуры. Я говорю о культуре не как о деятельности музеев, библиотек, театров, а о культуре в самом широком смысле слова: как о базовой ценности общества. Мы все ощущаем падение общего уровня

культуры, да? Опять же, мы сейчас это чувствуем, и нам кажется, что сейчас это и происходит. Но я бы сказал, что здесь многие проблемы растут из тех времен, когда было громогласно объявлено, что «рынок все отрегулирует». Но рынок урегулировал все очень по-рыночному. В условиях рынка выживают определенные виды культурной деятельности, более тяготеющие к зреющим, к масс-культуре. Что-то выживает и в кинематографе, что-то в театре, но выживает только то, на что можно продать билеты и что может существовать именно в рыночном механизме. А некоторые вещи в рынке просто не выживают. Например, документальное кино.

Потому что оно не имеет массового зрителя. Но что это значит? Что нам не нужно документальное кино? Или, например, детская литература. Она тоже в чистом виде в рынке не выживает. Значит ли это, что нам детская литература не нужна?

– *Но государство, видимо, все же как-то организует все это?*

– Есть страны, где прямой государственной поддержки культуры как бы нет. В Соединенных Штатах Америки нет даже министерства культуры. Поддержка культуры осуществляется через систему трастов и фондов, и, как правило, это поддержка очень солидная. Сложилась система негосударственной поддержки галерей, театров, музеев. У них попечительские советы, у них меценатская деятельность, освобождение от налогов. Такой вот тип отношений общества с культурой.

Во Франции, напротив, государственная поддержка традиционно довольно сильна. В Германии ее осуществляют земли – региональный подход. Но все эти подходы складывались постепенно. А у нас все процессы в культуре были мгновенными. Изменения – полными. Сначала полный государственный контроль, но при этом и полное государственное обеспечение. А потом вдруг государство говорит: а мы вас больше финансировать не можем. У нас нет, так сказать, идеологии, она по Конституции запрещена, мы не можем вмешиваться в свободу творчества, ну, и мы оставляем вас. Уходим в том числе с ресурсами. А замены никакой нет. У нас еще не сложилась система. Есть только какие-то отдельные примеры. Существует Фонд Потанина, Фонд Прохорова, и кому-то они какую-то небольшую поддержку оказывают. Или, например, Эрмитаж может себе позволить создать эндаумент-фонд, потому что людям престижно поддерживать Эрмитаж. Но системно этого в стране не существует. Это единичные вещи. И культура начинает провисать.

Поэтому какую-то долю участия в формировании культуры государство неизбежно принимает на себя, чтобы «отложенный эффект» ошибок, сделанных в 90-е годы, не повторился, чтобы у всех – у страны, у каждого гражданина – была возможность все-таки оптимистически смотреть в будущее.

– *Помнишь, у Андрея Колесникова была книжка: «Я Путин видел». Но ведь ты Путин много больше видел и, как говорится, «в работе». Каков он, Путин? Он – оптимист?*

– В нем меня поражает несколько вещей. Во-первых, абсолютная сосредоточенность на стране. И потрясающее наращивание компетенций во всех сферах. Естественно, как каждый политик такого ранга, он существует в особой среде, которая готовит ему материалы, консультации. Он все это принимает к сведению, и второй раз ему эти

вещи уже не нужно объяснять. Он полностью вла-деет ситуацией. А по последнему вопросу – да, он оптимист.

– *Он в очень сложное время пришел во власть. Сейчас одни восхваляют его до небес, другие про-клинают, буквально до такой степени, что он во всем виноват. Не в чем-то, а во всем. Навер-ное, по-человечески очень трудно нести груз таких вот общественных эмоций... Это даже не вопрос, это, скорее, размытие вслух. Хотя мне лично очень понравилось, что во время большой встре-чи с писателями в 2014 году он как-то уловил го-товность некоторых подставить шею под ярмо («полная государственная опека») и сформировать своего рода «писательское правительство» в об-мен на полное государственное обеспечение и от этой темы ушел. Видимо, понимал, что все это закончится как при советской власти, подковер-ными играми и доносами писателей в ФСБ друг на друга. Мне, как писателю, это понравилось...*

– Знаешь, я просто не представляю себе, чтобы Путин занимался еще писательскими делами: этого притормозить, этих прикрыть, этих, наобо-рот, поддержать... Это совершенно не в его стиле. Хотя стереотипы мировоззренческие – они всег-да отыскивают ситуации, где «Путин виноват». Не состоялся концерт Макаревича – виноват... Не продлили аренду Театру doc. – виноват... Я бы во-обще вывел вопрос из этой плоскости, потому что со времен моей журналистской молодости пом-ню, как сильно я был поражен тем, насколько рас-колото писательское сообщество. И какие непри-миримые кипят в нем страсти и обиды. Я тогда об этом разговаривал с Распутиным, с Искандером, с Анатолием Кимом, с Маканиным. Мне был ин-тересен круг их чтения, их мысли о литературе, о способах бытования литературы... Меня зани-мала идея «Золотой библиотеки» как квинтэссен-ции всего, как говорят, «литературного процесса». И когда я оказался директором Ясной Поляны в 1994-м, сразу возникла идея иного формата отно-шений между писателями – а именно писатель-ских встреч в Ясной Поляне.

– *Насколько я помню, эту идею выносили букваль-но три человека: ты, Анатолий Ким и Владислав Отрошенко...*

– Да, так и было. Идея была в том, чтобы в од-ном месте, на одной Поляне, собирать писателей разных поколений, разных убеждений, разных творческих формаций. Мы предлагаем для об-суждения темы – как правило, связанные с твор-чеством Л. Толстого – но это лишь повод погово-рить, пообщаться, поспорить...

– *В дисперсной атмосфере 90-х это было просто спасением. Но что оказалось важнее – все это оста-лось актуальным и в наши дни. Я до сих пор езжу на яснополянские встречи с удовольствием, хотя что-то меняется, меняются поколения, лица...*

– Но так и было задумано. И именно поэтому, я думаю, яснополянские встречи просущество-вали двадцать лет. И место было выбрано вер-ное: к Толстому ведь ездили все. Тургенев, Фет, Чехов, Леонид Андреев, Горький, Бунин... Хотя Бунин не доехал: остановился у «башенок» – вор-от усадьбы – и велел разворачивать экипаж и ехать назад. И тем не менее. Даже Гиппиус с Мережковским здесь были. В другом месте нельзя, наверное, было бы представить себе вместе Ва-лентина Распутина, Анатолия Кима, Андрея Бит-това и Михаила Кураева. А у нас это возможно. В эту среду, в этот котел мы приглашаем еще иностранных писателей, чтобы они в нем не-

множко поварились... Ну, и результат: из этих встреч родилась потом премия «Ясная Поляна», которая сейчас стала весьма престижной – наряду с «Букером», «Большой книгой», Солженицынской премией и «Национальным бестселлером»...

– Так что замысел «Золотой библиотеки» в конце концов осуществился?

– Да, можно сказать и так. Я уже не помню всех лауреатов – их слишком много. Но среди старших – и Василий Белов, и Анатолий Ким, и Фаизиль Искандер, и Виктор Лихоносов... Из среднего поколения – Владислав Отрошенко, ты, Алексей Иванов, Захар Прилепин, Михаил Тарковский, Евгений Водолазкин, Юрий Нечипоренко... В яснополянской премии интересно то, что те люди, которые дают деньги, – а это корейская компания «Самсунг», – они не влезают в собственную часть и в политику. Они просто дают деньги на поддержку нашей национальной литературы. И в этом смысле у членов жюри есть абсолютная свобода, и мы действительно

детективных романов, он же думает, переживает и свои переживания кладет на бумагу, для того чтобы поделиться... Сейчас уже абсолютно заезжены все обвинения в адрес Интернета, но действительно, там невозможно найти то, что есть в литературе. Ну, представьте, что вы пытаетесь понять, что такое любовь, и набираете это слово в поисковике. И что вы получаете.

– Давай попробуем...

– Ну вот: определение любви из «Википедии», из Философской энциклопедии, антологии любовной лирики, «Любовь и секс. Психология любви и физиология секса». Ты видишь. А как это сравнить с гениальным бунинским рассказом «Митина любовь»? Или с «Анной Карениной»? Что-то очень важное уходит безвозвратно, если уже не ушло...

– И что делать?

– Мы придумали «Год литературы». Что это будет? Мне бы хотелось, чтобы нашлись учителя, которые просто подарили бы детям наслаждение от

«Многие проблемы растут из тех времен, когда было громогласно объявлено, что «рынок все отрегулирует». Но рынок урегулировал все очень по-рыночному. В условиях рынка выживают определенные виды культурной деятельности, более тяготеющие к зрелищу, к масс-культуре».

но стараемся, чтобы единственным настоящим критерием было качество текста – собственно литературное достоинство произведения, его художественные стороны, а не принадлежность к какому-то течению, клану, группе. Я чувствую, а теперь можно сказать, что знаю – что каждый писатель – это абсолютно индивидуальный проект, своя земля, свой остров. И в то же самое время этим индивидуумам жизненно необходимо побывать вместе, преодолеть границы собственного литературного пространства, обрести горизонтальные и вертикальные векторы широкого общения... Сегодня много интересных писателей, думающих людей. Казалось бы, тиражи маленькие, разрушена система распространения, никуда это не попадает, в десять раз сократилось количество книжных магазинов за последние пятнадцать-двадцать лет, человек написал и фактически остался со своей тысячей экземпляров, один на один со своей мыслью...

– Книжечкой.

– Книжечкой, да. А ведь если это нормальный писатель, а не профессиональный строчильщик

чтения. От обсуждения каких-то сложных, всегда неоднозначных человеческих поступков, эмоций... Да, мы возвращаем в школьную программу сочинение – и это может показаться самым главным. Но я не льщу себя надеждой, что школьники и школьные учителя от этого возликуют. Одни не знают, как писать, другие уже забыли, как этому учить... Нагрузка дополнительная... Одному тетрадки проверять неохота, а другой думает: вот, из-за этого проклятого сочинения, которое так трудно писать, он никуда не поступит. Время опять упущено – и возвращению сочинения никто не рад... Поэтому я бы постепенно это вводил, а для начала – дал бы детям почувствовать, понять, что существует мир литературы – огромный, пленительный и прекрасный.

– Сказано хорошо. А что в сухом остатке?

– Ну, наверное, любовь к литературе, к языку. И работа. Усложнять и наращивать культурные взаимосвязи, творить... Это главное – ибо культура никак не сводима к деятельности моей или Министерства культуры – и строить мир языка, мир литературы, Русский мир... ☺

ЛЕСТНИЦА ИАКОВА

БЕСЕДОВАЛ

КОНСТАНТИН
КРАВЦОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

ДМИТРИЙ КАНТОРОВ – ХУДОЖНИК, СКУЛЬПТОР И АРХИТЕКТОР – ПОЗИЦИОНИРУЕТ СЕБЯ КАК «ВИЗУАЛЬНЫЙ ФИЛОСОФ». ЭТО ИМЕННО ПОЗИЦИЯ. ОН СЧИТАЕТ, ЧТО ИСКУССТВО – ЭТО ОБЛАСТЬ ВИЗУАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ, КАКОВОЙ БЫЛА ИКОНОПИСЬ, ЧТО ЕГО ЗАДАЧА – ПОДНИМАТЬ ЗНАЧИМЫЕ ДЛЯ ОБЩЕСТВА АКТУАЛЬНЫЕ ТЕМЫ И ЧТО ОНО, ИСКУССТВО, ДОЛЖНО СКАЗЫВАТЬСЯ НА ЛЮДЯХ, ОТВЕЧАЯ НА СВОЕМ ЯЗЫКЕ НА САМЫЕ ОСТРЫЕ ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ СЕГОДНЯШНИМ ДНЕМ.

Мы дружим более десяти лет, и за это время я был свидетелем создания ряда проектов, которые лучше всего иллюстрируют сказанное выше. Например, подземный музей сталинских репрессий, вход куда – на месте памятника Дзержинскому – расколотая надвое, подсвечиваемая изнутри диодами глыба полиуретанового льда с вмерзшими в него человеческими фигурами. Или выставка «Совесть»: художественным объектом здесь становится само слово «совесть», то колеблющееся (букивы на тростинках, они же – струны арфы, растущие из твердокаменных пород), то сожженное... А в последние десятилетия прошлого века Дмитрий (он родился в 1958-м, окончил Художественное училище памяти 1905 года и Московский технологический институт) был известен как живописец-авангардист: его картины раскупали иностранцы, да и сам Дмитрий, участник более ста выставок, жил и работал в 90-х то в Европе, то в Америке. При этом Канторов самостоятельно осваивал скульптуру и архитектуру, да и в его живописи часто сочетались совершенно новые для этого искусства технологии. А сегодня я встретился с ним в его мастерской для разговора о том, чем он занят сейчас, – о новой церковной архитектуре.

– Дмитрий, мне кажется очень символическим, что мы встретились именно сегодня – в день преподобного Сергия Радонежского, вокруг которого,

как ты знаешь, вся страна некогда объединилась, и началась новая страница в ее истории. Сегодня тема объединения усилий в противостоянии ставшим враждебным России миру снова стала актуальной, и разговор у нас пойдет о дне сегодняшнем и отчасти завтрашнем, а также и о прошлом – о времени в целом, которое ты организуешь в художественное пространство. О твоем последнем проекте, где все эти времена соединились неожиданным образом, говоря не только о времени, но и о вечности языком сегодняшнего или, как его еще называют, актуального искусства. Для меня всегда было особенно интересным сочетание ультрасовременного с глубоко традиционным, православным – сочетание, какого многие не могут себе представить или считают невозможным, а то и чем-то крамольным, еретическим. Но стоящие здесь макеты церковной архитектуры XXI века демонстрируют, что это, во-первых, возможно, а во-вторых, что таким и должно быть церковное зодчество сегодня – и современное, и стоящее на твердом онтологическом основании. Сочетание незыблемого канона и новизны, принципы иконописи, перенесенные в архитектуру, – рассказы, пожалуйста, как возникла сама идея этого проекта и как ты его воплощал, воплощаешь и чего от него ожидаешь.

– После такой исчерпывающей преамбулы даже трудно что-либо добавить. Мне удастся только завершить твое вступительное слово, потому как я довольно долго, как ты догадываешься, изучал историю искусства – еще с детства, на уровне самообразования, и путешествовал по Руси великой, будучи православным. Все это для меня является стержневой составляющей – я имею в виду архитектуру.

Мой любимый архитектор – Федор Конь. Для меня очень интересна эпоха Ивана Грозного; не потому, что она – только эпоха Ивана Грозного, а потому, что тогда трудились такие люди, как Барма Постник, Постник и Барма (ученые спорят, двое их было или один) и Федор Конь, от которого не так много осталось, но вот Симонов монастырь, изученный достаточно хорошо, оказывает влияние до сих пор на большое число архитекторов, насколько я замечаю те пропорции и те орнаменты архитектурные, которые он оставил после себя. Конечно, и храм Василия Блаженного, то есть Покрова, и снаружи, и внутри для меня является таким шедевром, который значит для нас, для всякого русского, видимо, больше, чем мы даже можем предположить. Потому что он не только внешняя визитная карточка Российской империи, и Советского Союза. Его не снес даже Сталин со своей бандой.

— Хрищев собирался продать, насколько я помню.

— Все, что угодно, могло быть, но все равно он перостоял через все эти годы, сохранился до нашего времени и является таким же растиражированным символом, как Эйфелева башня в Париже, как Лондонский мост и так далее.

Я считаю, что именно по культурным достижениям потомки смотрят на то, что было, и в этом моем проекте я пытаюсь нашупать современное актуальное состояние церковной архитектуры. Актуальное для себя. В том смысле, что, я считаю, оно должно отражать путь, который прошла Церковь как собор верующих, собрание верующих к нашему времени. Она прошла и через гонения, и через испытания XX века, когда в русской истории происходило разрушение и государства, и Церкви, и личности, и нравственности, и всего, что угодно, — об этом сказано слишком много — и этому нужно найти отражение в церковной архитектуре. То есть церковная архитектура должна создаваться как бы с нуля и проходить путь от римских катакомб через византийскую архитектуру, через Софию Константинопольскую и потом дальше, к нам, через Церковь, которая создавалась в ГУЛАГе. Я имею в виду Церковь как собор, когда перед казнью несколько священников, епископов исповедовали и причащали друг друга в тех условиях, в которых они были. И эта память должна оставаться в архитектуре современной церкви, потому что каждый человек, приходящий сейчас, в постсовет-

ское время, в церковь, так или иначе выстраивает себе некий путь. И церковное здание должно отражать этот путь – путь от неверия, от распада к некоему созиданию. То есть это такая лестница – лестница Иакова, по которой должен взойти человек. Из нее нельзя выбросить ступени – ступени падения.

– *Проломленные ступени...*

– Да. Поэтому мои эскизы настолько наполнены памятью об этих провалах. Вторая сторона. Я стремлюсь к тому, чтобы церковное пространство подчинялось, лепилось по закону обратной перспективы. Это закон полого яйца: космос существует здесь и сейчас и нацелен в центр – в то место, где ты находишься. А над тобой находится небесная сфера. Таким образом, горний Иерусалим как бы присутствует в этом храме в виде полой сферы, прорезанной контрфорсами и пеперкрытым большим количеством сводов, как будто оставшихся от разных зданий. Это как бы разбитое яйцо, собранное воедино.

– *Эти принципы разрабатывались в иконописном каноне, они имеют основания богословские, онтологические...*

– Конечно.

– *Ты переносишь их в архитектуру, вот что удивительно...*

– Ну, тут ничего особо удивительного нет, потому что современные материалы, современные строительные технологии позволяют делать все, что угодно. И тогда, когда архитектура не обязана стремиться к дешевизне, когда можно вскрыть возможности, которые сегодня существуют и таятся в тех технологиях и материалах, которые есть и находятся на поверхности, я делаю вещи в надежде, что что-то из них когда-нибудь будет воплощено.

– *Я как раз хотел задать этот вопрос – по поводу воплощения, перспектив твоего проекта. Как тебе это видится?*

– Я делаю это не для пыльной полки, а для практики. Я ищу и буду дальше искать, поскольку это самая интересная и лакомая часть творческого процесса, но я уверен, что приступлю к строительству, как только общество повернется к культурной экспансии, а не к культурному импорту.

– *Я правильно понял тебя: если ты говоришь об отказе от культурного импорта, то подразумевается возвращение к своим собственным культурным истокам?*

– Ну конечно! Просто сейчас мы живем в тот момент, когда все, что можно сказать на эту тему... За несколько недель до начала украинских событий я высказывался достаточно резко на эти темы, а сейчас я боюсь высказываться в таком же духе, потому что это выглядит и ощущается мною как призыв чуть ли не к экстремизму. Потому что я

считаю – границы русского менталитета должны совпадать с границами государства. Если англосаксонская культура размывает эти границы с помощью высоких технологий, против которых я ничего не имею, – но у нас традиционно принято, что высокие технологии идут к нам от англосаксов – может быть, в китайской упаковке, – а мы им – только пельмени с квасом... Это совершенно неправильная культурная позиция и совершенно непродуктивная. Мы должны не закрывать глаза, не морщиться на сложившуюся ситуацию, а участвовать в ней открыто, не изображая себя ни в лаптях, ни пьющими квас. Быть открытыми и декларировать свои собственные культурные ценности и стереотипы, свою базовую составляющую, владея технологиями, языком, имея образование и так далее. Показать, что наша ментальная граница проходит, скажем, по Бресту, и вот там она будет проходить, она не переместится ни туда, ни сюда. Мы не будем представлять собой военной опасности, но будем представлять культурный обман. Культурный обман, но не военный.

– *Культурный вызов... Ты уже обозначил, что такое Русский мир, говоря о границах русского менталитета как о государственных границах, хотя я думаю, что государственные границы достаточно условны, когда мы говорим о культуре. Культуры взаимопроникаемы. Если же говорить о православии, то в одной лишь Америке, насколько я знаю, 50 только православных юрисдикций. Поэтому видеть на фоне американских ландшафтов русский храм – это совершенно нормально. И вот это соединение современного мышления с исконно православным мне представляется особенно важным сейчас. Пора нам вспомнить все то, что мы забыли и за советское, и за постсоветское время, а может быть, и за более долгий период, когда у нас не было своего богословия, а то, которое пришло в XVIII веке, пришло опять же с Запада. Так что действительно очень важна эта попытка через новое зодчество восстановить утраченное, в то же время показав эти утраты. И, возвращаясь к теме Русского мира, русской ментальности. Она ведь не только русская – это восточнохристианская ментальность, которую унаследовала Русь, Россия, внеся свои нюансы.*

– Разумеется.

– *В этом контексте и нужно рассматривать Русский мир, который дал развиться, окрепнуть восточнохристианским, фундаментальным для нас вещам. Не в смысле фундаментализма, а в смысле духовного фундамента – фундамента культуры, фундамента и личности, и народа. Причем, я думаю, возрождение восточнохристианского миропонимания и, соответственно, культуры поможет и западным христианам, у которых, как и вообще в западной цивилизации, сейчас «кризис смыслов» – они как бы заблудились, потерялись. Как и мы, собственно говоря. Поэтому то, что ты на-*

звал соблазном, – это будет еще и какой-то подсказкой, открытием того пути, который для нас изначально был общим. И в этом отношении, мне кажется, мы могли бы очень много дать, вернувшись к своей духовно-культурной идентичности.

– Да, мы должны стремиться к тому, чтобы что-то давать как и в малом своем круге, так и в большом. А если говорить о культурной экспансии русских православных ценностей, ценностей Русского мира, то это очень важная культурная задача, которая должна стоять перед обществом. Поэтому что общество на это пока еще не настроено, а настроено на импорт технических достижений. И одно другому, в сущности, не противоречит, не мешает, но пока что одно загораживает другое.

– *А как переломить такую ситуацию?*

– Я думаю, это должно быть более зрелое общество, более самостоятельное. Пока мы ведем себя как подростки. Много людей из нашего окружения легко меняют свои убеждения, например, на хорошую работу за границей.

– У меня иногда возникает вопрос: *а остались ли вообще у людей убеждения? Я вижу стремление хорошо зарабатывать, хорошо жить, а насчет убеждений...*

– Я мог бы согласиться полгода назад, но после того, что произошло в Донецке и Луганске, я вижу, что люди не изменились и что убеждения, четкие и стройные, выстраиваются даже у тех людей, которые о них не задумывались несколько месяцев до этого. Но когда происходит обострение, они вынуждены вспомнить все. Весь стержень быстро выстраивается внутри человека, создаются структуры буквально на ровном месте, и возникает дух, возникает менталитет...

– *Возрождается...*

– Да, возрождается. Возникают сила и стойкость, когда, как казалось, рассчитывать на них было невозможно.

– *Не было бы счастья, да несчастье помогло...*

– Вроде так. И это вселяет надежду. То, что происходит в так называемой Новороссии... Я сейчас не о том, чтобы воскрешалась та огромная губерния от Кавказа до Полтавы, возникшая при Екатерине, а о том, что люди, которые населяют страну, как бы трудно им ни жилось подчас и как бы история ни прокатывала и ни вдавливала их в землю, лишая их очень много, не только экономики, но и коммуникаций, способны восстанавливаться, и восстанавливаться изнутри и именно на основе своей культуры, присущей им, которую они не хотят менять ни на что другое, которую они цесят как свою личность и не хотят дойти до распада этой личности – потерять свое лицо. Перед собой, перед детьми, перед будущими поколениями. Поэтому то, что там происходит, для меня во многих случаях трогательно.

– Трогательно? Тут сердце рвется...

– Я имею в виду вот что. Когда я смотрю на интервью с ополченцем, видимо, преподавателем из Луганска, каким-то гуманистом, находящим в себе такие слова, обращенные к своим противникам, то для меня это дорогое стоит. Преподаватель-ополченец, который сидит с автоматом в разрушенном пригороде, и ясно, что он до этого учил детишек, а тут он сидит с автоматом и защищает свой дом. И даже не свой дом – он защищает большее: он защищает Русский мир.

– *Под знаменем с изображением Спаса Нерукотворного, которое было и при Серии Радонежском. И мне кажется, то время, когда Русь должна была собраться вокруг того же Сергия, который олицетворял святость – самое главное, что у нас есть, – и сегодняшняя ситуация очень похожи. Время собирать камни, время осознавать, что же мы такое, что мы собой представляем. Политика мультикультуралистики, навязанные современные мифологемы – они, мне кажется, перестают работать, и мы возвращаемся к чему-то изначальному, выросшему из христианского миропонимания – из изначального христианства, не поврежденного превратностями исторических процессов.*

– А это очень интересный вопрос. До Второй мировой войны на свете существовали только два государства, которые являлись плавильными котлами наций и народов: Россия, как наследница Российской империи, и Америка, как страна эмигрантов. А после Второй мировой войны, когда не осталось мононациональных государств, мы видим, что политика мультикультуралистики возникает для них как какая-то новизна, потому что раньше они ее никогда не имели. Раньше были колонии, а сейчас, когда импортируют мигрантов, когда в каждой столице европейских держав есть огромное число иноплеменных, инославных, говоря русским языком, у самих европейцев возникают проблемы с адаптацией к этому явлению. И непонимание, как скиться с этими новыми людьми, поскольку политика мультикультуралистики, оказалось, носит англосаксонские черты – не африканские, не индийские, не китайские и не турецкие.

– *России, как и Римской империи, тоже ведь была свойственна своего рода мультикультуралистка – множество народов со своими культурами, – но без навязывания единого стереотипа. Но вернемся к твоему проекту. На какой стадии он сейчас находится, скоро ли мы увидим твои храмы не в виде эскизов и макетов, а именно как храмы?*

– Я собираюсь к весне сделать достаточно большую группу эскизов, довести до выставочного состояния и подумывать о том, чтобы где-то их выставить. Хотя современная практика кураторов искусства мне весьма не нравится, и я считаю ее

ущербной, направленной против авторов. Буду искать независимую площадку. Я надеюсь, общество в современном историческом контексте задумается о своих ментальных корнях и будет иметь потребность зафиксировать это в церковной архитектуре.

Современные посредники между художником и обществом – те самые кураторы, что пришли на смену идеологической цензуре, – тема для особого разговора, и здесь о них можно сказать лишь несколько слов. Если в советское время, что нужно, а что не нужно зрителю, решали партийные функционеры, то сегодня это решают они – «бомбили», как называет их Дмитрий, организующие выставки и создающие информационный повод, будучи заинтересованы лишь в процессе, а не в результате. Художник при этом – лишь исполнитель их сиюминутных идей, а точнее, коммерческих проектов и – средство манипуляции сознанием как автора, так и «потребителей» создаваемого им «продукта». Художник вроде Дмитрия, думающий самостоятельно и создающий нечто свое, оказывается в этой ситуации вне «актуального искусства», его никто не будет «раскручивать», а значит, его работы могут увидеть лишь немногие – в его мастерской. Таковы реалии сегодняшней художественной индустрии во всем «цивилизованном мире», и, может быть, возникшая конфронтация между ним и Русским миром

в этом смысле спасительна для современного русского художника («визуального философа»). Во всяком случае, это шанс, как и любой кризис вообще.

Что же касается церковной архитектуры, то она менялась с каждой эпохой при неизменном сохранении своих базовых принципов – будет меняться и впредь. И верится, что идея ее развития, предложенная Дмитрием Канторовым, заряженная, на мой взгляд, мощным и плодотворным, животворящим внутренним потенциалом, так или иначе, но воплотится, найдя отклик у тех, от кого зависит ее воплощение. Верится также, что произойдет это не в отдаленном будущем, а на нашем веку. Что макеты храмов и храмовых комплексов, включающих воскресные школы, заставляющие вспомнить о древнерусской иконе, станут зданиями, олицетворяющими горний Иерусалим, богозданный мир и нашу трагическую историю, станут домами молитвы и таинства Благодарения (Евхаристии), напоминая сегодняшнему человеку о Боге на понятном ему языке. На языке современном и в то же время – вечном, соединяющем с вечностью прошлое, настоящее и будущее, а людей – друг с другом в Боге, чье имя – Любовь. Во свете этой Любви, светящей сквозь тьму века сего со всеми происходящими в нем катаклизмами и трагедиями, со всей его рознью, о необходимости преодоления которой говорил преподобный Сергий.

ПЕРВОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

Восточно-Прусская операция.

14 августа – 15 сентября 1914 года.

Силы сторон: русские войска – до 250 тысяч человек, 1212 орудий; германские войска – 173 тысячи, 1044 орудия (включая крепостные).

Итог: армии Северо-Западного фронта отошли на исходные позиции на русско-германской границе. 1-я армия заняла рубежи на реке Неман, 2-я – на реке Нарев. Общие потери (убитыми, пропавшими без вести, пленными, ранеными): русские – более 80 тысяч, немцы – более 50 тысяч.

Это была единственная стратегическая операция, проигранная Русской армией в течение 1914 года. Примечательно, что эта операция была и самой первой. Согласно довоенному плану Генштаба, два фронта – Северо-Западный и Юго-Западный – должны были одновременно начать наступательные операции на своих направлениях. Первый – на Восточную Пруссию против германцев, второй – на Галицию против австрийцев. В обоих случаях – с дальним прицелом. На северо-западе – захватить прусские земли, выйти в северную Польшу и далее двигаться на Берлин вместе с войсками, расположенными в Варшавском выступе. Стоит напомнить, что такой страны, как Польша, в то время не существовало. Ее западные и северные земли принадлежали Германии, юго-западные – Австро-Венгрии, а восточная часть вместе с Варшавой – России. Между прочим, от русско-немецкой границы до прусской столицы, Кенигсберга, было чуть более 100 километров, а до Берлина – менее 700. Примерно такое же расстояние отделяло нашу границу от Вены.

Поначалу наступление 1-й армии Северо-Западного фронта развивалось успешно. Границу пересекли, немецкие части отодвинули вглубь территории, одержали несколько тактических побед в сражениях: под Сталупеном, Каушеном и особенно важную – под Гумбиннен-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОСЛЕ НАЧАЛА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

СОТНИ КНИГ, ДЕСЯТКИ КОНФЕРЕНЦИЙ, НЕСКОЛЬКО ВЫСТАВОК, СЧИТАНЫЕ ПАМЯТНИКИ, ОДИН МУЗЕЙ И ОДИН ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ... ОТГРЕМЕЛА В РОССИИ ПРОГРАММА 100-ЛЕТИЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, И НА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОЛЯХ И В ПРОПАГАНДИСТСКИХ ОКОПАХ БОИ ЗАТИХЛИ. А ТОГДА, ПОСЛЕ 1 АВГУСТА 1914 ГОДА, ВОЙНА ТОЛЬКО РАЗГОРАЛАСЬ.

ВЕЛИКИЕ СРАЖЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ – НА слуху. Кто не знает про оборону Москвы, битву за Стalingrad, блокаду Ленинграда, Курскую дугу, штурм Берлина? В Первую мировую крупных, а то и грандиозных сражений было не меньше. Французы «раскрутили» Верден, британцы – Ипр, австралийцы – Галлиполи. Эрнест Хемингуэй в гордом одиночестве воспел поминальную песнь боям в Итальянских Альпах. У нас присутствует в сознании Брусиловский прорыв. Без деталей и героев. Кроме самого генерала Брусилова, разумеется. Но присутствует. Равно как и пресловутый разгром русских армий в августе–сентябре 1914-го в Восточной Пруссии. На самом деле только в первое полугодие войны – с августа по декабрь – на русском фронте состоялось или началось пять масштабных боевых операций: уже упомянутая – в Восточной Пруссии, две Галицийские битвы, Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции. Отдельной строкой – Сарыкамышское сражение на Кавказе. На этом театре военных действий масштабы были не те, что в Европе, но значение имели немалое. И о Кавказском фронте – отдельно и позже. Дальше было не легче. Но – в первом номере журнала за 2015 год ограничимся событиями 1914 года.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ном. Ныне – город Гусев в Калининградской области. После успеха в Гумбинненском сражении отступавшие к Кенигсбергу и уступавшие в численности германские дивизии могли и должны были быть уничтожены. Однако командующий армией генерал Павел Ренненкампф остановил войска и дал им полтора дня отдыха. Это решение оказалось если не роковым, то глубоко ошибочным. Как раз в эти полтора дня германский генеральный штаб сменил руководившего 8-й армией генерала фон Притвица на уже набиравшую мощь грозную парочку – генералов Гинденбурга и Людендорфа. Кроме того, было принято решение о переброске двух с половиной корпусов с Западного фронта, где была одержана победа над французами под Шарлеруа. Заметим, эти дивизии никакой роли в боях в Восточной Пруссии не сыграли. Попросту – не успели. Но французам мы, таким образом, сильно помогли устоять в битве на Марне. Французский маршал Фош призна-

Командующий
1-й армией
генерал
от инфanterии
П.К. фон
Ренненкампф
среди
офицеров 1-го
Туркестанского
конного полка.
Польша. Северо-
Западный фронт.
1914 год

Ротмистр барон
П.Н. Врангель
(сидит на
лафете)
и полковник
князь Эристов
у захваченной
в Каушенском
бою немецкой
пушки

Кузьма
Фирсович
Крючков
(1890–1919),
донской казак
хутора Нижне-
Калмыкова
(Нижний
Калмыкос)
Усть-Хоперской
станицы войска
Донского

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

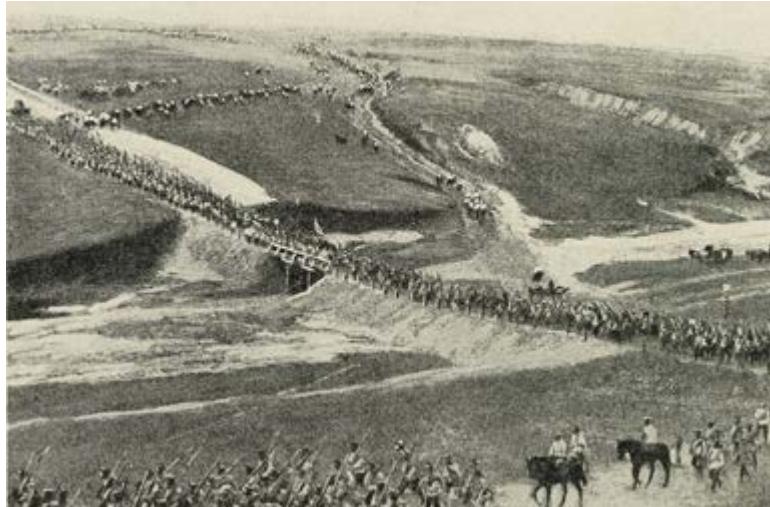
вал, что как раз нехватка 100 тысяч германских солдат на парижском направлении спасла их страну от сдачи столицы и тотального поражения.

Пока Ренненкампф отдыхал, генерал Александр Самсонов двинул наконец основные силы 2-й армии через границу с южных рубежей Восточной Пруссии. Мазурские озера и окружающие их леса – места для войны, особенно наступления, негодные. Природные трудности дополнялись отсутствием железной дороги и плохим качеством грунтовых дорог. Более недели до первых боев под Орлау и Франкенау колонны самсоновских корпусов были на марше. Но главная причина последовавшего поражения – в полной несогласованности действий командующих армиями, плохой разведке и пренебрежении к военной тайне.

Штаб Гинденбурга, перехватывавший телефонные переговоры русской стороны, знал о расположении и маршрутах движения 2-й армии больше,

Александр
Васильевич
Самсонов
(1859–1914),
генерал
от кавалерии,
командующий
2-й армией
во время
Восточно-
Прусской
операции

Русские войска
на Галицийском
фронт. Ноябрь
1914 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и попытался окружить 1-ю армию, Ренненкампф начал отход к Неману.

Во время Восточно-Прусской операции стал национальным героем донской казак Кузьма Крючков, первый солдатский георгиевский кавалер, барон Петр Врангель был первым в войну награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, а командир Кавалергардского полка князь Долгоруков лично водил эскадроны в атаку с сигарой в зубах. Были и коллективные подвиги. Лейб-гвардии Кексгольмский полк двое суток прикрывал отход 15-го корпуса от Сольдау. В первый день отбивался от дивизии, во второй силами оставшихся восьми рот – уже от двух. И задачу выполнил. А к своим пробилось шесть офицеров и около 400 солдат.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДВЕ В ОДНОЙ

Первая Галицийская битва.

18 августа – 21 сентября.

Силы сторон: русские – до 1 миллиона, 1770 орудий; австрийцы – около 900 тысяч, 1500 орудий.

Итог: победа Русской армии позволила продвинуться до 200 километров и выйти к Карпатам, взята столица австрийской Галиции город Львов и блокирована крупнейшая крепость Перемышль.

Общие потери: русские – 230 тысяч, австрийцы – более 325 тысяч (100 тысяч пленными).

Битва за Галицию – одна из крупнейших за всю историю Первой мировой войны. Линия фронта, на которой развернулись бои, растянулась на 400 километров: от крепости Ивангород на Висле километрах в 80 южнее Варшавы до украинского городка Коломыя, что в 70 километрах от румынской границы. Уникальность этой битвы в том, что она состояла из нескольких самостоятельных операций: Люблин-Холмской, в ходе которой состоялись два крупных сражения, у Красника и Тома-

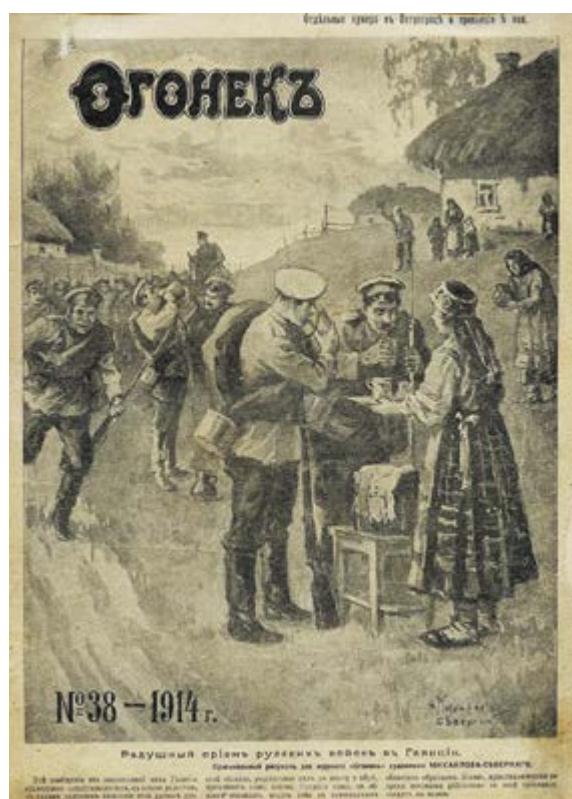
Федор Артурович Келлер (1857–1918), граф, генерал от кавалерии. В начале Первой мировой войны командующий 10-й кавалерийской дивизией, в составе 3-й армии генерала Н.В. Рузского

шова, Галич-Львовской (бои на Золотой Липе и Гнилой Липе) и Городокского сражения.

Что же касается особой сложности, то она заключалась в том, что Галицийская битва сразу превратилась во встречное сражение. Еще до начала кампании мелкие отряды германцев и австрийцев проникали на русскую территорию, отмечавшись невероятной жестокостью в отношении местного населения. В нарушение всяких норм Гаагской конвенции 1907 года, определившей правила войны, и те, и другие практиковали расстрелы заложников, в том числе детей, пытки и издевательства над мирными жителями. Например, один из пограничных городков был стерт с лица земли артиллерией вместе с частью населения, не успевшей его покинуть. Эти вылазки свидетельствовали о том, что противник не собирался отсиживаться в обороне. Наступление было в приоритете и у русского командования.

Существует расхожее мнение, будто австрийская армия в Перовую мировую войну ничего серьезного собой не представ-

Радушный прием
русских войск
в Галиции.
Рисунок
художника
Михайлова-
Северного.
Обложка
журнала
«Огонек»
от 4 октября
1914 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ляла. Потому и была всегда битой русскими войсками. Как тут не вспомнить великого Гашека, который на примере бравого солдата Швейка старательно убеждал нас именно в этом. На самом деле австрийцы в начале войны сражались довольно бойко. И, несмотря на очевидные проблемы армии, имели довольно высокий боевой дух и амбициозные планы. Свидетельством тому – последний массовый кавалерийский бой у Ярославиц.

В начале Галицкой битвы, 21 августа, у деревни Ярославицы сошлись 4-я кавалерийская дивизия фон Зарембы и наша 10-я кавалерийская дивизия графа Келлера. Полкам новгородских драгун, одесских улан и ингерманландских гусар предстояло атаковать австрийцев снизу вверх. Последние, выстроившись черно-голубой полосой на вершине холма, ждали приближения русской кавалерии. И едва та приблизилась метров на 300, обнажили клиники и ринулись навстречу.

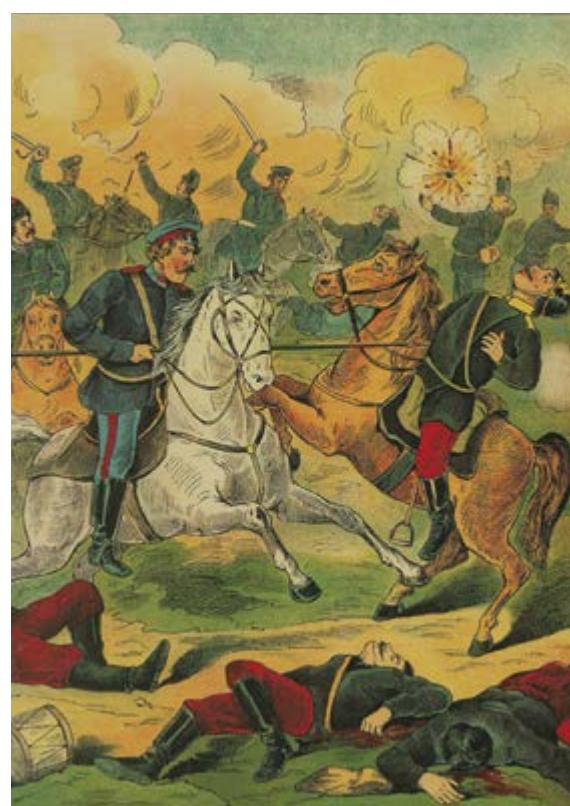
За несколько лет до войны «золотой клинок империи» граф Федор Келлер писал в наставлении кавалеристам: «Командир полка, ведя полк в атаку, может и должен указать цель, но раз полк пущен в атаку, давать указания уже поздно»... И в самом деле стало поздно! Всадники сблизились, и началась сеча. Первые ряды австрийских гусар были подняты русскими эскадронами на пики. Но гребень холма скрыл от русских резервные линии австрийцев, которых было до 10 эскадронов. Резонно спросить: сколько это? Эскадрон в Первую мировую насчитывал до 150 активных сабель. Наши стали сдавать назад. Еще несколько минут – и победа за врагом. Но именно в этот момент во фланг последней линии кавалеристов Зарембы ударили ингерманландцы. А во фронт набросился на врага сам командир дивизии Келлер, поднявший в галоп своих штабных и собственный конвойный взвод. Где-то сбоку у входа в лощину появились пере-

Трофейные австрийские орудия под Мегеровом. Галиция. Август 1914 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Великая война. Стычка казаков с австрийцами при взятии Галича 18–19 августа 1914 года. Плакат

довые эскадроны русской 9-й кавалерийской дивизии... Только тогда дух австрийцев был сломлен. А на живые осталось лежать до тысячи убитых и раненых врагов. Более 600 человек было захвачено в плен. А также 8 орудий, прикрывавших дивизию Зарембы. Наши потери составили убитыми и ранеными около 150 всадников.

Настроение австрийских кавалеристов перед Ярославицким боем можно экстраполировать на настроение всей армии перед Галицкой битвой. Так, на

северном фланге 21 августа австрийская 1-я армия Данкля при поддержке германского корпуса последовательно разбила три русских корпуса 4-й армии в сражении у Красника и отбросила ее остатки к Люблину. В течение недели, до 2 сентября, 4-я армия вела тяжелые оборонительные бои. И только после подхода крупных подкреплений сумела переломить ситуацию. Упорство австрийцев на этом направлении обошлось им в 20 процентов потерь личного состава.

В то же время южнее русские части начали успешное наступление на Львов и Галич. Хотя давалось это непросто. Так, 28 августа в сражении на реке Гнилая Липа 3-й и 8-й армиям пришлось задействовать для победы около 400 тысяч солдат и офицеров.

2 сентября австрийцы без боя оставили Львов, чуть позже – Галич. Вроде бы дело шло к тому, что битва выиграна, а враг разбит. Но начальник генерального штаба австро-венгерской армии генерал Конрад сбил в кулак боеспособные соединения и дал бой русским под Городком. Шесть дней понадобилось нашим войскам, чтобы отбить атаки австрийцев, перейти в контрнаступление и погнать их окончательно. Вот тут-то у австрийцев и началась паника, которая на все оставшиеся месяцы войны лишила их победного духа.

К этому времени стало ясно, что главный театр военных

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

действий смещается к Варшаве. А основные усилия в борьбе с Русской армией лягут на плечи германцев. Но в течение октября грянула еще одна военная операция на юге Восточного фронта – в зоне действий 8-й армии генерала Брусилова. Известный военный историк-эмигрант дал ей имя «Вторая Галицийская битва». В ходе этих сражений австрийцы попытались еще раз вернуть себе инициативу и лишить русские войска возможности выйти через карпатские перевалы на Венгерскую равнину. К 21 октября стало ясно, что это безнадежно. Линия фронта замерла на берегах правого притока Вислы в Северных Карпатах – реке Сан. И в Галицкой битве дефицита на подвиги не было. Совершил смертельный таран автор «мертвой петли» военный летчик Петр Нестеров. Повторил, вернее, усугубил подвиг Кузьмы Крючкова донской казак Лавин, пленивший в одиночку под Люблином 19 австрийцев, включая трех офицеров. Но самый любопытный случай произошел под Перемышлем. В разведку отправился 14-летний казачонок Федор Фрикин из кубанской станицы Петропавловской. Пехотному полку, занимавшему рубеж в 11 километрах от крепости, поставили задачу: провести разведку полевых укреплений противника. Прознав про это, временно прибившийся к пол-

Подвиг казака
Лавина 21 августа
1914 года. Плакат,
напечатанный
в литографии
Товарищества
И.Д. Сытина.
Москва. 1914 год

ку Федя переоделся в крестьянское платье, сел на коня и поскакал к австрийским окопам. В нескольких метрах от них упал с коня и прикинулся ушибленным, рыдая от «нестерпимой боли». Австрийки попытались успокоить неумелого всадника, но вследствие продолжающейся истерики посчитали за лучшее отправить его на том же коне подальше. Федор вернулся в расположение своей части и подробно описал увиденное в укреплениях. За что был представлен к Георгиевскому кресту.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Карта
Варшавско-
Ивангородской
операции

БЫЛО ДЕЛО ПОД ВАРШАВОЙ

**Варшавско-Ивангородская
операция.**

28 сентября – 8 ноября.

Силы сторон: русские – более 450 тысяч солдат, до 1800 орудий; австро-германцы – более 320 тысяч, более 1600 орудий.

Итог: победа Русской армии, срыв наступления противника на Варшавский укрепрайон с целью захвата польской столицы и мощный внешнеполитический эффект, в результате которого Болгария и Румыния сохранили нейтралитет.

Общие потери: русские – 153 тысячи, австро-германцы – более 150 тысяч.

Военная статистика – штука хитрая. Подмосковный архивист из Балашихи Нелипович, видимо, для нагнетания страстей, дает такую цифирь в таблице «Общие потери Русской армии в Варшавско-Ивангородской операции» – 359 696 солдат и офицеров. Такая скрупулезность настораживает, особенно потому, что данный исследователь включает в операцию армии, которые в ней и близко не участвовали, а предлагаемая сумма – потери всей Русской армии на Восточном фронте, включая бои в Галиции и Восточной Пруссии в период времени, совпадающий с событиями вокруг Варшавы. Впрочем, у нас это в традиции – если на

Петр Николаевич
Нестеров
(1887–1914),
военный летчик,
основоположник
высшего
пилотажа,
штабс-капитан.
Совершая
первый
воздушный
таран, сбил
таким образом
австрийский
бомбардировщик
и погиб около
города Жолква
8 сентября 1914
года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

поле боя «шапками не закидали», то в последующих исторических исследованиях точно «докидают». Поэтому-то у Нелиповича под Варшавой сгинуло три четверти участвовавших в операции солдат и офицеров. Притом что операция в итоге удалась.

Немецкий план броска на польскую столицу был прост: со средоточить ударную группировку на Висле и действовать кулаком, которым стала специально сформированная группа генерала фон Макензена. Тем более что к концу сентября русских войск там было довольно мало: кавалерийский корпус да пехота силой до двух дивизий. В Ставке и фронтовых штабах успели разгадать план германцев. Не успели подтянуть войска, учтывая нашу постоянную беду – дороги. Мешала и другая беда – дураки, в смысле законченные бюрократы. Командующий Юго-Западным фронтом Николай Иванов упорно настаивал на наступлении в Карпатах и слышать ничего не хотел о контрборьбе под Варшавой. Командующий Северо-Западным фронтом Николай Рузский вообще считал, что надо отвести войска поближе к исконным русским границам и таким образом избавиться от Варшавского выступа. Ставка молчала.

Германцы использовали эти факторы на все сто. Понимая, что сил на этом направлении у них недостаточно для долгосрочной операции, упирали на скорость. И в конце сентября двинулись на Варшаву и глав-

защитники Ивангородской крепости во главе с ее комендантом генерал-майором А.В. Шварцем. Ноябрь 1914 года

Одна из австрийских мортир, отбитых гарнизоном Ивангородской крепости. Ноябрь 1914 года

Солдаты на марше к передовой. Навстречу везут раненых. Польша. Осень 1914 года

ную русскую крепость в среднем течении Вислы – Ивангород (ныне – Демблин). Однако скорости австро-германцам не хватило. Постепенно к Висле подтягивались русские соединения, а кроме того, доблестно сражались те части, которые оказались под рукой командования. Передовые соединения 4-й армии генерала Эверта форсировали Вислу и создали Козеницкий плацдарм около Ивангорода. А в 30 километрах от Варшавы на смерть стоял 2-й Сибирский корпус и подоспевшая ему на помощь 1-я Сибирская стрелковая дивизия. Макензена остановили на линии варшавских фортификаций. Вот что писал о сибирских стрелках герой Первой мировой и Гражданской войн генерал Туркул: «Я помню, как эти остроглазые и гордые бородачи ходили в атаку с иконами поверх шинелей, а иконы большие, почтевшие, дедовские... Из

окопов другой норовит бабахать почаше, себя подбодряя, а куда бахаает – и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко. Он всегда норовит стрелять по прицелу... Губительную меткость их огня и боевую выдержку отмечают, как известно, многие военные, и среди них генерал Людендорф». В тот раз было даже не до стрельбы. 27 сентября 1-я Сибирская стрелковая дивизия бросилась в штыки на 17-й корпус пруссаков под Пясечно прямо из эшелонов. Перелом в операции настал 13 октября. Сбросить русских с Козеницкого плацдарма не удалось. Ворваться в Варшаву – тоже. А русских вокруг становилось все больше. Именно к этому времени Ставке удалось собрать на средней Висле до полумиллиона солдат, в то время как германцы с австрийцами, неся огромные потери, особых пополнений не ждали. Решительный Гинденбург вкупе с хитрованом Людендорфом решили более не рисковать. 14 октября был отдан приказ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Костел
в Ивангороде,
разрушенный
снарядом.
Ноябрь 1914 года

к отступлению. Русские войска без особой энергии преследовали врага, но к концу октября стало ясно: дальнейшее продвижение невозможно, обозы отстали на полторы сотни верст. Хотя Краков, а стало быть, и Германия с Австрией были совсем рядом – менее 100 верст. А в 20 верстах от Краковской крепости остановил коней 5-й Уральский казачий полк Уральской казачьей дивизии. Во время Варшавско-Ивангородской операции отличились по меньшей мере три подъесаула этого славного полка: командир 6-й сотни Черыков, офицер 2-й сотни Мизинов и командир 1-й сотни Толстов. Последний – Владимир Толстов – вместе с сотней отправился в глубокую разведку и в полдень 1 октября столкнулся с противником. Уходя от преследования, толстовская сотня все дальше забиралась вглубь германских порядков и оказалась в полном окружении. 11 дней казаки выбирались к своим через бои и болота. И выбрались-таки благодаря своему командиру.

ЛОДЗИНСКИЙ СЛОЕНЫЙ ПИРОГ

Лодзинская операция.

11 ноября – 6 декабря.

Силы сторон: русские –
около 370 тысяч, 1300 орудий;
австро-германцы – 380 тысяч,
1420 орудий.

Итог: относительная победа
Русской армии, срыв планов
германского командования
по окружению армий Северо-
Западного фронта.

Общие потери:
русские – 110 тысяч,
австро-германцы – 160 тысяч.

Эта операция неподалеку от границ государств Центрального блока – причуда маневренной войны, которой в Перову мировую генералы еще пытались баловаться. А генералы, если верить смыслившему в военном деле Уинстону Черчиллю, всегда готовятся к прошлой войне. По крайней мере, в начале текущей.

В который раз наступать собирались обе воюющие стороны. План русского командования заключался в том, что, находясь почти у границ Германии, крупными силами вторгнуться в Силезию и выйти на Берлин. Германцы планировали... Строго говоря, не шибко и планировали, если говорить о стратегии. Видя преимущество Русской армии в позиции, Людендорф решил нанести упреждающий фланговый удар, чтобы лишить Русскую армию возможности наступать. И Гинденбург приступил

Карта Лодзинской операции

Титульный лист книги
«Лодзинское сражение
(прорыв у Брезин)»

к реализации этой идеи под городами Кутно и Влоцлавск. В который раз ударный кулак под командованием фон Макензена потряс боевые порядки русских войск. И в который раз мужество и упорство наших солдат не дали германцам довести дело до конца. Пока 2-я армия Северо-Западного фронта пыталась избежать полного окружения, 5-я армия, в свою очередь, начала окружение германской группировки. Потому-то эта операция и получила название «Слоеный пирог». Вот что писал о происходящем генерал Василий Гурко: «Мы уже видели, как в поисках выхода из непрерывно сжимавшегося кольца русских войск германские транспортные колонны заметались, меняя направление своего движения на прямо противоположное. Позднее стало известно, что одного из сыновей императора Вильгельма из опасения, что он может вместе с почти окружанными корпусами попасть в плен к русским, пришлось посадить в аэроплан, чтобы переправить по воздуху через наши боевые порядки. С нашей стороны надежда на успех была так вели-

Разгром немцев
на реке Бзуре
19–20 декабря
1914 года. Плакат,
напечатанный
в типолитографии
Торгового дома
Е. Коновалова.
Москва. 1914 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ка, что тыловым учреждениям были даны указания собрать в Варшаве подвижной состав для перевозки будущих пленных. Однако вследствие трагических ошибок, в совершении которых обвиняли генерала Ренненкампфа, наше живое кольцо до конца не сомкнулось, и германцам удалось вырваться из мешка и спастись». Ему вторит германский офицер: «Наша дивизия была спасена, и, вместо возможного для немцев Седана, поражение потерпели сами русские; хотя наши войска были окружены русскими, однако сумели сквозь них пробиться». Но виноват в этом не столько генерал Ренненкампф, сколько его непосредственный начальник, командующий Северо-Западным фронтом генерал Рузский, оперировавший устаревшей информацией, на основании которой дал приказ трем своим армиям к отступлению. Правда, приказ вскоре был отменен, но германцы из кольца уже вырвались.

А дальше началось преследование отступающего врага. Врага изнуренного и деморализованного, по мнению генерала Плеве. Несмотря на то, что русские войска тоже устали, а интендантская часть по обыкновению отстала, преследование могло привести к более существенному результату. Однако

с Западного фронта вновь были переброшены значительные силы, что дало возможность немцам перейти в контрнаступление. Русские части оставили захваченную Лодзь и начали укрепляться на берегах Бзуры, Равки, Ниды и Дунайца в бассейне Вислы.

В тактическом плане война на востоке после этого стала сползать к позиционной. В Лодзинской битве русские достойно отомстили за поражение 2-й армии генерала Самсонова под Тannенбергом, но одновременно добились и концептуальных изменений в германской стратегии. В 1915 году основные усилия союзников по Центральной коалиции будут направлены на борьбу с Россией. Уж слишком она оказалась сильна и опасна.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Война – это не только подвиги. Это и страх, и трусость. Все это возможно в любой армии. Под Лодзью русские солдаты впервые сдались без боя. Это сделали шесть рот 87-го пехотного Нейшлотского полка. Штабные потом объясняли это по-разному: усталостью, работой неких парламентеров, этнической принадлежностью солдат, ведь полк формировался в Финляндской губернии. Но факт остается фактом.

Даже солдатам в окопах стало ясно, что все уверения в скорой победе уничтожены артиллерийскими обстрелами, штыковыми атаками, вшами и наступающей зимой.

А подвиги? Были, как же! И личные, и коллективные. После предыдущих боев от лейб-гвардии Эриванского полка, самого именитого полка Русской армии, ко времени Лодзинской операции осталось менее трети кадрового состава – 1300 человек. На короткой передышке пополнили полутора тысячами новобранцев, доведя роты до двух третей штатной численности. И снова в бой – под Сохачевом. Через восемь дней непрерывной драки от полка остались две сводные роты по 180 человек каждая да счастливая 12-я, остававшаяся в резерве. И три офицера в строю. Капитан Сабель, подпоручики Агарунов и Попов. Но втыкать штыки в землю эриванцы, ведущие боевую летопись со времен первого Романова-царя, не собирались. 2 декабря встали на Бзуре, там, где приказано. И по приказу вновь пошли в бой. Роты смяли немцев, «частью перекололи, частью взяли в плен, а частью загнали в ледяную воду», как зафиксировано в журнале боевых действий 26-го германского полка. ●

...От 2014 года в память о Первой мировой войне нам достались сотни книг, несколько памятников, один музей, один художественный фильм. От 1914-го – тысячи и тысячи могил. И – победы!

СКВОЗЬ ИГОЛЬНОЕ УШКО

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КОГДА-ТО ЗДЕСЬ КИПЕЛА ЖИЗНЬ, И СТАРОЖИЛЫ ОСОЗНАВАЛИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЗНАЧИМОСТЬ СВОЕГО СКРОМНОГО, НО ТАКОГО ВАЖНОГО ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ МЕСТЕЧКА. ПОСТЕПЕННО ЗНАЧИМОСТЬ ЭТА УМЕНЬШАЛАСЬ, ЖИЗНЬ ЗАМЕДЛЯЛАСЬ, И СЕГОДНЯ В ТИХОМ И КАК БУДТО ЗАМЕРШЕМ УГОЛКЕ РЯЗАНСКОЙ ГЛУБИНКИ НЕВОЗМОЖНО УЗНАТЬ НАПОЛНЕННЫЙ ЛЮДЬМИ И СОБЫТИЯМИ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЦЕНТР. НА ПАМЯТЬ О ЯРКОМ ПРОШЛОМ ОСТАЛИСЬ ЛИШЬ ПОЛУРАЗРУШЕННЫЕ ЗАВОДСКИЕ СТЕНЫ ДА ОСТОВ КРАСИВОГО КОГДА-ТО ХРАМА...

СЕЛО, ЗАТЕРЯВШЕЕСЯ в сердце Рязанского края, раньше и правда имело государственное значение. Знатоки топонимики утверждают, что свое название Коленцы получили из-за прихотливого русла реки – Проня в этом месте делает аж четыре изгиба. Кто знает, может быть, потому жизнь у села и была такой переменчивой и противоречивой, что судьба постоянно выкидывала «коленца»?.. Так сложилось, что именно здесь появилась первая российская иголка: село Коленцы, что находится в Старожиловском районе Рязанской области, можно считать родиной отечественного игольного производства. Долгое время швейные иглы в Россию привозили исключительно из-за границы – не могли отечественные мастера составить конкуренцию заморским

производителям. Но Петр I перекроил сложившийся рынок: царский указ 1719 года наложил вето на ввоз «иностранных игол», точнее, обложил этот товар такими пошлинами, что продавать его стало совсем невыгодно. А чтобы исключить какие-либо сомнения торговцев и помочь, как теперь говорят, продвижению отечественного товара, в том самом указе царь недвусмысленно рекомендовал (то есть приказывал) «продавать лишь те иглы во всем Российском государстве, которые делаются на заводах российских купецких людей Сидора Томилина и Панкрата Рюмина». Вот эти самые купцы – Томилин и два брата Рюмины – еще в 1717 году построили в селе Коленцы игольную фабрику. А за несколько лет до того сии предпримчивые господа начали в соседнем селе Истье добывать же-

лезной руды и построили железоделательный завод. Так что вопрос с сырьем был решен заранее. На реке Проне поставили плотину, установили два паровых котла – жизнедеятельность промышленного объекта была полностью обеспечена. И коленцевская фабрика заработала – первая в России «кузница» иголок.

«Коленцы были одним из звеньев большого промышленного комплекса, – рассказывает учитель истории школы села Истье Виталий Ашарин. – В Истье изготавливали материал, а в Коленцах и Столцах работали игольные мануфактуры. В Коленцах предприятие было крупнее».

ХОЗЯИН УМЕР – ДА ЗДРАВСТВУЕТ ХОЗЯИН

Сейчас в полуразрушенной стене красного кирпича почти невозможно угадать былое величие производственного гиганта. По свидетельству документов того времени, в фабричные активы входило 12 каменных и 5 деревянных зданий. Производственный процесс был разделен на четыре отдела: проволочный, игольочный, булавочный и машинный. Как говорят местные краеведы, то здание, которое дошло до нашего времени, было построено уже позже, не при первых владельцах, – его возвели в конце XVIII века. Впрочем, обо всем по порядку.

В самом начале российского игольного дела фабрика в Колен-

О былом промышленном величии помнят лишь обветшавшие стены фабрики

цах процветала. И совсем скоро после открытия первого производств купцы Рюмины и их компаньон Томилин почувствовали, что неплохо бы дело расширить, и буквально через год после открытия первого промышленного предприятия, в 1718 году, в соседнем селе Столпцы появилась вторая фабрика. Два новых предприятия работали весьма успешно, в самых дальних уголках России шили исключительно иголками из Рязанской губернии. Надо сказать, что, набрав обороты, российские игольщики стали поставлять продукцию и за границу – часть «острого товара» отправлялась «в Персиду и другие дальние места». Словом, импорт иголок теперь был совсем не актуален: основатели игольных заводов заверяли, что «в каждый год могут сделать до 30 миллионов игл, которыми удовольствуют Российской империи без ввозу чужестранных». Но на смену процветанию пришли другие времена. После смерти одного из Рюминых, Козьмы Наумовича, его сыновья начали делить имущество. Лишь один сын продолжил начатое дело, двое других совершенно не интересовались жизнью фабрик и подали в суд, требуя своей доли. Пока шли тяжбы, налоги не платились, и в итоге, когда братья отвоевали свое право на часть предприя-

тия, взамен вожделенных прибылей они получили немалые налоговые задолженности. Чтобы как-то выбраться из долгового плена, совладельцы сдали и железный завод, и игольные фабрики в аренду иностранцам. Готлиб Белау и Гендрих Янкович стали распорядителями дела на десять лет...

В этот период успешная прережде фабрика постепенно стала снижать обороты. Документы

ты свидетельствуют, что уже в 1730–1740-х годах игольное предприятие попадало под надзор канцелярии по делам конфискаций. После всевозможных передряг с наследниками игольное дело было наконец продано и в 1773 году оказалось в руках Петра Хлебникова, который владел уфимским медеплавильным производством. Управлять рязанскими активами стал его сын Николай. Новый игольный хозяин был достаточно предприимчив и смог быстро восстановить былой уровень производства. Именно в этот период был выписан из Москвы архитектор Василий Стасов, который построил то самое здание, останки которого дошли до наших дней. «Это был один из самых ярких периодов игольной фабрики, – считает Виталий Ашарин. – Хлебников создал здесь целый комплекс – он строил с размахом». В эпоху хлебниковского руководства в Коленцах появились две обширные усадьбы с садами, большими домами, оранжереями, даже зверинцем и театром. Помимо обустройства родового гнезда Хлебников обновил и производство – здесь были построены два новых здания для двух мануфактур. На разрушенной заводской стене и сегодня угадываются изысканные «украшательства». Как свидетельствуют архивы, «центральная часть фабрики имела три этажа с пятипролетным портиком, колоннами и большим фронтом, по нижнему этажу шли арочные ниши». Примерно так же преобразилась и фабрика в Столпцах – там тоже поработал Стасов. После обновления рабочие игольного производства трудились практически во дворцах... Жаль, что хлебниковское «царствование» продлилось недолго – всего до 1777 года. После смерти Хлебникова фабрики переходили от одного наследника к другому, и в 1842 году игольное дело попало в руки Сергея Полторацкого, который вписал в фабричную историю свою главу – весьма яркую, но, к сожале-

В середине XVIII века, когда в Коленцах появился храм, он был предметом особой гордости местных жителей

нию, короткую. Новый хозяин был прогрессивным, хорошо образованным человеком – в спра-вочных материалах его упоми-нают не иначе как библиофила и библиографа. Сергей Дмитри-евич развернул на производстве бурную деятельность, начал ре-конструкцию завода, привез из Англии, Бельгии, Германии со-временное машинное оборудо-вание, выписал из этих стран мастеров для его установки. Ре-зультат такой активности Полто-рацкого был весьма заметный: в течение десяти лет рязан-ская фабрика котировалась на уровне лучших профильных заводов Европы. «В этот пери-од на фабриках ощущалось зна-чительное влияние иностран-цев, – рассказывает Виталий Ашарин. – Помню, как в 80-х го-дах XX века в окрестностях од-ной из здешних деревень была найдена чугунная надгробная плита, надпись на которой была сделана по-английски. Выясни-лось, что здесь был похоронен управляющий игольной фабри-кой англичанин Георг Мейн. Чтобы завод работал по послед-нему слову техники, Полторац-кий приглашал лучших специа-листов. Кстати, потомки Мейна так и остались жить в России, только фамилия их упрости-лась – они стали именоваться Минами. Так вот, один из Минов впоследствии командовал Семе-новским полком. Полторацкий привлекал в Россию хорошие кадры – он придерживался про-грессивных взглядов».

Азарт, с которым Полторацкий взялся за новое дело, был свой-ствен его натуре – он вообще слыл азартным человеком, что, собственно, и поставило точку в его взаимоотношениях с иголь-ной фабрикой. Проигравшись, деятельный хозяин навсегда укатил из России, срочно про-дав реанимированное произ-водство. После этого владельцы у игольной империи менялись стремительно. Увы, хороших хо-зяйственников среди них уже не оказалось – в основном это были случайные люди и компа-нии, далекие от игольного дела.

Один из многочисленных владельцев игольных фабрик обрел покой неподалеку от собственного предприятия

Время многое разрушило, но над некоторыми деталями оно не властно

Ни «Торговый дом Барковых», ни «Русское рельсовое обще-ство», которые значились в чис-ле владельцев, не смогли вер-нуть игольному производству прежнего успеха. Постепенно дело приходило в упадок. «На рубеже XIX–XX веков многие промышленные объекты, осо-бенно местечковые, начали ис-пытывать трудности, – говорит Виталий Ашарин. – Средств не было, рабочий люд стал разъез-жаться». В итоге к 1906 году обе рязанские фабрики по произ-водству швейных иголок пре-кратили свое существование.

ФРЕСКА С ЧУДЕСАМИ

Постепенно стала затихать и жизнь в округе – все-таки иголь-ное производство было тем, что принято называть «градообразую-щим предприятием». В свое время в селах Коленцы и Столицы бла-годаря появлению масштабного производства даже численность населения выросла: повелением все того же Петра I на игольные фабрики разрешили привлекать не только местных крепостных, но и вольнонаемных из других населенных пунктов.

По переписи 2010 года насе-ление Коленцев состояло из 20 че-ловек, теперь жителей осталось и того меньше... Такие цифры просто невозможно сопостав-ить с прежними масштабами села. Например, в словаре Брок-гауза и Ефона про Коленцы на-писано: «Дворов 345, жителей 2118». Так что приход постро-енного здесь в 1755 году храма поражал своим размахом – в то время, пожалуй, даже в губерн-ском центре ни одна из церквей не насчитывала 2 тысяч прихо-жан. Впрочем, храм в Коленцах был достоин такого обширного собрания. Даже сейчас, полураз-рушенный, он сохранил вели-чественный вид и какую-то не-обычную притягательную силу. И хотя подобных заброшенных церквей хватает и на Рязанской земле, и в других российских регионах, сюда частенько загля-дывают любители старины, и на просторах Интернета можно найти изрядное количество от-зывов о коленецком храме.

Он начал строиться еще в тот период, когда фабрики принадлежали рюминскому роду – очредные наследники тех самых братьев Рюминых, с которых и началась вся игольная история, Николай и Иван Рюмины, а потом их отчим князь Кильдышев решили вкладывать часть средств в строительство храма. Начали строить церковь в 1752 году, а в октябре 1755-го свершилось важное для всех жителей села событие – новый храм был освящен. Красивый, высокий, величественный... Его и сейчас частенько называют шедевром архитектуры XVIII века, а тогда храм, конечно, был предметом особой гордости здешних

жителей. Освященный в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, он имел два придела – в честь архистратига Михаила и в честь Александра Невского. И если игольное производство свернулось в начале XX века, то храм еще долго продолжал собирать людей: закрыли его только перед Великой Отечественной войной. Здание приспособили под склад для зерна, иконы растащили, роспись осыпалась... «Я помню, лет тридцать назад на стене, противоположной алтарю, оставался очень необычный образ, – делится Виталий Ашарин. – Большой, овальной формы, в деревянном окладе. Там был изображен святой в клубу-

Виталий Ашарин бывал в этом храме около трех десятилетий назад – тогда разрушение было еще не столь масштабным

ке и остроконечных сандалиях с загнутыми вверх носами. К сожалению, не удалось выяснить, чья это была икона, теперь ее там уже нет».

А роспись... Как оказалось, она не исчезла бесследно, а как будто затаилась. О чуде заброшенного храма рассказывают легенды. Фреска «Страшный суд» почти не видна, ее заметит только внимательный гость, а вот при фотографировании она вдруг проявляется намного ярче, позволяя рассмотреть мастерство художника XVIII века... Сейчас полуразрушенное здание открыто для всех – ни дверей, ни окон здесь давно нет. Да и вообще остается только удивляться, как еще живет покалеченное временем и непогодами здание. Частично разрушенные стены держатся благодаря подпоркам, поставленным заботами неизвестных людей. Вместо торжественного церковного убранства из всей утвари только дощатый стол, о роли которого свидетельствует надпись: «Стол-алтарь. Освящено». Кто-то создал здесь своеобразный иконостас – небольшие иконки стоят в нишах, опираясь друг на друга. Накопилась уже и своеобразная библиотека – довольно много книг с Житиями святых, акафистами, молитвами. Изредка здесь проходят службы – спустя долгие годы храм вновь собрал прихожан. Конечно, их не так много, как было раньше, но даже то, что старую церковь хоть иногда навещают, уже говорит о том, что храм продолжает жить.

Надежд на то, что когда-нибудь здесь начнется реконструкция, пока почти нет – в самой деревне жизнь едва брезжит, найти заинтересованных в возрождении храма практически невозможно. Слишком мало осталось наследников игольного дела... И хотя вся славная история коленцевской игольной фабрики ушла в прошлое, сюда все равно приезжают люди – прикоснуться к истории, отдать должное былой славе, проведать старые стены заброшенной церкви... ●

Сегодня уже не осталось тех, кто видел старинные механизмы в работе

МАСЛО КАК МЕЧТА

АВТОР

ЕЛЕНА БЕРДНИКОВА

СТО ЛЕТ НАЗАД СЛИВОЧНОЕ МАСЛО БЫЛО ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ ЭКСПОРТНЫХ ТОВАРОВ АЗИАТСКОЙ РОССИИ, КАК ДО РЕВОЛЮЦИИ НАЗЫВАЛИ ЗАУРАЛЬСКУЮ ЧАСТЬ СТРАНЫ. НО ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ПОЛОЖИЛА КОНЕЦ БОРЬБЕ СИБИРСКИХ МАСЛОДЕЛОВ ЗА МИРОВОЙ РЫНОК.

ЭКСПОРТ ИЗ СИБИРИ такого скоропортящегося продукта, как сливочное масло, стал возможен благодаря Транссибу только в середине 1890-х годов. А штаб-квартирай сибирских маслоделов стал Курган – город в Тобольской губернии, через который в 1893 году и прошел железный Великий сибирский путь. В 1901 году в Кургане состоялся первый съезд маслоделов; тогда

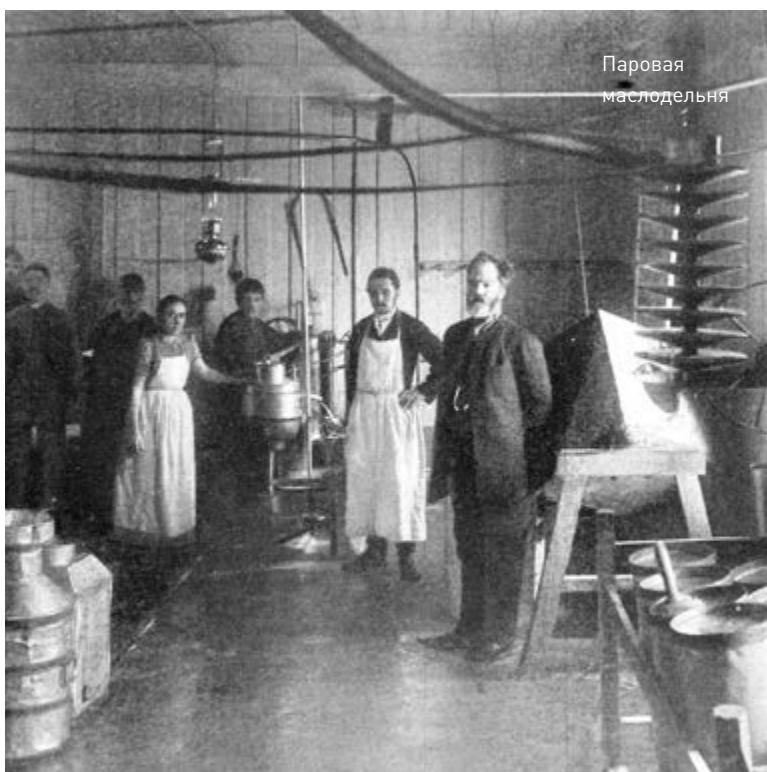
же по Транссибу пошли первые 50 вагонов-ледников. В 1907 году британская фирма «Братья Вестей» получила землю и в 1909-м построила рядом с курганским вокзалом крупнейший в Сибири склад-холодильник. К 1914 году такие склады действовали практически на всех больших станциях Транссиба, в том же году Сибирь вывезла в Европу, главным образом в Британию, масла на 70 миллионов рублей. Из Кургана до русских

портов на Балтике – Виндавы (Вентспилс) и Риги – масло ехало в вагонах-ледниках восемь дней, а потом по морю и Темзе – до Лондона.

Целых десять лет, с 1895 по 1905 год, русское масло господствовало на британском рынке. Продукция австралийских и новозеландских конкурентов хоть и отличалась лучшим качеством, но поколебать позиции русского «нежного продукта» не могла. Да и была дороже сибирского масла. Сибирики спокойно почивали на лаврах, используя свое логистическое преимущество: ведь австралийцам и новозеландцам, для того чтобы привезти свое масло в Лондон, нужно было долго везти его морем, причем в южных широтах, пересекая экватор. А масло – товар деликатный, скоропортящийся. Но заокеанские конкуренты не сдавались и искали выход: приобретали системы охлаждения, постоянно работали над тем, чтобы создать партии масла с типичным стабильным вкусом – настоящим марочным качеством. В России же достижение стандарта качества – да еще в такой буквально текучей, живой отрасли, как молочное хозяйство, – являлось проблемой.

Так исторически повелось, что маслодельная отрасль – артельная. И знаменитые сегодня марки – это творения коллективные, плод труда огромных кооперативных предприятий, сосредоточивших работу сотен и тысяч отдельных ферм и дворов. В Сибири наблюдались те же процессы: начало прошлого века было временем бума маслодельной кооперации.

Практически за каждой пачкой масла известных мировых брендов стоит простая идея: маслодельная отрасль промышленности должна находиться в руках производителей молока, то есть крестьян. Чтобы крестьяне могли фактически управлять этой отраслью – получить справедливую цену за свой продукт, развиваться и давать качественное товарное молоко, – им нужно

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

объединиться в кооперативы, артели; артели же, объединившись, составят экономическую силу и обеспечат сбыт.

В Сибири такой экономической силой стал Союз сибирских маслодельных артелей, созданный в 1907 году местным предпринимателем Александром Николаевичем Балакшиным. Союз начал с 12 артелей, но очень быстро стал крупнейшим в Европе объединением кооператоров. В 1913 году он объединял более 560 маслодельных и 500 потребительских артелей – всего 150 тысяч крестьянских дворов.

СИЛА «ЮНИОНА»

Выгоду кооперативов Зауральская деревня оценила мгновенно. Неартельный крестьянин получал от заводчика 25–35 копеек за пуд молока, а крестьяне-кооператоры, снабжавшие Союз, выручали по 60–90 копеек. В 1909 году «Сибирский листок» писал: «Теперь уже никто не говорит о нечистой силе сепаратора, Курганский район уже более не находится в руках частных предпринимателей, артельная форма производства привилась, пустила глубокие корни, выгоды ее совершенно ясны для крестьян».

К 1910 году кооперативное маслоделие настолько укрепилось, что почти вытеснило частные заводы, пишет в своей книге «Курганское купечество. Конец XVIII – начало XX века» историк и краевед А.М. Васильева. Потеснил Союз и заграничных экспортеров, приобретавших масло в Сибири. Балакшин присматривался к тому, чтобы вывести Союз напрямую к потребителям – в Европу. В 1910 году контора Союза по продаже масла была открыта в Берлине; отделение оказалось убыточным, но поиски европейских партнеров не прекратились. Компьюнтон был найден в Британии: в 1913 году Союз выступил соучредителем зарегистрированного в Лондоне Союза сибирских кооперативных товариществ с капиталом в 105 тысяч фунтов стерлингов (чуть более миллио-

«МЫ НЕ ПОНИМАЕМ ДРУГ ДРУГА»

Кем был этот человек? Сын не-богатого ялуторовского купца Николая Балакшина, подружившегося со ссылочными декабристами Иваном Пущиным и Иваном Якушкиным, Александр Николаевич Балакшин называл себя «христианским социалистом». Талант к коммерции соединился в нем с общественной жилкой, интересом к социальным и политическим вопросам, к природе и естественным наукам.

Александр Николаевич окончил Тобольскую классическую гимназию с серебряной медалью, поступил в Казанский университет, создал там студенческий этнографический «Сибирский кружок», но вскоре был исключен за обычную студенческую «историю» и сослан на год в родной Ялуторовск. Отбыв ссылку, Балакшин поступил в Петербургскую военно-медицинскую академию, но заболел и вернулся на родину. Высшее образование ему не удалось.

В Сибири он женился, начал работать конторщиком и вскоре вместе с другом – купцом Андреем Ванюковым – организовал картофелепаточный завод в деревне Логовушка, что под Курганом. Здесь он высаживал различные сорта картофеля на арендованных землях, занялся метеорологическими наблюдениями. В 1895 году в Кургане состоялась Сельскохозяйственная и кустарная выставка, которую посетил министр земледелия и государственных имуществ Алексей Ермолов; стенд Балакшина ему очень понравился, как и изложенная 50-летним предпринимателем идея организации Курганского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства. Из этого отдела и вырос впоследствии Союз сибирских маслодельных артелей.

Декабристская закалка чувствуется во всем, что делал Балакшин. Он активно работал во время 1-й Всероссийской переписи в 1897 году, а в 1905 году,

на рублей). Новое предприятие, Union of the Siberian Cooperative Associations Limited, которое в России называли «Юнионом», объявило своей целью «сбывать вырабатываемые кооперативными организациями России продукты сельского хозяйства в Западной Европе и в Великобритании, где общество имеет свои отделения и представителей». Союз оценивал качество масла на основе присланных артелями образцов, отправлял им авансы и брал комиссию за посредничество. Председателем правления новой структуры был Александр Николаевич Балакшин.

Александр Николаевич Балакшин (1844–1921)

Губернатор Н.М. Богданович, А.Н. Балакшин, А.А. Балакшин, Н.Л. Скалозубов, В.Ф. Сокульский в группе устроителей Сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки. Курган. 1895 год

Артельная
маслодельня
в Тюкалинском
уезде
Тобольской
губернии.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

после дарования политических свобод, решил создать партию «Народный трудовой союз» и баллотироваться в I Государственную думу. Вышло почти как со студенческой историей: уже напечатанные, но не распространенные возвзвания Балакшина «к крестьянам Зауралья» курганская полиция изъяла, проведя обыски в двух его домах и в домах двух его взрослых сыновей. Дело затянулось. Полтора года искали крамолу в таких пассажах: «Мы верим, что в русском народе теплится искра Божия... Он знает, что земля может быть только общим достоянием, что каждый трудящийся имеет на нее право и все одинаково должны пользоваться земными благами, помогая друг другу, и общими, соединенными усилиями жить как дружная семья... Россия считается великим государством. Покажем, что это величие не по пространству только, а в величии христианской души, которая вложена в нас Богом».

Балакшин был оправдан, судебные издержки отнесли на счет казны, но дело помешало ему баллотироваться в депутаты II и III Государственной думы. Больше он не возвращался к идеи политической, законодательной деятельности; тем более что в трудное для него время, в 1906 году, его оппоненты, молокоза-

водчики-частники, пошли в наступление.

Ему всегда бросали упрек в том, что им руководит личная выгода: он и сам был владелец маслодельного завода, входившего в кооперативную инфраструктуру Союза. Он отвечал оппонентам, что личный интерес – естественная и законная основа любой деятельности, и судить последнюю надо не по мотивам, а по результатам. Он искренне, без рисовки и народнической дури, желал блага сибирским крестьянам, понимая благо как просвещенность и экономическое процветание.

Курганская буржуазия терпеть его не могла – он и баллотировался хотел в Тарском уезде Тобольской губернии, где у него тоже был ценз; он прекрасно знал, что дома его «не изберут». А отношения с курганской интеллигенцией определил так: «Мы не понимаем друг друга».

Зато с крестьянами у него была полная гармония интересов. Именно для них он основал в 1906 году «Народную газету». Издание не только пропагандировало его точку зрения на развитие молочной отрасли в Сибири, но и публиковало отраслевые новости из Европы и России, программные статьи о кооперации, заметки о ветеринарии, племенном хо-

зяйстве, технологиях получения, хранения и переработки молока, очерки, стихи и рассказы. Немало было рекламы московских, петербургских, нижегородских и заграничных фирм, предлагавших свою продукцию – жатки, сепараторы, плуги, сеялки, журналы, газеты, книги и прочее. А главной темой было качество: о чем бы ни шла речь – о племенном животноводстве, ветеринарном деле, технологиях получения, хранения и переработки молока, в центре всех советов – забота о повышении культуры хозяйства и качества товарной продукции.

Балакшин, несомненно, знал, что русское масло в целом отстает, теряет позиции в мире, что кооператоры идут против неблагоприятного для них рыночного тренда: австралийцы и новозеландцы потеснили русское масло с главного, британского рынка. Так, по данным «Народной газеты», Россия в 1912 году поставила на британский рынок немногим более 2 миллионов пудов масла, а Австралия и Новая Зеландия в сумме – более 2,7 миллиона пудов.

Когда удалось дотянуть логистическую цепочку от Кургана до Сити, когда в Лондоне был зарегистрирован «Юнион», стало ясно, что место председателя правления нового общества – на Туманном Альбионе. В 1913 году Александр Николаевич сложил с себя полномочия директора Союза сибирских маслодельных артелей и вместе с женой переехал в Лондон. Может быть, 70-летний человек чувствовал, что его истомила вечная борьба со «средой»; может быть, он предчувствовал грядущие потрясения. Кто знает.

Сыновья Балакшина – Андрей, ставший директором Союза, и Сергей, инженер и владелец курганского турбинного завода, – остались на родине. В 1914 году Александр Николаевич навестил штаб-квартиру Союза, но вернулся в Лондон до того, как начался хаос Первой мировой.

БОИ ЗА МАСЛО

А вот масло застряло. В основном в Виндаве. В Балтике уже курсировал враждебный германский флот.

В первые два-три месяца после начала войны вывоз сибирского масла был практически прекращен. Обсуждалась срочная переброска портящегося товара через Архангельск. Чертили новый путь поставок: Вятка – Котлас – Архангельск, дальше морем. Был и другой вариант: из Новониколаевска (Новосибирска) по Оби до Карского моря, дальше по Северному морскому пути и по Темзе. Еще один: через Финляндию, Швецию и Норвегию. «Если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, то это значит, что болезнь неизлечима» – эта чеховская фраза как нельзя лучше подходила к ситуации, сложившейся в 1914 году. И в 1915-м тоже.

Масло не ждало новых логистических решений. Оно портилось, а привычные рынки занимали конкуренты.

Оставался только один выход: в 1915 году отрасль обратилась к внутреннему рынку. Правительственный заказ для нужд армии поддержал Союз: на передовую поехало «крепкосоленое масло», рассчитанное на долгое хранение. «Народная газета» утешала, что «торговать на внутреннем рынке – прибыльнее».

Да, затраты на оплату транспортных тарифов меньше, чем при экспортной торговле, но российский рынок никогда не был столь емким, как европейский. В 1915 году рост артелей-членов Союза прекратился. Многих профессиональных мастеров призвали в армию, что сделало еще проблематичнее повышение качества.

Но маслоделы духом не падали, ждали окончания войны и жаждали реванша.

Специалисты предлагали предпринять срочные меры по возвращению утраченных иностранных рынков: развитие сети складов-холодильников, повышение и стабилизацию качества масла и, главное, маркировку масла высокого качества. Сибирь

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Слушатели
курсов по
животноводству
в деревне
Сосновка
Камышевской
волости.
Январь 1914 года

Склад-
холодильник
Товарищества
«Унион»
(**Юнион**)
в Кургане

ское масло ведь так и не успело создать себе имя, бренд. Профессор Томского технологического института Александр Крылов, специализирующийся на холодильных установках, предсказывал, что «по окончании войны сибирское масло встретит совсем иную конъюнктуру, для себя более неблагоприятную». В первом полугодии 1914 года российские маслоделы контролировали уже лишь треть британского рынка: Россия поставила более 0,9 миллиона пудов, тогда как Австралия и Новая Зеландия – свыше 1,8 миллиона пудов. Первая мировая война поставила крест на глобальных амбициях отечественных маслоделов, притом что сибиряки боролись до последнего. И их массовость, кооперативный характер их организации давали им шанс.

В «Народной газете» за февраль 1915 года есть заметка о коллегах сибирских кооператоров. Она озаглавлена: «Деятельность мас-

лоэкспортного общества «Валю». Концерн Valio начался как центральное кооперативное общество, сосредоточившее «вывоз масла финляндских маслодельных артелей». В 1914 году количество артелей и оборот «Валю»росли. Вот для масла из Финляндии доставка через Швецию и Норвегию оказалась возможной...

История сибирских кооператоров-маслоделов после 1917 года в комментариях не нуждается. В 1918 году Союз сибирских маслодельных артелей поддержал Колчака, переехал в Омск – столицу Верховного правительства, а также ссудил колчаковскому правительству 1 миллион рублей. В ноябре 1918 года, во времена колчаковского правления, в Кургане сгорел уже упомянутый склад-холодильник «Юнион».

Одного масла погибло на 10 миллионов рублей. Когда в середине 1920-х Сибирь очнулась от Гражданской войны и военного коммунизма, все пришлось начинать с нуля. Гигантское дежавю: в январе 1924 года в Кургане состоялся съезд маслодельных мастеров. В феврале 1925-го – окружной съезд маслодельных и сыродельных артелей, товариществ и потребительских обществ; съезд «счел необходимым организацию в Кургане окружного Союза маслодельных артелей (Маслосоюза)», – сообщила газета «Красный Курган». В 1929 году Маслосоюз открыл в бывшем доме декабриста Михаила Нарышкина завод по переработке молока.

Артельщики снова пришли к декабристам – только совсем другие артельщики, и лишь на декабристское пепелище...

В Кургане и сейчас продается отличное свежее масло местных марок. Но в Лондоне его не найдешь. Зато там, на Хайгейтском кладбище, можно отыскать могилу Александра Николаевича Балакшина. Он умер в 1921 году и был похоронен неподалеку от Карла Маркса.

Идеи социалистов живы. Они ведь не масло, скоро не портятся. Впрочем, живо даже сибирское масло: как воспоминание, сон, легенда. Как мечта. ●

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НАУЧИЛСЯ ЛЕТАТЬ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ СМОЛЕНСК, ГОЛОДНАЯ ЯЛТА. ПОМОЩНИК ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО, ФОТОГРАФ В МИЛИЦИИ, СОТРУДНИК ПОЧТОВОГО ВЕДОМСТВА... ОТКУДА БЕРЕТСЯ В ТАКОЙ ЖИЗНИ ВОТ ЭТО: «ЕГО ЛЕВАЯ НОГА БЫЛА ИЗУРОДОВАНА ЗУБАМИ АКУЛЫ, ЕГО БОК ИЗОДРАЛА ЯКОРНАЯ ЦЕПЬ. ОН ИМЕЛ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ НЕБОЛЬШУЮ ЛАВКУ И ТОРГОВАЛ ЖЕМЧУГОМ, КОРАЛЛАМИ, РАКОВИНАМИ И МОРСКИМИ РЕДКОСТЯМИ»? ОТКУДА ВРЫВАЕТСЯ В ЭТУ ЖИЗНЬ СВЕРКАЮЩИЙ И ХОХОЧУЩИЙ МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ ВЕРХОМ НА ДЕЛЬФИНЕ?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СТРАННО, НО ИСТОРИЮ жизни фантаста Александра Беляева почти нечем иллюстрировать. Ни тебе поразительных событий, ни судьбоносных встреч с великими – рядовая, не героическая жизнь, по которой прокатил всей тяжестью XX век. Зато в книгах – какие миры, какие персонажи, какие краски!

Беляев был одним из людей того поколения – рожденного в 80–90-х годах XIX века, – которому русская культура начала XX столетия обязана своим взлетом. Поколения чеховских мальчиков, беглецов в Америку, подписчиков журнала «Вокруг света», читателей Майн Рида и Жюля Верна, фантазеров и мечтателей, с детства зачарованных морями, далекими странами, загадочными звездами.

Он родился 4, а по новому стилю 16 марта 1884 года в семье смоленского священника Романа Беляева. В семье было еще двое детей, старший мальчик и младшая девочка, но оба умерли. Младенца Александра принимали на свет, согласно семейной легенде, доктор Бриллиант и повитуха Клюкva; мальчик не закричал, и повитуха решила, что он немой.

Детство его прошло в доме с большим садом, который спускался по склону горы, – самое место играть и мечтать. Он и был мечтатель и фантазер, мать звала его Царевич-Непоседа. Он хорошо учился. Сам выучился играть на скрипке и рояле. Интересовался эсперанто. Рассказывал дочери, что нянька не велела ему, маленькому, сидеть нога на ногу – мол, нечего чертей качать. Он стал воображать, что на носке ноги у него сидит милый чертик, и, когда нянька уходила, специально качал ногой – пусть

покачается. Известно, как он прыгал с высоты с зонтом, как пытался полететь, привязав к рукам веники, как пугал няньку маленьким пляшущим скелетиком: купил небольшой гипсовый скелетик, заказал для него гробик, привязал к рукам-ногам нитки, и готов ходячий ужас. Известно, как вместе со своим другом представлял отрезанную говорящую голову – проделал в жестяном подносе дырку, в которую вставлялась голова, и сфотографировал ее, – некоторые исследователи провидят тут судьбоносный намек на голову профессора Доуэля. Какая-то из его детских шалостей закончилась серьезной травмой глаза.

Дети священников обычно продолжали дело своих отцов; так и Александр Беляев после школы поступил в духовную семинарию. Учился хорошо, окончил семинарию по первому разряду – круглым отличником. Но, как многие семинаристы его поколения, попавшие на учебу по сословной принадлежности, а не по зову сердца, вышел из стен альма-матер неверующим и не желающим ни монашества, ни пастырского служения. В год выпуска ему 17 лет; надо бы идти в духовную академию, а он поступил актером в театр Народного дома – какой резкий выраж судьбы для поповича! Один сезон отыграл в театре, контракт кончился, и его не продлили; надо решать, что делать дальше.

Ярославль.
Демидовский
юридический
лицей. Начало
XX века

БУДУЩИЙ ЮРИСТ

Семинаристам путь в университет был заказан, однако продолжить образование можно было в частном лицее; отличников-семинаристов туда брали по результатам вступительных экзаменов. Беляев поехал в Ярославль, сдал экзамены и поступил в Демидовский юридический лицей (в нем же раньше учился поэт Бальмонт). Курс обучения, рассчитанный на четыре года, он должен был окончить в 1906 году, однако, как выяснил биограф писателя Зеев Бар-Селла, в 1905 году из-за революционных событий и студенческих забастовок лицей временно прекратил работу. В декабре 1905 года Беляев успел даже побывать в революционной Москве: вспоминал, что принимал участие в строительстве баррикад. Сохранились свидетельства, что он играл в московском театре, но сколько, в каком, когда – неизвестно. В Москве он обычно бывал проездом из Смоленска в Ярославль и обратно. Весной 1905 года умер отец Беляева, и молодому человеку пришлось самостоятельно обеспечивать себя и мать; отец был бессребреник и никакого наследства не оставил. Пока занятий в лицее не было, Александр вернулся в Смоленск. Играли в театральном кружке, работал корреспондентом в газете «Смоленский вестник», принимал участие в литературных чтениях и диспутах, слушал публичные доклады и писал в газету за-

метки о них... Обычная жизнь провинциального интеллигента в маленьком городке. В автобиографии он заметил еще, что играл в оркестре гастролировавшего в Смоленске цирка Трутци. С 1906 года возобновились занятия в лицее; он вернулся к учебе и в 1909 году получил диплом юриста. Еще в студенчестве он успел жениться; о первой жене его известно только то, что ее звали Аня и что она ушла от него к другому. Супруги развелись, вину в измене Беляев взял на себя, чтобы Аня могла выйти замуж. Подруга Ани Вера Былинская стала адресатом писем Беляева в течение долгих следующих лет; возможно, была там и взаимная симпатия, а может, и любовь, – это нам неизвестно. Былинская вспоминала изобретательность Беляева, которого друзья звали Шура Ром: то он приносил на дружеские прогулки бумеранг и учил его запускать, то вытаскивал всю компанию на археологические раскопки... Любил фотографировать, хорошо играл на скрипке, рисовал, декламировал, – вспоминала Вера Былинская. После развода он вернулся к матери. Начал зарабатывать адвокатской практикой; первым его делом стала защита членов партии эсеров. Часть подсудимых посадили, часть оправдали, сам же адвокат попал под полицейский надзор по подозрению в связях с эсерами (в документах о полицейской слежке он проходит под кличкой Живой); у него прошел обыск,

Наталья
Федоровна
и Роман
Петрович
Беляевы,
родители
писателя

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр
Беляев
в любительском
спектакле.
Смоленск.
1904 год

правда, ничего предосудительного не нашли. Он вел в основном мелкие дела – кражи, изготовление фальшивых денег. Дочь его Светлана рассказывала, что он выиграл громкое дело о ритуальном убийстве, похожее на дело Бейлиса, но никакими историческими документами это не подтверждается. Он много работал, участвовал в литературных вечерах и спектаклях, писал в газету фельетоны и рецензии... и все время задумывался о чем-то большем. Вера Былинская вспоминала: «Работа не только не удовлетворяла его, но даже тяготила времена ми. Его влекло в искусство, в литературу, и он не верил в себя. Его мысли и мечты были всег-

Александр
Беляев
в городе Ярцево
в качестве
корреспондента
газеты
«Смоленский
вестник».
1914 год

да шире и смелее того, что он видел в окружающей жизни. В наших разговорах и спорах я всегда старалась заставить его поверить в свои возможности, но в ответ он горько говорил: «Нет, мне суждено остаться дилетантом, это ужасно...» Он подарил ей свой портрет с надписью «Человек, из которого ничего не вышло». Это давняя традиция называть так книги и фильмы, начиная, наверное, с «Человека, который смеется» и до сих пор, до «Человека, который плакал» и «Человека, который изменил все». Беляев тоже отдал дань этой традиции: в его творческом наследии есть «Человек, потерявший лицо» (после переработки он стал «Человеком, нашедшим свое лицо») и «Человек, который не спит». Сам он долгое время был уверен, что он так и останется человеком, из которого ничего не вышло. Вышел из него присяжный поверенный; жизнь шла по накатанной колее.

ПЕРЕЛОМ

Он снова женился. Про его вторую жену мы тоже почти ничего не знаем. Знаем, что ее звали Верочкой. Светлана Беляева рассказывала: Верочка «была единственной дочерью, избалованной и капризной. У них часто бывали семейные скандалы. Вернее, Верочка была вечно чем-то недовольна. Отец вспоминал, что, когда она начинала кричать, он спокойно напевал: «А я мальчик бедненький, бедненький, бедненький. Любить меня некому, некому, некому». Бар-Селла предполагает, что путешествие Беляева за границу ранней весной 1913 года было свадебным. Он побывал во Франции, Германии, Бельгии и Италии; впечатлений от этой поездки ему хватило надолго, чуть не на всю жизнь: действие его романов, за редким исключением, происходит за границей, всегда описанной в деталях, со знанием дела. Беляев пытался круто изменить свою жизнь. Он уже стал присяжным поверенным, как вдруг

решительно отошел от дел и целых полгода редактировал газету «Смоленский вестник», после чего так же неожиданно снова вернулся к юридической практике. В общем, неизвестно, чем бы кончились эти метания, если бы он не заболел плевритом. Врач, который делал ему пункцию, задел иглой позвоночник и занес инфекцию. У Беляева начался костный туберкулез – мучительная болезнь, от которой никакого лечения не существовало еще почти полвека.

Молодая жена сбежала от больного, по словам Светланы Беляевой, «сказав, что она не для того выходила замуж, чтобы ухаживать за больным мужем». Он снова остался один. Уехал из Смоленска на юг – сначала в Крым, потом в Ростов, где были хорошие врачи: в Европе уже бушевала война, и в Ростов эвакуировали сотрудников Варшавского университета.

Беляев печатался в газете «Приморский край»; именно там увидело свет его первое фантастическое произведение – рассказ «Берлин в 1925 году», жуткая картина механизированного, автоматизированного будущего, царства сплошной дисциплины, подчинения личности государственным интересам... «Германия – царица мира!» – провозглашают персонажи его антиутопии; на дворе – 1915 год. Впрочем, Беляев сам все портит, заставляя своего героя, как в детском сочинении, проснуться в finale и признать, что все это ему только приснилось; ход и сто лет назад избитый, свежим он был разве что во времена «Светланы» Жуковского. Таким же сюжетным ходом кончается и его святочный рассказ «Чаша гнева Господня», где малограмотные герои пытаются толковать Апокалипсис и находят в современности знаки конца света; в finale гремит страшный гром, но оказывается, что это взорвалась бутыль с квасом; при этом в рассказе почти точно предсказана дата окончания Первой мировой войны.

ГОЛОВА БЕЗ ТЕЛА

Болезнь его прогрессировала. С 1916 или 1917 года он снова в Ялте – лежит, сначала парализованный, потом выздоравливающий: врачами предписан полный покой. Он сам рассказывал об этом времени так: «Могу сообщить, что «Голова профессора Доуэля» – произведение в значительной степени... автобиографическое. Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать. Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни «головы без тела», которого я совершенно не чувствовал: полная анестезия. Вот когда я передумал и перечувствовал все, что может испытать «голова без тела». В Ялте с ним были мать и няня. Он пытался не сдаваться. Что может голова без тела? Думать, читать, поглощать информацию, всем интересоваться. Февральская революция, затем Октябрьская, затем Гражданская война – все это время он лежал еле живой. Из писем его известно, что парализован он был три месяца, но пролежать пришлось три года; лежачий больной в самое трудное время русской истории – не самая завидная участь, но относительно безопасная, пока нет дефицита продовольствия.

Он начал вставать, когда в Ялте были деникинцы; стал искать работу, печатался в местной газете. По его статьям видно, что он не особенно приветствовал Советскую власть – более того, не ждал от нее ничего хорошего: в одной из статей он говорит об «искусственном отборе» при большевизме – отрицательной селекции, при которой в нации гибнет все хорошее и выживаеет все худшее. Он снова стал увлекаться театральными постановками, и в процессе подготовки какого-то спектакля познакомился с Маргаритой Магнушевской, которая потом стала его женой. Но до того случилось много тяжелых и страшных событий. Деникинцы оставили Ялту. Эта жуткая, стремительная эваку-

сульт», – сообщал он в письме Вере Былинской. В угрозыске он тоже долго не продержался, перешел на работу в городскую библиотеку, а там уже задумался перебраться куда-то дальше – в Харьков, в Москву, – куда-нибудь в большой город, где никто не помнит антибольшевистских выступлений в печати, где можно все начать заново...

КРАСНАЯ ФАНТАСТИКА

Случайно встреченная смоленская знакомая помогла ему переехать в Москву. Столица, голодная, холодная, наполовину вымершая, притягивала к себе людей со всей страны: здесь они надеялись найти жилье, работу, возможность зарабатывать и выживать. Москва 1922 года – фантастическое сбоприще оборванных, плохо одетых, мерзнувших в осенних пальто и прохудившихся ботинках людей; мешочники и самогонщики, рынки с натураобменом и советские учреждения с самыми фантастическими названиями, задачами и полномочиями. Беляеву повезло: в его распоряжении оказалась целая комната, он устроился на работу юрисконсультом в почтовое ведомство – Наркомпочтель, стал сотрудничать в ведомственном журнале «Жизнь связи». Сначала это была обычная редакционная работа, а с 1924 года он начал публиковать художественную прозу – рассказы о почте, прямо по профилю журнала. Пытался заглянуть в будущее – какой будет почта? Выпустил он и две книжки: одну – о работе почты за рубежом, вторую – справочник для почтальона, прежде всего по юридическим вопросам.

Коммунальные склоки, переезд, рождение дочери – обычная советская жизнь. Но громкая слава советского Жюля Верна уже ждала его за поворотом времени. 1925 год был странный год: в этом году чуть не все русские писатели начали писать авантюрные и фантастические романы. Наверное, потому, что к этому времени вполне расцвели частные книгоиздательства, которые стали выпускать много переводной литературы. И стало понятно, что

ация, давка у кораблей, брошенные лошади – все это много раз описано в русской литературе. Наступило голодное и страшное время. Мать Беляева умерла от голода, скоро умерла и няня, сам он тоже едва не умер; в письме рассказывал, что, пока лежал в больнице, несколько «составов» голодных больных умерло на его глазах. Наконец – избавление: «Летом мне удалось попасть в Гаспру, в дом отдыха для ученых и писателей. Там мне сделали хороший целлюлоидный корсет, я встал и уже служу. Вначале я взял место заведующего школой-колонией в Жемис-Су (7 в. от Ялты), но сквернейшие условия, клопы, плохое питание и пр. заставили меня пешком сбежать в Ялту чрез неделю». В Ялту он шел вместе с Маргаритой, которая несла его вещи; время от времени ложился на траву, приходил в себя, вставал и шел дальше.

В Ялте он поселился у Магнушевских. Брат Маргариты устроил его в канцелярию угрозыска. Беляев оборудовал там фотолабораторию, делал фотографии преступников. «Я же лектор, читающий курсы по уголовному и административному праву, и «приватный» юрискон-

ПРЕДОСТАВЛЕНО МОЛОТАРЕВЫМ

Рассказ
А.Р. Беляева
«Чертова
мельница»
из серии научно-
фантастических
рассказов
«Изобретения
профессора
Вагнера»,
опубликованный
в журнале
«Всемирный
следопыт»
(№9 1929)

читающая публика предпочитает острые сюжеты. Лучшие тиражи были у «Тарзана» Берроуза, книг Джека Лондона и О'Генри, прекрасно продавался дореволюционный «Нат Пинкертон» – так что издательства стали ставить авторам задачу создать «Красного Пинкертона». И авантюрные, фантастические, детективные романы посыпались как из рога изобилия. Первой ласточкой пролетела «Аэлита», за ней десятки и сотни историй о шпионах, английских лордах, роковых красавицах, аэропланах, таинственных островах и смертельном оружии, которое изобрел великий ученый, а злые капиталисты желают прибрать к рукам. В finale полагалась мировая революция. «Коммунистическая пинкертоновщина» обречена была стать гибридным, заведомо халтурным продуктом и практически сразу приняла клишированную форму соединения ограниченного набора штампов западной приключенческой, прежде всего экзотической, и научно-фантастической беллетристики и плохо мотивированной финальной победы революции», – пишет о типичной продукции середины 20-х исследователь Мария Маликова.

Беляев со своим искренним интересом к достижениям науки, с привычкой вдумываться и вглядываться, со своим трагическим опытом одинокого неподвижного лежания «без тела» оказался на голову выше летиона отчаявшихся попутчиков, взявшись за авантюрные романы в надежде на заработок. «Голова профессора Доуэля», которая в 1925 году печаталась в журнале «Всемирный следопыт», завораживала своим тихим ужасом: и это не только говорящая голова, но и врезающаяся в память тоскливая мелодия, которой сводят с ума мадемузель Лоран: «Виолончель сменялась скрипкой, скрипка – рыдающим человеческим голосом... Тоскливо звучала одна нота в аккомпанементе», и так по кругу, бесконечно... Отчего-то это западает в память на всю жизнь, помнится с самого детства: эта музыка, эти траурные клумбы, этот отверну-

Титульный лист первого издания романа А.Р. Беляева, «Борьба в эфире». 1928 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тый кран, шипение воздуха, голос головы: «Благодарю вас...»

О том, как пристально Беляев следил за опытами ученых, которые экспериментировали над пересадкой тканей и органов, написаны сотни страниц; чуть не столько же написано о пристрастии писателя к дешевым внешним эффектам. Истина, как всегда, посередине: точно отмерив и научной достоверности, и храброго вымысла, и блескучей эффектности, Беляев создал классический фантастический текст – и открывающий новые горизонты науки, и завораживающий тревожной, сумрачной атмосферой, и захватывающий своей интригой. Источники беляевских текстов – самые разные: он много читал, прочитанное преломлялось в его сознании, но всякий раз на свет появлялись причудливые и яркие тексты, в которых выстраивается убедительный, достоверный мир – будь то таинственный сумрак «Головы профессора Доуэля» или солнце и море «Человека-амфибии». Говорят ли он об индийских джунглях или лабораториях орбитальной станции, о жрецах и рабах Атлантиды или кораблях, застрявших в Саргассовом море, описывает ли арсенал гормональных средств доктора Цорна в «Человеке, потерявшем лицо» или драгоценные камни раджи в «Ариэле» – он всегда безошибочно выбирает средства, заставляющие читателя закопаться в кни-

гу так, что за уши не отянешь: вот только начни читать с любого места – и обнаружишь себя в три часа ночи с раскрытым книгой – как в детстве, с фонариком под одеялом...

Беляев очень непрост. Его источники – научные исследования, проза, философия; он включен в контекст поисков эпохи, он ищет то же, чего ищут другие – писатели, ученые, философы: что может человек и чего не может? Где граница его поисков? Что можно и чего нельзя? Один из беляевских героев, профессор Вагнер, носит имя ученика доктора Фауста – случайно или нарочно? Профессор, кстати, большой циник, а истории о нем носят подчеркнуто иронический характер.

СИЛОЙ МЫСЛИ

За 1925–1926 годы Беляев написал восемь повестей и рассказов; наверное, это самый плодотворный период в его жизни, расцвел его дарования. Одно произведение, «Радиополис», было написано по заказу Наркомата почт и телеграфа и опубликовано в ведомственном журнале «Жизнь и техника связи» – утопическая история о городе, где наука и техника решают все проблемы, – потом это стал роман «Борьба в эфире».

А в 1928 году вышел в свет «Человек-амфибия», который с тех пор переиздавался бесконечное количество раз и до сих пор пользуется бесконечной любовью – его постоянно называют в числе любимых книг современные подростки. Редкая книга может похвальиться такой стабильной любовью этой каприной, мало-читающей аудитории.

С 1928 года Беляев с семьей жил в Ленинграде и занимался литературой: в это время был написан «Властелин мира». Некоторое время Беляеву пришлось прожить в Киеве из-за обострения туберкулеза: климат мягче, чем в Ленинграде. Там семью постигла трагедия: умерла от менингита маленькая дочь, шестилетняя Людмила. Вторая дочь, Светлана, тоже заболела, у самого Беляева обострилась болезнь позвоноч-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гуттиэр (Анастасия Вертинская) и Ихтиандр (Владимир Коренев). Кадр из фильма «Человек-амфибия». «Ленфильм». 1961 год

ника; кроме того, на Украине стало голодно. В 1931 году Беляевы вернулись в Ленинград. А в 1932 году – непонятно почему – Александр Романович уехал в Мурманск. Искал ли чего, спасался от чего – сейчас не объяснить. Там он продержался полгода – писал в заводские многотиражки, затем вернулся в Ленинград, где стал работать в журнале «Вокруг света». В 1934 году виделся с Гербертом Уэллсом, который приехал в Советский Союз, – представляя на встрече советских литераторов. Работа в «Вокруг света» свела Беляева с Константином Циолковским, который откликнулся на одну из публикаций Беляева в журнале дружелобным и заинтересованным письмом; отсюда началось их недолгое знакомство. Циолковскому нравились повести Беляева – он находил их и занимательными, и достаточно научными; Беляев был зачарован и ошеломлен размахом идей калужского ученого. Через полгода после смерти Циолковского, в 1936 году, Беляев издал «Звезду Кэц» – роман, основанный на идеях ученого, рассказывающий о мире, где все его изобретения воплощены в жизнь: стратопланы, дирижабли, поезд на воздушной подушке, солнечные двигатели и извлечение энергии из волн прибоя... Это деловитый, светлый и очень обаятельный мир, который сначала кажется загадочным и странным, а потом поворачивается к герою

и читателю серьезным и радостным лицом.

В последние годы Беляев много болел и мало печатался. Может, и к лучшему: ленинградская литература переживала не лучшие времена. Репрессии коснулись и маршаковской редакции «Детиздата», где Беляев печатался. Его эта машина не задела – он был дома, снова лежал, снова больной. Перед самой войной его прооперировали – удалили камни в мочевом пузыре; он не вставал, поэтому с началом войны в эвакуацию не поехал. Пушкин, где он жил с семьей, был скоро оккупирован, столб под его окном превращен в виселицу. Душевное состояние писателя было ужасно: сохранились свидетельства, как он спорил с профессором Черновым, кто скорее умрет. Оба умерли скоро и почти одновременно – не пережили даже начала первой голодной зимы. Замерз от голода, написала о Беляеве в дневнике одна жительница Пушкина: это такое состояние, когда от голода так слабеешь, что нет сил растопить печь, укрыться...

Даже похоронить его оказалось трудно: трудно достать гроб, трудно отвезти на кладбище, трудно закопать – земля промерзла... Покойный несколько дней пролежал в пустой соседней квартире; кто-то раздел его, труп пришлось завернуть в одеяло.

На кладбище покойников складывали во временные склепы, потому что продолбить землю

не было никакой возможности. Жена очень просила, чтобы хоронили Беляева не в общей могиле – он знаменитый писатель... Но хоронили уже без нее: и она, и дочь Светлана уехали в Германию как этнические немки – бабушка в этой семье была шведка, по паспорту записанная немкой, немкой числилась и Маргарита. За этот отъезд в Германию вдове и дочери писателя пришлось потом расплачиваться годами ссылки в Барнауле, книги Беляева почти не печатались до самой «оттепели». А Беляева так и похоронили в общей могиле, и никаких ее следов возвратившиеся в Ленинград жена и дочь не нашли. Беляев вернулся к читателю – сначала двухтомником в 1956 году, а потом лавиной переизданий. И до сих пор изумляет читателя безудержностью мысли – стремлением и плавать с рыбами, и летать с птицами, и управлять здоровьем, погодой, урожаем; перемещаться стремительно, видеть под землей и за облаками, побеждать и непогоду, и болезнь, и ход истории, и смерть. Только из такой большой мечты и родятся открытия, только так и получился современный мир, полный гаджетов, о которых Беляев и его современники только мечтать могли.

Но в этом, кажется, и отличие, что они могли мечтать. Что лежа в голодной Ялте, в гипсовом корсете – они могли глядеть сквозь время, рушить цивилизации и строить космические корабли силой мысли, провидеть будущее, летать под звездами и с веселым хохотом кататься на ручных дельфинах. А мы сидим, уткнувшись в вымечтанные ими гаджеты, и жалуемся на валютные курсы.

Может, когда (если?) наше поколение научится ставить огромные цели, мечтать по-крупному и задумываться о великом – тогда получится и что-нибудь поскромнее – ездящие автомобили, устойчивая экономика, работающие законы – в общем, что намечаем себе, то и будет. ●

ЗАБЫТЫЙ СОБЕСЕДНИК

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

«ТОТ САМЫЙ «КОСТЕР»? ОН ЕЩЕ ЖИВ?» – ИМЕННО ТАК РЕАГИРУЕТ БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ, КОГДА УЗНАЮТ, ЧТО ДЕТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ, КОТОРЫЙ ЧИТАЛИ ШКОЛЬНИКИ ВО ВСЕМ СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ, ВСЕ ЕЩЕ ВЫХОДИТ В СВЕТ. ПРАВДА, МИЛЛИОННЫЕ ТИРАЖИ ДАВНО В ПРОШЛОМ: УЖЕ МНОГО ЛЕТ «КОСТЕР» БАЛАНСИРУЕТ НА ГРАНИ ВЫЖИВАНИЯ. ПО СУТИ, ЖУРНАЛ СОВЕРШАЕТ НЕВОЗМОЖНОЕ: ВЫЖИВАЕТ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ, НЕ ИЗМЕНЯЯ ПРИ ЭТОМ СВОИМ ТРАДИЦИЯМ. И УПОРНО ПРОДОЛЖАЕТ «ГОРЕТЬ».

РАНЬШЕ РЕДАКЦИЯ журнала «Костер» занимала весь первый этаж в здании на Мытнинской улице, в самом центре Санкт-Петербурга. Но сейчас в ее распоряжении остались всего три комнаты. «Нас уплотнили», – объясняет главный редактор «Костра» Николай Борисович Харлампиев. Помещения редакции скромные, современной

офисной обстановкой не блещут. Здесь царят 80-е годы прошлого века: стеллажи с книгами и подшивками журнала, стены увешаны плакатами. На столе одной из сотрудниц – пишущая машинка. «Не пугайтесь, она тут для антуража стоит, – смеется Николай Борисович. – Кое-кто хоть и поговаривает, что мы живем прошлым, но на компьютеры все-таки давно перешли!»

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА МАРШАКА

В своем кабинете редактор усаживает нас на уютный старый диван, который, оказывается, путешествует с редакцией «Костра» по разным адресам уже 75 лет. А принадлежал он еще первому главному редактору журнала – Самуилу Яковлевичу Маршаку. «Это наша реликвия, ведь на этом диване сидел Маршак! – улыбается Николай Борисович. – Он был первым главным редактором нового пионерского журнала, появившегося в 1936 году. К тому времени уже существовали журналы «Пионер» и «Мурзилка». Но «Костер» должен был быть иным. Мысль о его создании высказал Максим Горький – он предложил издавать журнал, где наравне со взрослыми писателями, учеными и журналистами публиковались бы и сами школьники».

Новорожденному «Костру» невероятно повезло, что он появился на свет именно в Ленинграде, а роль его создателя

Редакцию «Костра» на Мытнинской улице знал не только весь Ленинград, но и весь Советский Союз

Главный редактор «Костра» Николай Борисович Харлампиев

взял на себя Самуил Маршак. Его сравнивали с солнцем, вокруг которого вращались «планеты» – самые талантливые, одаренные и веселые литераторы. В литературной Солнечной системе Маршака «крутились» Евгений Шварц, Леонид Пантелеев, Даниил Хармс, Корней Чуковский, Виталий Бианки... Вениамин Каверин принес в «Костер» первые главы «Двух капитанов», Николай Заболоцкий сделал адаптированный для детей перевод «Тилья Уленшпигеля». «Весь цвет советской детской литературы публиковался в «Костре», который, в отличие от политически выверенного «Пионера», считался чуть более вольнолюбивым, по меркам того времени – либеральным, – рассказывает Николай Харлампиев. – Для многих советских писателей «Костер» стал своего рода отдушиной, например для Заболоцкого и Зощенко, которые были слишком самостоятельны в своих суждениях и не до конца вписывались в советские рамки. Переводы и детская пресса – вот места, куда можно было «скрыться» от давления советских властей».

Сейчас страницы блокадных выпусков журнала стали достоянием истории и выставляются в библиотеках

Когда-то «Костер» помог Иосифу Бродскому опубликовать «Балладу о маленьком буксире»

ГОВОРИТ «КОСТЕР»!

Когда началась Великая Отечественная война, «Костер» остался единственным детским журналом, который продолжал выходить в осажденном Ленинграде. В редакции тогда осталось всего три человека: технический редактор, курьер и Наталья Владимировна Теребинская, ответственный секретарь и заместитель главного редактора.

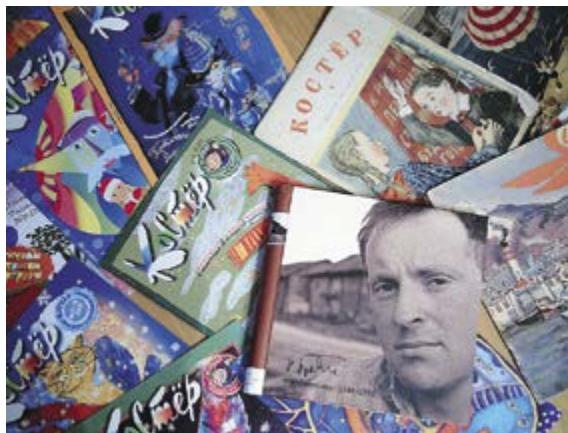
«В самые трудные месяцы блокады не было бумаги и электротендерии, типографии не могли печатать, – рассказывает Николай Харлампиев. – Стали думать, что же делать. Наталья Владимировна сама на саночках везла рукописи на Итальянскую улицу в Дом Радио. Делали устные выпуски «Костра» на радио – тексты в эфире читали артисты, приглашали даже детей. «Внимание! Говорит Ленинград. В эфире выпуск журнала «Костер». Конечно, были проблемы с авторами – почти все ушли на фронт, многие погибли. Наталья Владимировна писала письма, просила коллег откликнуться. Многие присыпали письма прямо с передовой. У нас сохранились военные выпуски, они, конечно, специфические – брали интервью у моряков, командиров подлодок, у зенитчиков, у тех, кто гасил «зажигалки». В журнале давались советы, что может сделать подросток во время войны: как укрыться от снаряда, как распознать диверсанта, как сажать картошку и морковку весной. Были карикатуры: «О том, как солдат со свастикой занимался гимнастикой», «Как немецкий

генерал поросенка отбирал». Кацаев приспал антифашистскую сказку о Маше и Мите».

После героической страницы в истории журнала «Костер» наступила драматическая: в 1946 году в июльском номере редакция разместила портрет своего постоянного автора Михаила Зощенко с пожеланием творческих успехов, а в августе вышло печально известное постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», после которого начались гонения на Зощенко и Ахматову. «В результате без вынесения каких-то постановлений седьмой номер журнала «Костер» был отправлен под нож, – говорит Николай Харлампиев. – А в начале 1947 года журнал закрыли. Только в 1956 году был возобновлен его выход по инициативе ленинградских писателей».

КАК ДОВЛАТОВ ЧАЙНИК РАЗБИЛ

...За стеклом шкафа в кабинете главного редактора «Костра» помимо почетных грамот, призов, кубков стоит и фарфоровый чайник. Этот чайник – тоже реликвия, как и диван Маршака. «В 70-е годы, когда «Костер» выходил миллионным тиражом по всему Советскому Союзу, сотрудник «Костра» Лев Лосев привел в журнал своего друга Иосифа Бродского, – рассказывает Николай Харлампиев. – У того тогда были трудные времена, «Костер» ему помогал, публиковал его детские стихи и переводы, отправлял в творческие командировки. В 1962 году впервые опубликовал «Балладу о маленьком буксире». А чайник, который мы бережно храним до сих пор, купил в редакцию Сергей Довлатов. Он одно время тоже работал в «Костре», о чем даже есть целая глава в его повести «Ремесло». Правда, в «Ремесле» он ни о ком ничего хорошего не написал, хотя подметил много смешного. История появления чайника такова: Довлатов стал заваривать себе чай и разбил чайник. Писатель, будучи джентльменом, ку-

пил в редакцию новый чайник, из которого мы пьем чай уже более тридцати лет.

Поздние советские годы были расцветом «Костра». Под его эгидой проводились всесоюзные семинары для молодых детских писателей. Олимпийский чемпион по прыжкам в высоту Юрий Тармак вел клуб «Кузнец-ник», на страницах журнала давал советы юным спортсменам, а потом они съезжались в Ленинград и тренировались в зимнем манеже... Школьники со всей страны и даже из-за рубежа участвовали в операции «Чудо-дерево» – читатели «Костра» обменивались семенами реликтовых растений по почте. Курировал эту операцию Ботанический институт, в редакции был целый фонд семян. Ботаники переписывались с детьми, консультировали, что и где может вырасти, а что нет. Семена из Армении шли в Ленинград, из Ленинграда – во Владивосток, Болгарию, Германию.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Хорошая жизнь закончилась с распадом Советского Союза. Тираж журнала стал падать с головокружительной скоростью.

«Когда мы оформляли «развод» с нашими учредителями – ЦК ВЛКСМ, то оказалось, что мы были неплохой статьей дохода для комсомольской организации, – рассказывает Николай Харлампиев. – Журнал стоил всего 30 копеек, но ведь наш тираж – 1 миллион 350 тысяч экземпляров! Однако появились новые границы, каждый год отрезавшие нам сотни тысяч подписчиков – Казахстан, Прибалтика, Молдавия... Это были ужасные годы. Одни детские издания закрывались буквально на глазах. Другие менялись не в лучшую сторону. Модно стало писать про «опасный возраст», про ранние связи, про боевые искусства. Мы сразу решили, что не будем себе изменять – по-прежнему останемся приверженцами традиционных ценностей, хорошей литературы, бережного отношения к психике ребенка.

За 75 лет существования «Костер» переживал и взлеты, и падения. Но одно оставалось неизменным – журнал всегда собирал вокруг себя талантливых людей

На столах сотрудников до сих пор стоят пишущие машинки, но теперь только для красоты

Мы пытались защитить наших читателей от потребительства, цинизма, невежества – всего того, что буквально хлынуло в Россию в 90-е годы. Как мы выжили? Исключительно с божьей помощью. Мы сдавали номина, мы обращались к читателям с просьбой понять нас, потому что подписка есть – а денег нет. С типографией надо было договариваться, плохая бумага, изнурительная и унизительная ежедневная борьба за выживание. Наше счастье – это наши читатели. И, конечно, наши авторы, святые люди, которые не разбежались, хотя мы не могли им выплачивать гонорары. Набор, сплотились, не бросили «Костер». Тогда было время, ког-

да государству не только детские журналы – сами дети были не нужны. Родители тоже были в такой ситуации: ребенок съят, одет, обут, а вот думать, что он там читает и читает ли вообще – сил уже нет. Довольно много лет мы еле держались на плаву, рискуя закрыться. В начале 2000-х годов мы поняли, что в одиночку нам не выжить, и объединились в Ассоциацию детской прессы с теми петербургскими изданиями, которые еще продолжали бороться, как и мы, – «Пять углов», «Автобус», «Чиж и Ёж», «Я Леонардо», «На стороне подростка» и другими. Это сильно нам помогло – о нас вспомнили, наш объединенный голос услышали власти. Мы подавали заявки и выигрывали гранты, появилась возможность давать иногда социальную рекламу, чтобы напомнить о себе людям. В прошлом месяце по городу висели плакаты нашей ассоциации со слоганом: «Чтение – классное увлечение». Это принесло свои плоды – про нас узнали, а кто-то вспомнил журнал своего детства. Что удивительно – в редакцию частенько приходят мигранты из Узбекистана или Азербайджана и покупают журнал для своих детей».

ЖУРНАЛ – ТРОПИНКА К КНИЖКЕ

Объединение в ассоциацию дало шанс журналам появиться на прилавках газетных киосков. Но радость была недолгой – многим изданиям быстро пришлось оттуда уйти. «Наши журналы с точки зрения коммерции не очень выгодны продавцам, – объясняет Николай Харлампиев. – Гораздо бойче покупаются яркие развлекательные «Барби», «Трансформеры» с подарочками внутри. Поэтому наши издания на прилавки не выкладывают, соответственно, их никто не покупает. Сейчас наш тираж – 4 тысячи экземпляров, в основном «Костер» распространяется по подписке. Иногда на книжной ярмарке подходят к нашему стенду родители с детьми, листают журналы, спрашивают, где его можно купить. И непонимающие смотрят на нас при слове «подписка». Это утраченное для многих понятие – можно купить в киоске, можно скачать из Сети, но подписаться по почте?! У нас есть одна замечательная мама: она покупает журнал, кладет его в конверт, надписывает адрес и фамилию своего сына и бросает в почтовый ящик. А потом про-

сит сына проверить почту. Когда он достает из ящика толстый конверт, адресованный лично ему, он вырастает в собственных глазах, осознает свою значимость: «Мой журнал пришел!» Это тоже важно».

В «Костре», как и прежде, публикуются сами школьники, для многих из них собственная фамилия в печатном издании – это строчка в будущем портфолио, которое дети начинают собирать уже в средней школе, предмет гордости и признания. «Очень популярен конкурс «Соавторы», где дети продолжают фразу или дописывают рассказ какого-нибудь классика – от Достоевского до Успенского», – говорит Николай Харлампиев.

За прошедшие годы редактор «Костра» не раз слышал упреки и в свой адрес, и в адрес журнала – мол, вы не хотите меняться, подстраиваться под современных школьников, выходить в Интернет, в социальные сети, от журнала давно пахнет нафтalinом. И в своем «плачевном» состоянии виноват прежде всего сам журнал. «Я согласен, сейчас очень многое зависит от нас самих, – говорит главный редактор «Костра». – Государственная поддержка есть, но никто ее нам

Николай Харлампиев: «Мамы говорят нам, что не боятся оставить своего ребенка наедине с «Костром»

не «навязывает». Конечно, мы хотели бы, чтобы к нам пришли и сказали: «Спасибо вам, что сохранили журнал, теперь мы будем вам помогать». Но этого не бывает. Мы придумываем разные проекты, подаем заявки на гранты, на социальную рекламу. Успех зависит от настойчивости и деловой хватки каждой конкретной редакции. Я, например, дилетант в этом вопросе, мне не хватает наглости. Да, мы не идем на поводу у моды. Но за последние несколько лет произошел ренессанс детской литературы, появилось очень много молодых 30-летних авторов, пишущих про своих детей. Пишут талантливо и современно!

У нас есть сайт в Интернете, в планах – развитие в соцсетях. Но мы не ставим перед собой задачу оглушить ребенка обилием информации. Наша задача – быть союзником, давать ощущение значимости. Мы не можем состязаться с Интернетом в оперативности и интерактивности. Но наше преимущество – спокойный разговор с человеческими интонациями. Сейчас любят говорить про клиповое сознание и про то, что ребенок не может долго удерживать внимание на чем-то одном. Книга своим объемом может отпугнуть. А в журнале несколько глав, есть рубрики, есть стихи, он соразмерен ребенку, это такая тропинка к книжке. Журнал – не очень обременительное занятие, но если ты начал читать, вчитался, погрузился, то ты уже почувствовал этот вкус, эту магию чтения, которую ничто не заменит. Ведь личность формируется благодаря внутренней работе. Поэтому в детстве чрезвычайно важно насыщать ум и сердце переживаниями и мыслями на самые разные темы. Важно, чтобы рядом был вот такой собеседник, проверенный временем, следующий заветам и традициям, заложенным замечательными детскими писателями, с бережным, внимательным и ответственным отношением к ребенку. В нашем читателе мы видим будущего взрослого».

ОБНАЖЕННЫЕ ДУШИ

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЭТОТ МУЗЕЙ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ЯРКИХ ВЫВЕСКАХ, НЕТ НИКАКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ И В УПОМИНАНИЯХ В ПУТЕВОДИТЕЛЯХ И СПРАВОЧНИКАХ. ЕГО ЭКСПОЗИЦИЯ ЖДЕТ БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ПСИХИАТРИИ И ПСИХОЛОГИИ И ТЕХ, У КОГО «ОБНАЖЕННАЯ ДУША», КАК ГОВОРЯТ СОТРУДНИКИ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ О СВОИХ ПАЦИЕНТАХ.

ЕДВА ЛИ В РОССИИ есть психиатрическая больница известнее, чем та, что находится на знаменитой Канатчиковой даче в Москве. За более чем столетнюю историю о ней сложилось немало легенд, анекдотов и баек, а само имя «Кашенко» стало нарицательным: сейчас так нередко называют как сами психиатрические клиники, так и людей с психическими отклонениями.

Так вот, у больницы есть свой музей. Смирительные рубашки всевозможных форм и размеров,

медицинские приборы, скорее напоминающие орудия пыток, и прочие скелеты в шкафах – это, к счастью, не про него. Вместо всего этого здесь большей частью представлены документы, например фотографии из архивов известных людей, увесистые книжки историй болезней, труды по медицине, есть и вещи, созданные руками пациентов. А на редкость приятные в общении хранители музея во время экскурсий развенчивают укоренившиеся в сознании мифы, рассказывая подлинную историю этого интересного места.

ЛЕЧИТЬ, НЕЛЬЗЯ ИЗОЛИРОВАТЬ

И все-таки совсем без «страшилок» не обходится. Первое, что показывают посетителям, – это стенд с картинками, на которых изображено, как «лечили» психически нездоровых людей в Европе столетия назад. Едва ли такое отношение можно было назвать гуманным: в лучшем случае больных цеплями приковывали к примитивным койкам, раскручивали во все стороны, считая это единственным методом лечения, выливали на голову ведра ледяной воды, при этом показывая действие за плату обывателям, совсем как в зоопарке. А в худшем их ждало безжалостное преследование инквизиции...

В России, оказывается, лечение было принципиально другим. Уже во времена князя Владимира больные могли найти приют в монастырях, где они получали кров, пищу и посильную работу. Впервые о том, что людьми с психическими заболеваниями должны заниматься профессионально подготовленные врачи, заговорил Петр III, но первые «долггаузы» (в переводе

с немецкого «дома сумасшедших». – Прим. авт.) в стране появляются после его смерти.

Первая психиатрическая больница в Москве появилась в 1808 году. Тогда она была известна как «Преображенский долглаз», а сегодня – как больница №3 имени В.А. Гиляровского, что на Матросской Тишине. Клиника была рассчитана немногим более чем на 300 коек и очень быстро переполнилась. Уже в конце XIX века врачи осознали необходимость в строительстве еще одной больницы. В те годы московским головой был купец первой гильдии Николай Александрович Алексеев, оставшийся в памяти горожан как один из самых деятельных и энергичных людей, когда-либо занимавших этот пост. Представитель семьи богатейших золотопромышленников, получивший великолепное домашнее образование, смог превратить Москву в настоящий европейский город.

Алексеев занимал пост городского головы всего лишь восемь лет – с 1885 по 1893 год, – однако этого ему хватило, чтобы навсегда остаться в истории. К примеру, до него огромная и по тогдашним меркам Москва была буквально усеяна зловон-

ными выгребными ямами, а домашний скот забивали прямо на улице. Алексеев распорядился построить водопровод и канализацию, насосные станции, позволяющие жителям каждого дома пользоваться новым благом. Все скотобойни были вынесены за черту города и сконцентрированы в Калитниках, где ныне расположен известный Микояновский комбинат.

В эти же годы он построил здание городской думы на Воскресенской площади (ныне – Музей В.И. Ленина, филиал Государственного Исторического музея); перешла в собственность города Третьяковская галерея; приведен в достойный вид Александровский сад. В 1886 году Алексеев закрывает ветхие Верхние торговые ряды на Красной площади и возводит новые – прототип сегодняшнего ГУМа. Последнее, впрочем, вызвало неоднозначную реакцию москвичей. Даже двоюродный брат московского головы, великий русский режиссер Константин Станиславский, отмечал, что «бедного Колю Алексеева ругают по Москве за ряды», хотя сегодня любой турист считает обязательным заглянуть в легендарный универмаг.

В музее хранятся
уникальные
старинные книги

НИ РУБЛЯ КАЗЕННЫХ ДЕНЕГ

Что интересно, деньги для строительства объектов голова не выпрашивал в Петербурге, sharpкая ножкой перед властями предержащими. Алексеев брал займы, привлекал богатых меценатов, да и от собственного оклада отказался, предпочитая полностью отдавать его на нужды Москвы.

Именно к Алексееву в 1887 году и обратились ученые из Московского университета Алексей Яковлевич Кожевников и Сергей Сергеевич Корсаков, а также врач Преображенской психиатрической клиники Виктор Романович Буцке с просьбой посодействовать в открытии еще одной больницы. Николай Александрович проникся этой идеей, однако, конечно, ему снова требовались огромные средства, даже купцу первой гильдии в одиночку невозможно было собрать столько денег. Алексеев продаёт свои дома и дачу на Арбате и в Петровском парке, берет немалые кредиты, привлекает других меценатов. В одной из витрин музея и на мемориале на территории больницы можно видеть имена тех, кто хоть сколько-нибудь пожертвовал на строительство больницы: Абрикосовы, Баевы, Бостанжогло, Морозовы, Третьяковы, Хлудовы – известнейшие купеческие семьи внесли свой вклад. Отдельно стоит отметить Флора Яковлевича Ермакова, который дал 300 тысяч рублей на строительство отдельного приюта для мужчин на территории больницы. Поговари-

Небольшой,
но уютный
центральный зал

вают, что у него был серьезно болен один из родственников, вероятнее всего, племянник, и меценат таким образом хотел ему помочь.

Для самого Алексеева строительство клиники стало одним из важнейших дел жизни. Он очень внимательно отнесся к выбору места для будущего больничного комплекса. Необходимо было найти достаточно большую территорию за городом, и тут как нельзя кстати подошла небезызвестная Канатчикова дача. Так называлась загородная, в то время еще не входившая в территорию города, резиденция купца Канатчикова, которого, впрочем, мало заботила ее судьба. Очень быстро ненужная дача пришла в упадок, и ее по кирпичику разобрали жители близлежащих селений. Эта заброшенная территория и приглянулась московскому голове.

Кроме того, Алексеев лично проверял качество строительных материалов: брал кирпич из партии и бросал его об пол. Если кирпич разбивался – все до одного из этой партии отправлялись обратно. Может, поэтому красные стены больницы вот уже более ста лет так безуказненно крепки и им не страшны никакие капризы погоды.

Проектировал психиатрическую больницу Виктор Романович Буцке, тот самый врач Преображенского доллагауза, который и обратился за помощью к московскому голове. Он же стал ее первым главным врачом. А вот Николаю Александровичу Алексееву не суждено было увидеть новую клинику: в 1893 году он погиб от руки сумасшедшего. И до сих пор до конца не ясно, было это жестокой иронией судьбы или же тщательно продуманным покушением: ведь убийство произошло как раз в тот день, когда Алексеева, по всей вероятности, должны были переизбрать на третий срок. Умирая, он завещал на строительство больницы еще 300 тысяч рублей – сумму по тем меркам огромную.

Стенд В.Р. Буцке

МИР НА ТРЕХ КИТАХ

И вот 12 мая 1894 года психиатрическая больница, которой присвоили имя Н.А. Алексеева, открылась. По замыслу Буцке новая клиника сама по себе должна была оказывать на пациентов психотерапевтическое действие. Здесь не было длинных безликих коридоров с палатами, где находи-

лось больше пациентов, чем они могли вместить. Напротив, комплекс представлял собой небольшие, соединенные теплыми переходами корпуса для разных типов больных. Их размещали в зависимости от тяжести заболевания: согласно классификации, пациенты могли быть спокойные, полуспокойные, полубеспокойные, беспокойные, буйные и слабые. Решетки на окнах ставились только в «буйных» отделениях.

Главный врач внимательно относился и к атмосфере, царящей в клинике, следил за тем, как персонал обращается с пациентами. Буцке писал, что «на душевнобольных при приеме и помещении их в больницу приличествует смотреть так, как и на всяких других больных», будучи уверен, что главными составляющими лечения должны стать три кита: уют, доброжелательное отношение и постоянная занятость. Многие удивляются, но с первого же дня смирительные рубашки здесь были запрещены. А та, что представлена в музее, – демонстрационный вариант, сшитый работниками больницы специально для экспозиции.

Пациентов старались отвлечь от их тяжелого заболевания, предлагая им несложную работу.

В каждом отделении были специальные помещения, в дневное время предназначенные для трудотерапии, а в вечернее – для отдыха и развлечений. На одной из фотографий в музее можно увидеть, что пациенты даже играют в бильярд. Кроме того, здесь играли на рояле, а некоторые пациенты декламировали стихи.

Многих из тех, кто шел на поправку, переселяли в близлежащие деревни – Тропарево, Никулино, Беляево, сегодня уже ставшие районами столицы. Однако далеко не все пациенты соглашались разделять крестьянский быт, и поэтому с 1903 года наряду с деревенским начал функционировать и городской патронаж – предтеча современных психоневрологических диспансеров.

В 1904 году Виктор Романович Буцкे, почти двадцать лет жизни посвятивший психиатрической больнице, умер. В своем завещании он указал, что хотел бы обрести покой недалеко от своего любимого детища – на Даниловском кладбище. Последнее желание было исполнено, но сегодня вряд ли кому-то удастся прийти и почтить память великого врача – могила утеряна, и все поиски были, к сожалению, безуспешны.

Психиатрические «чудеса техники»

Как пациенты проводили свободное время?

ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ КАЩЕНКО?

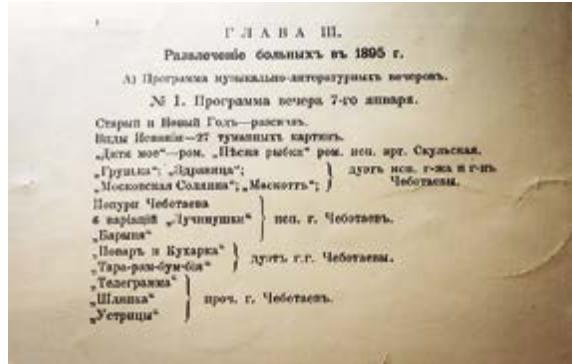
Вторым главврачом больницы был назначен Петр Петрович Кащенко – один из самых прославленных психиатров России. Здесь он проработал лишь два с половиной года, однако именно его имя больница носила более девяноста лет. Что уж говорить, даже после возвращения лечебнице исторического названия многие по-прежнему величают ее «Кащенкой». В чем же причина?

Ответ достаточно прост. Крупнейшей психиатрической больнице Советского Союза негоже было носить имя купца и золотопромышленника Алексеева, какой бы вклад вклад в строительство больницы и процветание города он ни внес. Петр Петрович же, за плечами которого была ставропольская ссылка за революционную деятельность в конце XIX века и участие в событии

ях 1917 года, конечно, другое дело. Московскую клинику Кащенко возглавлял в 1904–1906 годах. А когда в 1907 году была построена Санкт-Петербургская психиатрическая больница №1, талантливому врачу предложили переехать в столицу и занять должность в новом учреждении. В Москве Петра Петровича провожали со слезами на глазах: за два с лишним года он многое сумел сделать для больницы. Закончив свой первый обход больницы, Кащенко замечает, что, хотя лечебница прекрасно обустроена, в ней работают квалифицированные врачи и пациенты содержатся вполне неплохо, условия жизни младшего и среднего медперсонала просто катастрофические. Медсестры и медбратья жили в подвалах, на чердаках, ютились по несколько семейств в одной комнатенке. «Роскошно» жил только надзиратель отделения – для всей его семьи отвели 6-метровую комнатку! Люди не выдерживали таких условий, увольнялись, и каждый год приходилось заново набирать более половины персонала.

Кащенко заметно улучшил их положение: ему удается в два раза увеличить зарплаты служащих, сократить рабочий день с 15 до 12 часов, построить на территории больничного комплекса жилые бараки и даже открыть при клинике школу для обучения работников грамоте и правилам ухода за больными. В 1905 году, продолжая мысль Буцке о том, что трудовая терапия творит чудеса, Петр Петрович строит здание лечебно-трудовых мастерских. В день отъезда главного врача в Петербург благодарные служащие устроили в его честь небольшой митинг, а потом единой группой проводили чету Кащенко до границ Канатчиковой дачи – на память об этом событии осталась большая общая фотография, украшающая музей больницы.

После смерти Петра Петровича в 1920 году было принято решение, что две психиатрические клиники, по одной на каждую

столицу, будут названы в его честь. Так обе больницы, где он работал, и стали «имени Кащенко». И даже сейчас, спустя двадцать лет после возвращения московской больнице исторического наименования, многие по-прежнему называют ее именно так.

ВСЕ, ЧТО НУЖНО БОЛЬНИЦЕ, – ВНУТРИ БОЛЬНИЦЫ

Несколько музейных стендов повествуют о том, как больница жила в непростые для страны времена. В годы Первой мировой и Гражданской войн сотрудников не хватало: кто-то отправлялся на фронт, кто-то просто сбежал из Москвы, тогда как число пациентов, наоборот, резко возросло. В итоге больница оказалась на грани закрытия. Занимавший с 1917 года пост главного врача Павел Павлович Бруханский предпринял смелые шаги: он привлек к работе «спокойных» пациентов, начавших ухаживать за более тяжелыми больными! Большая же часть квалифицированного персонала стала работать в «беспокойных» отделениях. А для того, чтобы пациенты не голодали, на территории больницы организовали обширное огородное хозяйство, и необходимые продукты, выращенные своими руками, спасли немало жизней. Сотрудники больницы гордятся, что за все время Гражданской войны ни один пациент не умер от истощения.

Под девизом «Все, что нужно больнице, – внутри больницы» проходят и 30-е годы. Тогда трудовая терапия переживала свой расцвет: в больнице открыли чулочно-трикотажную фабрику с полным циклом производства и восемь различных цехов. Появился специальный доктор, который, в зависимости от возможностей и желаний пациента, назначал индивидуальную программу трудотерапии, причем азам новой специальности можно было обучиться на месте! Пациенты увлеченно участвовали в соцсоревнованиях, и луч-

Экспонаты, созданные пациентами во время трудотерапии

Тот самый трофеинный «телефон»

шие попадали на доску почета, а некоторые работы сегодня стали экспонатами музея – посетители могут своими глазами увидеть сделанные десятилетия назад плетеные корзинки, настольные салфетки, небольшие столики.

С началом Второй мировой войны жизнь больницы снова меняется. Многих сотрудников, включая главного врача, мобилизовали, остро встал вопрос переселения пациентов, которых становилось все больше и больше. Их перевозят в больницы Рязани, Горького, Казани, кого-то отправляют в колонию «Тропарево».

Освободившиеся места занимают душевнобольные, раненые и контуженные бойцы, осенью 1941-го здесь размещаются отделения больницы имени Боткина, часть корпусов которой сильно пострадали от бомбёжки. Что удивительно: большинство сотрудников психиатрической больницы, получив разрешение на эвакуацию, продолжали работать и спасать людей. Не прекращалась тогда и научная деятельность: медикаментов не хватало, нужно было изобрести новый метод лечения. Именно тогда появляется достаточно противоречивая электросудорожная терапия. Умельцы собирали аппараты буквально из всего, что попадалось под руку, – сегодня в музее больницы одним из самых ценных экспонатов считается аппарат для электросудорожной терапии, собранный под руководством профессора Серейского из подручных материалов, включая трофеинный телефон.

ВРЕМЯ ДОСТИЖЕНИЙ

После войны больница стала понемногу восстанавливать свою полноценную работу. Чтобы решить проблему с нехваткой мест, открывается второй филиал – наряду с «Тропарево» начинает функционировать «Поливаново». Для нового филиала нашли удивительное место – когда-то там была усадьба Кирилла Разумовского, влиятельного аристократа Елизаветинской эпохи.

С еще большим облегчением врачи вздохнули в 1962 году, когда при больнице открыли первый в Москве магнитофонно-машинописный центр. Если раньше львиную долю рабочего времени доктор писал многосторонние истории болезней пациентов, регистрируя в них каждое движение их души, теперь ему было достаточно поднять телефонную трубку и написать то, что должно было быть зафиксировано. Специальный отдел расшифровывал записи, распечатывал их и при-

носил текст в готовом виде. Оставалось лишь вклейть его в историю болезни.

Роль трудовой терапии по-прежнему была велика: открывались новые цеха, больница даже сотрудничала с фабриками и заводами, отправляя туда своих пациентов. Реабилитации больных способствовала и модная арт-терапия – лечение искусством и творчеством. Для пациентов организовывались кружки по интересам, походы в цирк и театр, поездки по знаменитым местам; летом можно было отправиться за грибами или ягодами.

Сотрудникам же было лестно, что больница привлекала к работе научно-исследовательские институты и кафедры психиатрии лучших медицинских вузов. Весь цвет науки сосредоточился на базе больницы, использующей новейшие методы лечения.

В начале 80-х создается и музей психиатрической больницы. Его организаторы хотели показать, как развивалась клиника в это непростое столетие. Удивительно, но в стране к тому времени не было ни одного музея истории психиатрии, даже в Музее истории медицины не нашлось стендов, посвященного этой теме. Создание такого музея при больнице имени Кащенко стало

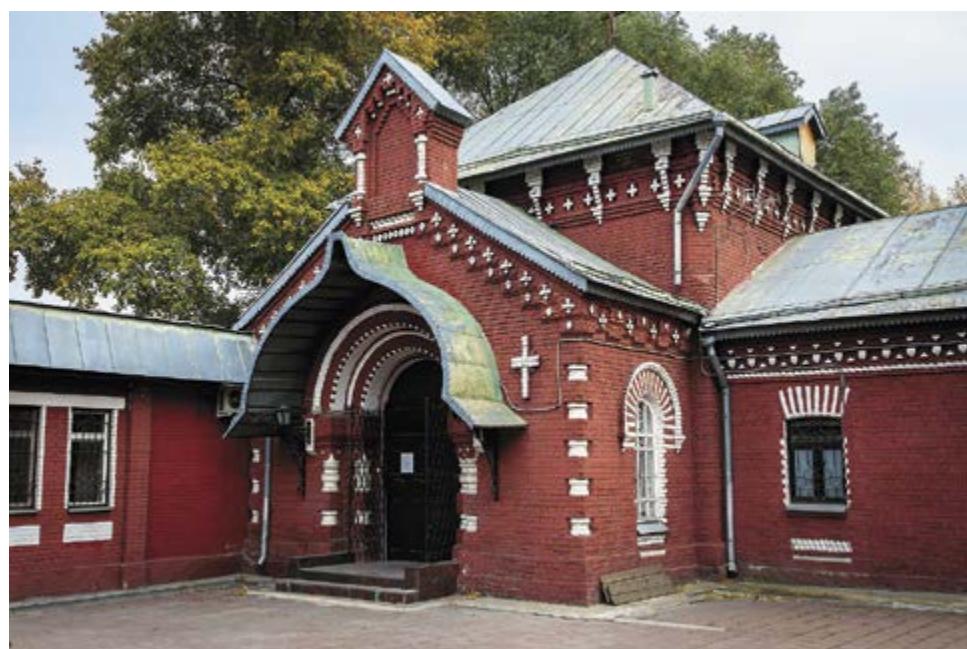
плодом совместной работы и сотрудников, и пациентов. Лечебно-производственные мастерские, например, изготавливали пристеночные столики, стенды, первоначальные планшеты для фотографий. Работавшая здесь в военное время Мария Алексеевна Гуляева сделала точную копию кружки из консервной банки, какими тогда пользовались пациенты, помогла оформить памятную доску, вспомнив имена тех сотрудников, которые не вернулись с фронта. Огромный вклад внесли и потомки людей, связанных с больницей, которые передали в фонд музея многочисленные материалы из семейных архивов. Так общими усилиями был создан уникальный музей, хранящий память о сложном историческом пути больницы.

Некоторые предметы обихода пациенты делали себе сами

ВЕКОВОЙ РУБЕЖ

А в конце прошлого столетия столь важная ранее трудотерапия канула в Лету, на смену ей пришла квалифицированная социальная служба. Теперь с каждым пациентом работает триада специалистов: врач, клинический психолог и социальный работник. Однако и сейчас пациенты находят себе занятие – у людей с «обнаженной душой», к примеру, особая тяга к искусству, причем есть и такие, кто открывает в себе таланты лишь после того, как попадает в психиатрическую лечебницу. Для пациентов, желающих выразить себя в творчестве, уже третий раз организуется фестиваль «Нить Ариадны», в котором принимают участие люди с особенностями психического развития не только из Москвы, но и из регионов России и даже других стран. Показывают себя они на известнейших площадках и в различных жанрах: театральные постановки ставят в Московском драматическом театре им. Ермоловой, Театре А. Джигарханяна, Театре Луны; выставки работ проводятся в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Мультимедиа Арт Музее. Даже попав в такую сложную ситуацию, пациенты не отчиваются и не прячутся в четырех стенах, стыдясь своей болезни, как кто-то может подумать. В музее больницы творчеству пациентов тоже уделено отдельное место: их многочисленные работы представлены в последнем зале, на этом и заканчивается экскурсия.

В 1994 году психиатрическая больница отметила юбилей – сто лет со дня основания. В этот же год на территории больницы начали сооружать часовню Святителя Николая, на закладку приехал патриарх Алексий, а строили ее сами пациенты. Тогда же сотрудники и комитет здравоохранения Москвы обратились к мэру города с просьбой вернуть ей историческое название – и вот уже двадцать лет больница снова носит имя Н.А. Алексеева.

РЕЗЬБА РУСОВ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

[ФОТО АВТОРА]

ХОЛМОГОРСКАЯ РЕЗЬБА ПО КОСТИ – СТАРИННОЕ ИСКУССТВО, ШЕДЕВРЫ КОТОРОГО УКРАШАЛИ ПОКОИ ИМПЕРАТОРОВ И АРИСТОКРАТОВ. ЕДИНСТВЕННАЯ МЕСТНОСТЬ, ГДЕ ЭТА ТРАДИЦИЯ НЕ ПРЕРЫВАЛАСЬ НИКОГДА, – КУРОСТРОВ В ДЕЛЬТЕ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ. В ТЕЧЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ВЕКОВ КОСТОРЕЗЫ ОСТРОВА ПЕРЕДАЮТ СВОЕ ИСКУССТВО ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ. НО СЕГОДНЯ ИХ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ДВА ДЕСЯТКА ЧЕЛОВЕК.

<<Н

А КОСТОРЕЗКУ?!» – удивился водитель «Нивы», когда я попросил подвезти на фабрику резьбы по кости в селе Ломоносове. По его убеждению, старая фабрика давно развалилась, а новую – который год никак не достроят. Водитель ошибался, хотя и сам он – житель этого села на Курострове вблизи Холмогор – родины Михаила Васильевича Ломоносова. Позвонив мастеру-резчице Ирине Проурзиной, с которой мы договаривались о встрече, я выяснил, что ехать нужно на старую фабрику. Неказистое двухэтажное здание фабрики действительно больше походило на приговоренный к сносу барак. Тусклый свет из двух окон еле проби-

вался сквозь проливной дождь. Пройдя темным пыльным коридором, заставленным еще советскими станками, мы вошли в теплую, светлую мастерскую. И тут я невольно содрогнулся. Мне показалось, что я очутился в стоматологическом кабинете старой советской школы: свирепое жужжание бормашины и соответствующий запах живо напомнили забытые ощущения...

РЫБИЙ ЗУБ

«Рыбий зуб» – так в старину называли клык моржа, резьба по которому была широко распространена на северных берегах. Этот один из самых ярких народных промыслов средневековые путешественники прозва-

ли «резьбой русов». Английский дипломат Джильс Флетчер в своем труде «О государстве Русском», изданном в 1591 году, рассказывает, что «рыбьи зубы» вывозились персиянами и бухарцами за границу. Резали также и по бивням мамонта, которые добывали как на берегах Северного Ледовитого океана, так и в районе современного Архангельска. Видимо, северяне слабо представляли себе ископаемых животных, потому как и бивни именовали «рыбьим зубом». Такое название закрепилось даже за бивнями слонов, которые позднее стали привозить в Россию для резьбы нашим искусственным мастерам. А вот такой образ слоновых бивней

Традиционные изделия из «рыбьего зуба» в мастерской Ирины Проузиной

явлен в былине о Вольге Святославиче, когда герой подошел к вратам «града Индейского»:
*Стоит подворотня –
дорог рыбий зуб,
Мудрены вырезы вырезано,
А и только в вырезу мурашу пройти.*

На Поморской земле в XVII–XVIII веках с резьбой по кости произошло нечто вроде эффекта «бутылочного горлышка» – рождение знаменитой холмогорской традиции и угасание промысла в других регионах края. Центром традиции, по всей видимости, были не Холмогоры, а окрестные деревни – прежде всего Куростров. Во всяком случае, многие мастера, чьи имена сохранились в истории, работали на этом довольно большом острове. Так, в середине XVII века всю семейную артель косторезов Шешениных пригласили в Москву, где они трудились в Оружейной палате и реставрировали трон царя Ивана III.

Холмогорская традиция, впитав некоторые элементы классицизма, окончательно сложилась в петровские времена. Ее характерные черты – изящный завиток, который мастера множество раз преобразовывали по формам и размерам, и, конечно, яркие северные темы, раскрытие в тончайшем ажуре: летящие за ветром олени, заснеженные просторы, всполохи северного сияния. Из кости резали женские украшения, вазы, шкатулки, шахматы, ножи для бумаги. Но более всего гребни. Были даже особые мастера – «гребенщики». Старообрядцы заказывали у косторезов особые четки – «лестовки». Так, в холмогорской торговой книге значится мастер Саламатов, у которого «куплено пять лестовок рыбьей кости на шелковой тесьме, осинового цвета и с лепесточками прорезными».

Заказчиками резчиков были и царские особы. Например, в похоях Екатерины I имелись четыре резных костяных образа в золотой и серебряной оправах, а свои личные вещи императрица хранила в «холмогорских ларцах». Подобные шедевры те-

Резные украшения на въездном знаке села говорят о многовековой традиции резьбы на острове

перь выставляются в Эрмитаже, Русском музее, Оружейной палате. Богатая коллекция холмогорской резной кости хранится в Гамбурге в Музее Альтона – собрана она из предметов, которые привозили из России немецкие купцы и моряки в течение столетий.

В музее села Ломоносова коллекция работ косторезов не столь древняя, но зато обширная и разнообразная – всего около 600 предметов. По большей части это творения мастеров недавнего прошлого, среди которых есть заслуженные и народные художники страны. Особняком в экспозиции стоит икона XVIII века, вырезанная из мамонтовой кости. Образ во многом загадочный, о его происхождении мало что известно – музею он достался в 1977 году от жительницы Ломоносова Татьяны Пестовской. Официальная версия гласит, что на иконе изображены святитель Дмитрий Ростовский и великомученица Екатерина. Однако во внешнем облике святой Екатерины без труда узнаются характерные черты Екатерины Великой. Некоторые полагают, что и святитель на иконе совсем не Ростовский, а Мирликийский – Николай Чудотворец. Однако историческая связь между Екатериной II и Дмитрием Ростовским существует. В 1763 году в Ростове Великом только-только вступившая на престол Екатерина II принимала участие в торжественном перенесении мощей святителя Дмитрия. Таким образом было положено начало традиции паломничества российских императоров ко гробу ростовского святителя.

Существует легенда, что родонаучальником искусной резьбы по кости на острове был один из Ломоносовых, получивший образование в Петербурге. Такую историю рассказывали местные жители исследователям в конце XIX века. Но это, конечно, всего лишь легендарное предание – промысел появился на острове задолго до нашего первого ученого. В бытность свою на родине сам Михаил Ломоносов, видимо, косторезным делом не увлекался, од-

Ножи для разрезания печатных листов как предметы кабинетной роскоши отжили свой век и перебрались в музей

нако водил с резчиками знакомство. Грамоте будущего академика обучал не только дьячок местной церкви Сабельников, но и косторез Иван Шубной, дядя которого, Фома Шубной, снабдил юного Михаила тремя рублями на дорогу в Москву. Со своим сверстником – резчиком Осипом Дудиным – Ломоносов читал книги из богатой библиотеки семейства Дудиных. Здесь Михаило открыл «врата своей учености» – как он отзывался о «Грамматике» Смотрицкого и «Арифметике» Магницкого.

Став первоклассным мастером, Осип Дудин последовал по стопам своего земляка и перебрался в Петербург. Первые деньги в столице Дудин заработал не без помощи Ломоносова. Михаил Васильевич убедил Академию наук купить у костореза большой бивень мамонта для лабораторных исследований. Заказов Осипу Дудину тоже долго ждать не пришлось – сработали объявления, данные в «Санкт-Петербургские ведомости». Немало шедевров сделал мастер для высшего света. Его шахматами из кости мамонта играл наследник престола Павел Петрович – будущий император Павел I. По заказу Соловецкого монастыря Осип Дудин

вырезал кубок, в орнамент которого вмонтировал 58 медальонов с портретами российских правителей – от Рюрика до Екатерины II. Позднее, уже 70-летним старцем, мастер последовал за своим шедевром в Соловецкую обитель, отойдя от дел мирских и приняв постриг.

Начинал резчиком на Курострове и великий русский скульптор Федот Иванович Шубин – сын первого наставника Ломоносова, Ивана Шубного. В 1759 году, опять же с рыбным обозом, Федот ушел в Петербург. Ломоносов устроил своего земляка в Академию художеств в класс французского скульптора Жилле. Федот Шубин окончил Академию с Большой золотой медалью, после чего отправился учиться в Париж и Рим.

Однако в конце XIX века холмогорская резьба пришла в упадок, доживали свой век последние мастера на Курострове. Возможно, так бы и кануло в Лету искусство резьбы, если бы не случай. Летом 1885 года родину Ломоносова посетил великий князь Владимир Александрович. Младшего брата императора Александра III встречали хлебом-солью на резном блюде из моржовой кости. Великий князь

Шахматы «Петровские времена» из коровьей кости и зуба кашалота напоминают шедевры Осипа Дудина, сделанные для императорской семьи

поразился искусствой работе, заинтересовался и, выяснив, что косторезное искусство пребывает в плачевном состоянии, решил его поддержать. Класс косторезного мастерства открылся в том же году в Ломоносовском училище, построенном на пригорке, где когда-то стоял дом отца Михаило Ломоносова.

В советское время в селе появилось косторезное училище. Здесь же для его выпускников организовали артель. В 1941 году артель прекратила свое существование – все косторезы ушли на фронт. Но два года спустя где-то в коридорах власти задумались о том, что вместе с мастерами может погибнуть и все традиционное искусство. Оставшихся в живых мастеров вернули с фронта в Ломоносово, а после войны артель выросла до масштабов фабрики.

– Ломоносово – моя вторая родина, – рассказывает Ирина. – Я родилась и выросла в Няндоме, что в восьми часах езды на поезде к югу от Архангельска. Собиралась поступать в художественное училище в Архангельске, но в последний момент мама прочла объявление в газете о наборе в косторезную школу. А у меня в памяти осталась прекрасная костяная брошь, подаренная сестре знакомыми из Ломоносова. Я решилась учиться на костореза. Ехала в никуда, даже не знала, что здесь остров, на который можно попасть только на пароме. Тогда, в 1997 году, училище теряло популярность на глазах: на наш курс поступили 23 человека, до конца доучились 13, а остались работать косторезами только двое. Преподавали нам первоклассные мастера, учили по всем канонам древнего про-

мысла. Первый год обучения мы работали традиционным ручным инструментом: втиральниками и клепиками. Осваивали старую технику цветной гравировки – часами вручную втирали в кость краски, сваренные с пчелиным воском. А однажды я пришла в гости к третьему курсу, и они мне дали попробовать резать бормашиной. Но у меня в руках вдруг слетел наконечник, раздался жуткий скрежет – с испуга я его отбросила от себя подальше. Наблюдавшие за этим старшекурсники однозначно заключили, что не быть мне никогда косторезом. А в итоге получилось так, что только я одна из присутствовавших тогда осталась работать по специальности – остальные разъехались кто куда, резьбой не занимаются. Конечно, мне очень повезло с учителем. С самого начала моим наставником был Николай Алексеевич Лялин – по-моему, непревзойденный в наше время мастер. Я и теперь хожу к нему советоваться, искать интересные творческие решения.

Муж Ирины – тоже выпускник косторезного училища, но в жизни предпочитает заниматься не резьбой, а совсем не связанными с творчеством делами. Сожалеет Ирина, что и ее 13-летний сын никакого интереса к косторезному искусству не проявляет. Надеется на дочку, родившуюся в прошлом году.

Сейчас холмогорская резьба находится в таком же положении, как и в конце позапрошлого века. Косторезное училище едва держится на плаву – в последнее время набирает не более пяти студентов в год. Фабрика формально не существует. В уцелевших помещениях работает около 10 мастеров. Еще столько же режут кость на дому, предпочитая не связываться с фабрикой: отапливается здание через пень-колоду, так что мастера порой мерзнут за работой.

А каких-то двадцать лет назад жизнь кипела на двух этажах фабрики, в мастерских около сотни мастеров трудилось! В основном делали «плановые»

Идеальный образ российского просвещения XVIII века – симфония светского и духовного

ВТИРАЛЬНИК И КЛЕПИК

Ирина Проурзина – представитель нового поколения мастеров холмогорской резьбы. Специалисты по народным промыслам в Архангельске неслучайно советовали мне обратиться именно к ней. Изыящный почерк Ирины сделал ее известным мастером как на Курострове, так и в Архангельске. Даже водитель «Нивы», полагавший «косторезку» развалившейся, хвалил работы Проурзиной.

Ирина
Проурзина
решительно
и мастерски
точно
распиливает
заготовки
на циркулярной
пиле

броши, кулоны, мундштуки, фигурки животных... На том фабрика и погорела – «план» в новое время оказался никому не нужен. Теперь мастера занимаются авторскими изделиями. И в этом смысле холмогорское искусство переживает творческий подъем. Ну а внешне промысел угасает. Но, к счастью, власти все-таки решили поддержать его. Новое здание, которое объединит фабрику, училище и общежитие для студентов, планировали открыть к 300-летнему юбилею Ломоносова, отмечавшемуся в 2011 году. Снаружи строение выглядит почти законченным – оно красуется прямо напротив окон мастерской Ирины. Тем не менее сдать объект в эксплуатацию не могут уже три года...

Косторезам нужно не только новое помещение. Большие сложности они испытывают и с материалом для работы. Конечно, уже давно холмогорские мастера используют не только бивни моржа и мамонта. Еще в XIX веке к традиционным «рыбьим зубам» добавились как настоящие зубы – кита кашалота, так и большие трубчатые кости крупного рогатого скота – так называемая цевка. И все же.

– Сейчас время такое, что мамонта проще достать, чем корову, – негодует Ирина. – Мамон-

та хотя бы купить можно, а цевку где взять? Животноводство у нас все развалилось, коров приличных нет. Если кто из частников и забивает, то молодняк, у которого кость тонкая и узкая – работать с ней сложно. Раньше нам цевку поставлял Вельский мясокомбинат, вываривал ее определенным образом, мы получали пригодный для резьбы материал. Теперь перебиваемся кто как может. Если попадаются хорошие кости, мы их сами вывариваем в кotle с содой. Или закапываем кости на год, чтобы земля и грызуны довели их до нужного состояния. Можно сказать, вернулись к древним традициям добычи кости. Выходим порой на раскопки. Где у нас какие склады с костью были или скотомогильники – ищем, выкапываем.

«ПРАВ БЫЛ КОНФУЦИЙ...»

Вот в руках у Ирины с трудом добытая крупная трубчатая кость. Сначала на обычной циркулярке она кроит кость на пласти-

ны. Чтобы стать косторезом, нужно обладать не только художественными способностями, но и недюжинной смелостью. Скольким опытным столярам циркулярная пила покалечила руки! Я с изумлением смотрел, как Ирина голыми руками работает с костяными пластинами, как ее пальцы оказываются буквально в миллиметрах от безжалостной пилы...

Сформировав заготовку для будущей броши, Ирина принимается за ручную работу: набрасывает карандашом эскиз, сверлит маленькие дырочки для лобзика, аккуратно опиливает рисунок. Дальше следует работа с бормашиной. Наконечники косторезы используют как стоматологические, так и самодельные: «шкуродержатели» с накрученной на щеткой бумагой, большие «дробилки», мохнатые «полировки»; совсем крохотные боры применяют для нанесения тонкой гравировки. Относительно недавнее изобретение местных мастеров – «вывертка»

для вырезания из кости бисера. Для нее же на столе Ирины стоит обычная жестяная банка, превращенная в сито. Чтобы бисер не разлетался по мастерской, его вырезают над этой банкой, а затем просеивают получившиеся цилиндрики, чтобы отделить костный мусор и пыль. К появляющемуся при работе с бормашиной пронзительному «стоматологическому» запаху косторезы привыкают быстро. По запаху даже могут определить, какая кость обрабатывается: мамонтовая, моржовая или коровья.

— Самые тонкие ажурные орнаменты режем традиционным ручным инструментом, — показывает Ирина горсть резаков и тончайших надфилей, больше похожих на шило. — Такой инструмент мастера делают сами. В зависимости от работы втиральники (профессиональное название косторезных надфилей. — Прим. авт.) могут быть трехгранные, квадратные, круглые. Обрабатывать ажур втиральником — это самая долгая и кропотливая работа. Относительно простую брошь я делаю три-четыре часа. Более сложные — пару дней, а иногда и неделю. Стараюсь выстраивать интересные композиции, беру разную кость, играю с цветом. У мамонта — структура тонкой полукруглой сеточки, можно ис-

пользовать и его коричневую корку; у моржа — кость благородная, матово-белая, как будто прозрачная; кашалот — спокойного желтого или кремового оттенка. Часто до определенного этапа вещь сделаю — дальше не идет. Я ее откладываю в сторону. Благо над нами «плана» нет, можно заниматься художественным творчеством, тем, к чему в данный момент душа лежит. А отложенное доделываю, когда появится настроение, придут нужные идеи. Бывает так, что вещь сначала резалась, как воздушный ажурный кулон, а прошло время, решила под него коричневого мамонта подложить — получилось интересное яблочко. Или вот придумала серьги, да чувствую, чего-то не хватает. Решила сама их пока носить — может, появятся свежие мысли, как крепление, например, поудобнее сделать.

Прекрасный образец традиционного ажура и холмогорского завитка в руках Ирины

Для работы косторезы используют, а порой и сами изготавливают десятки боров

Косторезы сегодня работают по своему вкусу, но все же старой традицией пропитаны творения большинства мастеров. Здесь и знаменитый холмогорский завиток, и овальные формы с выпуклым цветочным ажуром, северные олени, сказочные образы птицы счастья, царевны-лягушки, молодильные яблоки...

Сбытом своих изделий косторезы занимаются сами: продают на ярмарках, сдают в ювелирные салоны в Архангельске, кто-то использует Интернет, кто-то свои изделия отправляет посылками в Петербург, кто-то — на Камчатку. У Ирины в летнее время и на острове сбыт хороший, туристы заглядывают в ее мастерскую каждые выходные. В основном покупают женские украшения: кулоны, броши, серьги, колье. Мужчины чаще берут скульптуры мамонтов. Вещи в стилистике — гребни или ножи для резки бумаги — популярностью не пользуются, их делают только под заказ.

Вместе с Ириной в мастерской работает ее напарница Татьяна Вишнякова, которая также приехала в Ломоносово в начале 90-х годов, увидев в газете объявление о наборе в косторезное училище.

— Сама я с верховьев Пинеги, — рассказывает Татьяна. — Семья была большая, и родители отправили меня учиться на костореза. Тогда здесь студенты жили на полном гособеспечении. А рисовать я любила всегда, и вступительный экзамен по рисунку сдала на отлично. Вышла замуж за парня со своего курса и осталась работать на фабрике. Когда предприятие обанкротилось — ушла торговать в магазин. У меня тогда уже были дети, была необходимость зарабатывать. Торговле отдала восемь лет, а год назад вернулась к резьбе. Все-таки это неправильно — просто как-то зарабатывать, когда есть дело по душе. Тем более сейчас — творить можно без «плана», в свободном полете. Прав был Конфуций, когда говорил: «Выбери себе работу по душе, и тебе не придется работать ни одного дня в своей жизни». ■

КРЫМ КРЫМЫЧ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СЕВАСТОПОЛЬ ИЗ ТЕХ ГОРОДОВ, В КОТОРЫЕ НУЖНО ПРИЕЗЖАТЬ ВСЕГДА, В ЛЮБОЙ ДЕНЬ НЕДЕЛИ И В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ СУТОК. ПОЕЗДОМ ЛИ, САМОЛЕТОМ ЛИ, МОРСКИМ ЛИ ПУТЕМ, НА АВТО – НЕ ВАЖНО. НО ТАК, ЧТОБЫ В ОДНО МГНОВЕНИЕ ПОЧУВСТВОВАТЬ ЭТЫЙ ГОРОД И ВЛЮБИТЬСЯ В НЕГО, ПРИЕЗЖАТЬ ЛУЧШЕ В ВОСКРЕСЕНЬЕ. БЛИЖЕ К ТОЙ СКЛЯНКЕ, КОТОРАЯ НА МОРСКОМ СЛЕНГЕ ОБОЗНАЧЕНА ТЕРМИНОМ «РЫНДА».

СРАЗУ – О СКЛЯНКАХ и рындах. В одном случае «склянка» – это обыкновенные песочные часы, рассчитанные на полчаса. Соответственно, во втором случае «склянка» – это и есть полчасовой промежуток време-

ни. Корабельная жизнь делится на вахты, каждая по четыре часа. Отсюда и количество отбивающихся склянок: от одной до восьми. Счет суток начинается от полудня, который отмечают особым боем – рындой: тремя троекратными ударами в судовой колокол.

И совсем уж хорошо – оказаться в Севастополе в воскресенье после третьей утренней склянки. Услышали один сдвоенный

и следом единичный удар в корабельный колокол – значит, не опоздали. Вскоре к севастопольским пристаням прибывают катера с матросами Черноморского флота, уволенными на берег. Если повезет: корабли флота окажутся дома, и тогда весь город повеселей на глазах. Так мы и сделали. Ворвались в воскресный город через Балаклавское шоссе, переходящее в улицу, уж извините, Ленина, – и вот они, первые белоснежные бескозырки у Дома офицеров флота.

Здания, уставшие от многолетнего к себе невнимания, глубокие морщины в асфальте, посеревшем от дружбы с ветрами, нелепо-косолапые троллейбусы минувшего века – эти первые впечатления тут же потеряли какое-либо значение. Ибо Севастополь никогда не был модным и богатым. Он всегда был нужным и обязательным. Нужным нам всем своими бескозырками, парадными офицер-

Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №11, 12 2014 года.

скими кортиками и флагами на мачтах боевых кораблей в бухтах и на внешнем рейде.

Осень. Воскресенье. Рында. По проспекту Нахимова, отделенному от знаменитого Приморского бульвара стеной каштанов и платанов, печатает шаг почетный караул. Девочки и мальчики в стилизованной форме. До мемориала героев Второй обороны Севастополя на площади Нахимова – не одна сотня метров. Но эти девочки и мальчики с серьезными глазами идут так, что веришь – дойдут куда угодно, если потребуется. Это старая традиция – подростки в гюйсах и белых форменках на пути к Вечному огню. Помню ее с тех пор, когда сам по возрасту вполне мог бы вписаться в личный состав караула. Сорок лет как помню.

Праздно-воскресная публика, по большей части местного происхождения, на площади Нахимова и в устье Приморского бульвара останавливается, когда почетный караул замирает у мемориальной стены перед сменой. И строгий мужчина в «комке» у памятника адмиралу светлеет глазами и упирает древко флага Донецкой республики в дорожную твердь.

Рында! Помолчим, господа! Одну минуту помолчим...

Севастополь.
Памятник
затопленным
кораблям

На марше –
почетный караул
у мемориала
Великой
Отечественной
на площади
Нахимова

У БЕЛОГО УТЕСА

Гений великого Суворова проявлялся всюду. Александр Васильевич первым приметил Ахтиарскую бухту в 1778 году как место для строительства военного порта-города, которому должно будет доминировать над всем Черным морем. А осенью 1782 года сюда, где располагалось скромное поселение крымских татар в полтора десятка домов под названием Ак-Яр, то бишь Белый утес, прибыли два русских фрегата – «Осторожный» и «Храбрый». Спустя полгода количество боевых кораблей из состава Азовской и Днепровской флотилий, бросивших тут

Матросы
Черноморского
флота на Графской
пристани.
Увольнительная!

якоря, достигло семнадцати. В июне 1783 года под командой контр-адмирала Томаса Маккензи, более известного в России как Фома Фомич Мекензи, начали возводить порт и военное поселение при нем. Заложили четыре первых каменных здания: пристань, кузницу, часовню и дом для адмирала. К слову, именно в нем четырьмя годами позже, во время знаменитого путешествия в Тавриду, останавливалась Екатерина II. Весной 1784 года появились первые улицы, набережную отделали камнем, высадили деревья вдоль тротуаров. Чуть ранее, в феврале 1784-го, императрица подписала указ, согласно которому возникший город получил имя Севастополь – «Высокочтимый город». В свободном переводе с греческого – «Город славы». Этим же указом светлейшему князю Григорию Потемкину предписывалось построить в Ахтиарской гавани большую крепость с адмиралтейством для кораблей первого ранга. В это время в бухте уже находилось 26 кораблей, экипажи которых насчитывали 4 тысячи матросов и офицеров.

У ГЛАВНОЙ ПРИСТАНИ

– Оттуда? – задаю нелепый вопрос мужчине с флагом ДНР, ибо по боевому загару и так видно, что оттуда. Он – боевой загар – сильно отличается от остальных загаров, поверните. Этот загар своими случайными разводами повторяет армейский камуфляж.

– Оттуда, – вторит мужчина. – А если не верите, вот документы...

Он стоит на площади Нахимова в центре Севастополя и собирает помочь для Донбасса. Выходит, обижали уже вопросами, раз предлагает взглянуть на документы. Даже тут обижали... Эх, ребята, мошенничать можно и в святых местах. Это точно. В святых местах нельзя не верить!

Графская пристань – в ста шагах. Сколько ее ни переименовывали – в Екатерининскую, Большую Царскую, имени III Интернационала, 91-й причал, – а она уже более двухсот лет как Графская. Так севастопольский народ прозвал, когда командующий черноморской эскадрой граф Марко Войнович приучил всех к тому, что только с этого места отправлялся к кораблям. И только тут причаливал, возвращаясь в город.

Севастопольская бухта во всей красе

Навстречу по широченной лестнице поднимаются матросики во главе с лейтенантом. По всему видать – первогодки. Хотя после военной реформы у нас ни «второгодков», ни «третьегодков» нет. Срочная служба везде и всюду, даже на флоте – 12 месяцев. Чему можно научить на корабле за год, удивляются ветераны? Верно, за год кадрового матроса создать крайне сложно. Зато можно привить любовь к морю и флоту. А дальше, по любви – контракт. И уж тогда доведут в экипаже вчерашнего срочника до нужной кондиции.

Матросики торопятся. Увольнительные на флоте ох как коротки! Около старых невозмутимых белокаменных львов, разлегшихся по краям могучей колоннады, людно и шумно. Бабушка-зазывала торопит купить билеты на морскую прогулку по Южной бухте, где ошвартованы боевые корабли.

– Три минуты, три минуты, отходим через три минуты! – убедительно вопит она на всю Графскую, и люди доверчиво двигают в сторону морских трамваев, причаленных рядышком. Солнце в зените, но все ж

Под знаменем непризнанной Донецкой народной республики

таки не лето, на открытой кормовой палубе подирает ветерком. И вот минут через двадцать наш теплоходик, вовсю дымя дизелем, отходит от пирса... Юг не был бы югом, если б тут слегка не преувеличивали. Надо отдать должное бабушке: и салоны, и палуба на корме – под завязку.

Идем вдоль берега Южной бухты, врезающейся на 2 с половиной километра в землю узким змеиным языком. Она, видать, главная. Потому как город начал расти от этих самых берегов.

В БУХТАХ

Бухты Севастополя – отдельный разговор. Еще командующий Черноморским флотом адмирал Михаил Лазарев в середине XIX века отметил: «Порт Севастополь. Чудный! Кажется, что благодатная природа излила на него все щедроты и даровала все, что только нужно для лучшего порта в мире». В первую очередь имелось в виду то, что местные бухты многочисленны, глубоки, вместительны и отлично защищены от стихии. На слуху бухты Южная и Северная. Еще – Камышовая, Ка-

корабли
Черноморского
флота в Южной
бухте

Тельняшек
на всех
хватит. Развал
на Приморском
бульваре

зачья, Артиллерийская. Пожалуй, все. На самом деле все куда сложнее. Начнем с того, что огромная, протянувшаяся на 7 с половиной километров Северная бухта вовсе и не Северная. Ее истинное название – Севастопольская. И включает она в себя еще 19 бухт, больших и малых. Одна как раз Южная, вторая по величине, а на противоположном берегу, или, если по-севастопольски, Северной стороне – весьма скромная Северная (Перевозная). Нетрудно запутаться, и потому некоторые называют Северной бухтой всю акваторию порта, за исключением Южной бухты. Между прочим, и Южная имеет свою собственную бухту – Корабельную. На земле между ними возникло когда-то адмиралтейство, открылись сухие доки, теперь все это пространство занимает Морской завод, ремонтирующий корабли.

Помимо внутренних бухт Севастополь богат и внешними, выходящими в открытое море. Если встать к этому морю лицом, то по левую руку от мола, разделяющего внутренний и внешний рейды, наберется еще с десяток: от Караантинной до Балаклавской.

Надо заметить, большинство названий имеет интереснейшую топонимику. Например, Килен-бухта, что находится следом за Корабельной. Оказывается, именно в ней нашли приют на зимнее время те самые фрегаты «Храбрый» и «Осторожный», что первыми пожаловали в Ахтиар. Зимовали моряки, не бездельничая. Среди прочих работ провели килевание кораблей, то есть очистили днища от ракушек и водорослей. Впоследствии этот процесс проводили в Килен-бухте экипажи большинства кораблей Черноморского флота. В итоге возник Судоремонтный завод флота, который жив и сейчас.

Или – бухта Круглая, она же Песчаная. По форме она действительно напоминает круг. Если войдешь в воду подальше, противоположные берега – на 180 градусов. Насчет «войдешь в воду» не стоит удивляться. Здесь настолько мелко, что если что и ходит помимо людей, так это надувные матрасы. Пляж называется «Омега». Хотя точнее было бы – «Юрмала»-2.

Теплоходик идет мимо пирсов Южной бухты. Голос в усилителе набирает пафосу: как-никак перед глазами корабли Черноморского флота. С боевыми,

Мемориал на месте расстрела в 1905 году матросов с восставшего крейсера «Очаков»

Подлодка российского флота служит всегда: у причальной стенки большой зарядник аккумуляторных батарей

правда, не густо. Все больше «десантники» да вспомогательные посудины вроде госпитального судна «Енисей», пришитого к причальной стенке навечно. Хотя для новичка, впервые видящего столько крашенных в серый боевой цвет кораблей сразу, – зрелище! Малые противолодочные корабли – тоже штучки, обязывающие к уважению. И даже судно размагничивания СР-137! А на другой стороне бухты особое внимание жителей морского трамвайчика привлекают черные тела

двух сонных субмарин. Над одной – Андреевский флаг, трап переброшен на пирс, что-то внутри скворчит и фыркает. И вообщем – ощущение жизни присутствует. Хотя лодка уже не ходит, но пользу еще приносит: служит зарядником аккумуляторов для других. Соседняя «рыбина» выглядит мертвой. Каковой, собственно, и является. Это тяжелое наследие украинского флота: единственная его подводная лодка «Запорожье». После крымских событий начала 2014 года эки-

паж субмарину покинул. Черноморскому флоту этот корабельный труп тоже не очень нужен. Поговаривают, что «Запорожье» может стать экспонатом музея в Балаклаве. И все равно – айфоны цокают, фотокамеры треняют. Мой бессменный товарищ фотограф Александр Бурый свое дело делает, но косит глазом на буйную поклонницу подводного флота с «мыльницей» в руках. Дама в легкой кофточке настолько полна энергии, что того и гляди свалится за борт. И нас за собой утащит. Что б с ней, да и с остальными коллегами по походу стало, если б оказались они в Севе лет эдак тридцать-сорок назад? Когда напротив Графской пристани по центру Севастопольской бухты стоял на якорях красавец противолодочный крейсер «Москва». По утрам морские трамвайчики, возившие отдыхающую публику на песчаные пляжи Учкуевки на Северной стороне, обходили громаду крейсера и попадали в его тень на несколько минут. Зябко становилось, честное слово. А на внешнем рейде виднелась цепочка троящихся в мареве стройных эсминцев... Теплоходик заворачивает домой.

У ПАМЯТНИКОВ

Менее чем за сто лет Севастополь разрушали дважды. Во время Восточной (Крымской) войны и в Великую Отечественную. А еще он пережил бурные события революции 1905 года, Гражданскую войну и оккупацию Германией в 1918-м. Тогда на рейде Севастополя вновь появился немецкий линейный крейсер «Гебен», обстреливавший город в начале Первой мировой войны. На сей раз «Гебен» не стрелял. Бросил якоря в преданную большевиками в Бресте русскую воду и молчаливо усмехался, попыхивая трубами. Короче говоря, судьба – не позавидуешь. Может быть, поэтому городу как-то особенно везет с памятниками.

Идешь себе по Приморскому бульвару, а он широкий, с пересекающимися аллеями и дорожками. Ресторан, торговые ряды, еще ресторан, еще. Бюст Миклухо-Маклая. С художественной точки зрения редкий пример для Севы, когда – ничего особенного. Но как-то он, этот бюст, к месту. Не только потому, что поставлен у стен Института биологии южных морей, предтечей которого была Биологическая станция, основанная в 1871 году самим Николаем Ни-

Форты
Михайловской
батареи
на Северной
стороне

колаевичем. А потому еще, что без натуги, без постаментных нагромождений. Вот трава, параллелепипед красного гранита, вот мраморная голова.

Если спуститься к морю и пойти назад, то вскоре перед глазами вырастет из воды памятник-символ города. По нему Севастополь узнают так же, как Париж – по Эйфелевой башне. К слову, памятник этот с Парижем и всей Францией ой как связан. В 1854 году, когда к Севастополю подошла здоровенная эскадра франко-британских кораблей, в штабе флота приняли решение: затопить пять старых линейных кораблей и два фрегата на входе в бухту. Когда пишут о героях Обороны Севастополя во время Крымской войны адмиралах Нахимове, Корнилове и Истомине, обыкновенно складывается впечатление, что трое этих великих защитников земли русской – некий единый механизм. На самом деле и между знаменитыми учениками адмирала Лазарева возникали конфликты. Корнилов был против затопления кораблей на рейде и предлагал дать вражескому флоту бой в открытом море. Нахимов же поддержал предложение главкома – светлейшего князя Меншикова – о затоплении части эскадры. Позже топили и другие корабли, чтобы укрепить эту своеобразную линию морской обороны. А когда было принято решение оставить Севастополь, на дно пошел весь Черноморский флот: более 90 боевых и вспомогательных кораблей и судов. Французские флотоводцы высказывались потом в том ключе, что, не будь Нахимов столь убедительным, флот союзников после боя с устаревшими русскими кораблями прорвался бы в Севастопольскую бухту, и битва за город завершилась бы куда раньше. Этот памятник воздвигнут в 1905 году, к 50-летию гибели последних кораблей флота. Так повелось, что люди, далекие от событий, называют его «памятником погибшим кораблям». Терпеливые севастопольцы всякий раз поправляют: не погибшим, а за-

топленным. Эти корабли никто так и не сумел победить, они сражались под Синопом в победной битве 1853 года.

В 10 метрах от берега на искусственной каменной горке стоит круглая колонна с двуглавым орлом в навершии. Колонна невысока, всего-то около 7 метров. Но видно ее издалека.

Это место было примечательно вот еще чем: на набережной до революции находился ресторан «Поплавок», в котором подавали самые свежие в империи устрицы. Их же возили в Зимний дворец и в крымские резиденции царской семьи. Секрет в том, что тогда деликатес выращивали в Черном море: в Южной бухте, Ушаковой балке и в бухте Голландия. И устрицы были свежайшими, любители могли заказывать их прямо из бассейна, находившегося посредине «Поплавка». Памятник затопленным кораблям установили на одной из устричных плантаций. Но никто из владельцев роптать не посмел. А еще в Севастополе стоят замечательные памятники адмиралу Павлу Нахимову, матросу Петру Кошке, генерал-лейтенанту Эдуарду Тотлебену, капитан-лейтенанту Александру Казарскому и его бригу «Меркурий», адмиралу Федору Ушакову, генералиссимусу Александру Суворову, недавно появившиеся – государыне Екатерине Великой, воинам-интернационалистам, что над Южной бухтой. И еще, и еще...

И живые памятники встречаются. По воскресеньям. После рынды. Вот он – сидит у фонтана на разводящем круге Приморского бульвара. Внушительный старик с наградами во всю грудь. Среди них медаль – за Севастополь. Сидит и молчит. И что ему до наших вопросов...

Масштабных памятных мест в городе тоже довольно: панorama Обороны Севастополя 1854–1855 годов, диорама на Сапун-горе, посвященная освобождению города в 1944-м, мемориал 35-й береговой батареи, где находился последний рубеж обороны летом 1942 года. И, конечно, мемориал на Малаховом кургане.

Памятник адмиралу Корнилову на месте его гибели на Малаховом кургане

У ХОЛМОВ

Это не единственная высота в пределах города. Да и что за высота – чуть менее 100 метров! Однако ж так получилось, что дважды становилась ключом к городу и порту.

...Где-то внизу остаются магазинчики с прохладительными напитками и забегаловка, в которой вечные матросы из ко-

манды капитана Флинта делят дневную порцию рома. Эти портовые волки вряд ли с момента рождения поднимались по длинной лестнице, ведущей к массивному портику, за которым – тот самый курган. Да им и не нужно.

А кому нужно?

По совести – всем. Но не всем под силу. Не знаю, какими

Малахов курган.
Корабельные
пушки Восточной
(Крымской)
войны
по-прежнему
держат вахту

людьми были те матросы, что затачивали на Малахов курган корабельные пушки в несколько тонн весом. Тут и с фотокофром в 15 килограммов, судя по Саше Бурому, подняться нелегко. Да и без кофра...

Навстречу по ступеням изящно скользит севастопольская дама с коляской. Неужто дело привычки?

Вот он, памятник адмиралу Владимиру Корнилову – на том самом месте, где сразило адмирала вражеское ядро. Вот остатки

бастионов, державших оборону 11 проклятых месяцев. Вот корабельные пушки, уперлись жерлами, набитыми до отказа «бычками» и пластиковыми бутылками, в полнебо, за которым по-прежнему кто-то хочет досадить Севастополю. Вот изрядно подросший кустарник на склонах кургана, закрывающий некогда чудный вид на городские бухты.

Видно не все. Но там, где поднимается над городом Центральный городской холм меж Юж-

Кафедральный собор Святого Владимира на Центральном холме Севастополя

Могильные плиты адмиралов Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина в крипте Владимира собора

ной и Артиллерийской бухтами, блестит купол Владимира собора. Того самого, где в крипте лежат крестом адмиралы... нет, не адмиралы – просто моряки русского флота Михаил Лазарев, Павел Нахимов, Владимир Корнилов, Владимир Истомин.

У КРАСНОЙ ГОРКИ

Есть в Севастополе такое место – Красная горка, когда-то носившее название Мекензин курган. Да-да, в честь того самого адмирала шотландских кровей, построившего русский город Севастополь. С исторической точки зрения место мало примечательное. Даром что рядом – железнодорожный вокзал, отделяющий эту самую горку от Южной бухты. Прибывавшие в Севастополь поездом имели возможность обозревать пирсы на малом ходу, любуясь на десяток ржавых подлодок, что позволяло делать разумный вывод: при наличии такого количества металлолома можно только догадываться о мощи Черноморского флота.

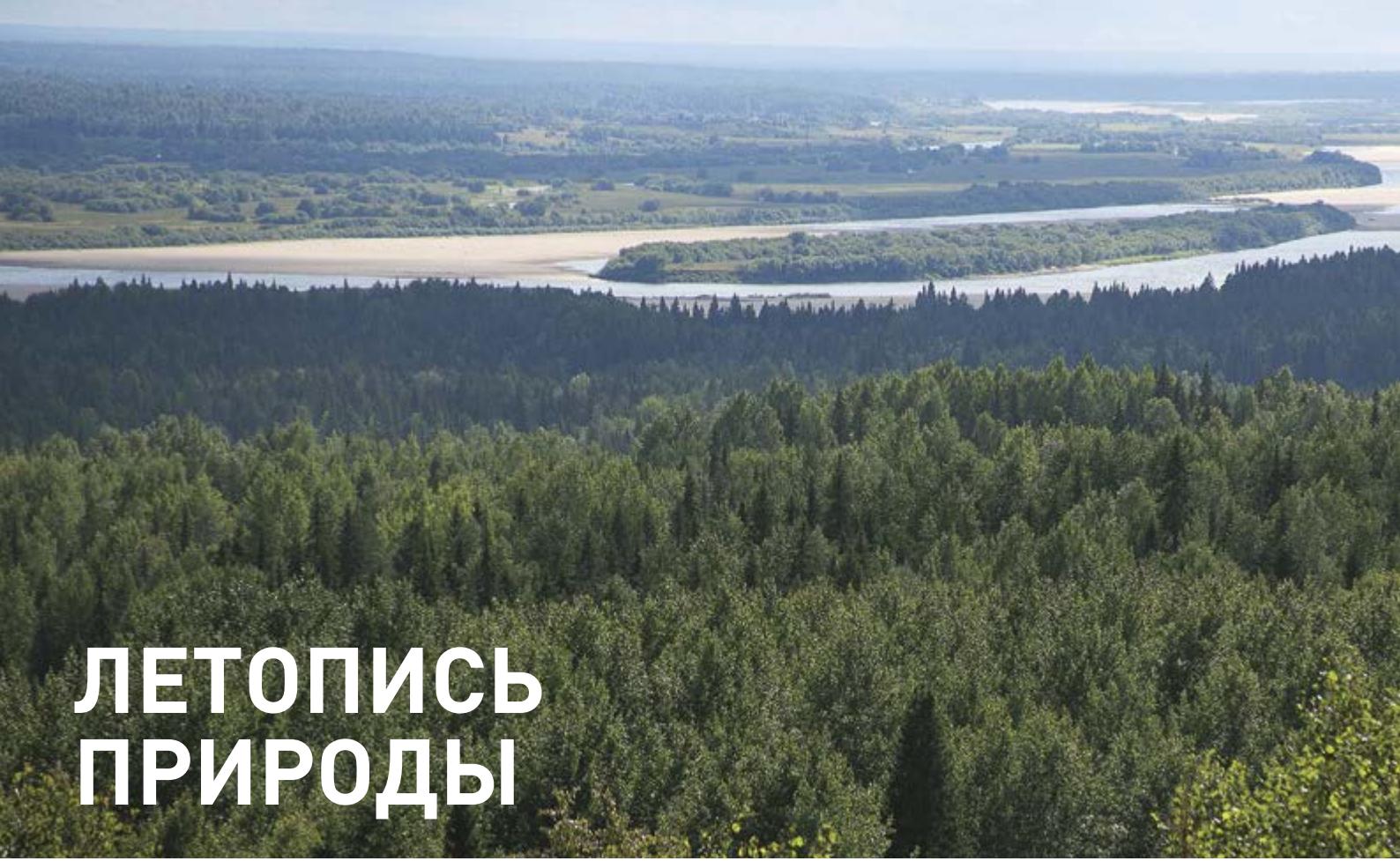
Бабушки с Красной горки, изобиловавшей частной застройкой, ловили советского туриста прямо у вокзала. И за рубль с койки можно было прекрасно устроиться в только что освобожденном от секретности городе. Каждый дом окружал замечательный южный сад, усыпанный абрикосами, грушами, персиками и шелковицей. И почти под каждым плодово-выгодным деревом стояла грустная раскладушка. Секрет требовал разгадки, и мы, переходящие из состояния отрочества в нечто большее, поинтересовались у бабы Мани – к чему все это?

И баба Мания ответила:

– Сколько мальчишек сходит с кораблей, а? Ну кино, ну пиво... Не успел оглянуться, снова на службу, верно? Вот и приходят под вечер. Кто проспаться, кто не один. Все же люди, даром что в бескозырках.

...В Севастополе моряков не любить нельзя. Потому как Севастополь – это и есть флот. Что до третьей утренней склянки, что после.

ЛЕТОПИСЬ ПРИРОДЫ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

НА ПОДЪЕЗДЕ К ПОСЕЛКУ ГОЛУБИНО СРЕДИ БЕСКРАЙНИХ ЛЕСНЫХ ПРОСТОРОВ ПЕРЕД НАМИ НЕОЖИДАННО ВЫРОСЛА МОЩНАЯ СТЕНА УНИКАЛЬНОГО БЕЛОМОРСКО-КУЛОЙСКОГО ПЛАТО. СВЕРХУ ПЛАТО, ЗАНИМАЮЩЕЕ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ПИНЕЖСКОГО ЗАПОВЕДНИКА, ТОЖЕ ПОКРЫТО ЛЕСОМ. ВИД – ВПЕЧАТЛЯЮЩИЙ: СЛОВНО ПОДНЯЛАСЬ ИЗ ЗЕМЛИ ГИГАНТСКАЯ БЕЛАЯ ПЛАТФОРМА, ПОКРЫТАЯ ТАЙГОЙ. Я СРАЗУ ПОНЯЛ, ЧТО ИМЕЛ В ВИДУ ОДИН ПУТЕШЕСТВЕННИК, ПРИЗНАВШИЙСЯ, ЧТО ПОЛЮБИЛ ПИНЕЖСКИЙ ЗАПОВЕДНИК С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА...

ОБОГНУВ БЛИЖАЙШИЙ участок отвесной стены, дорога запетляла вверх. Здесь плато подходит вплотную к реке Пинеге, так что обехать его невозможно. Несколько сот метров дорога вьется в узком коридоре, аккуратно прорубленном в гипсовой скале.

НАУЧНЫЙ ТУРИЗМ

В Голубине на высоком берегу Пинеги приютились деревянные домики экологической базы заповедника. Отсюда можно без конца любоваться тем, как песчаные наволоки и острова рисуют на водной глади при-

чудливые узоры. Дно Пинеги очень подвижное, песок может подняться на поверхность в самом неожиданном месте. Так что каждый год после паводка местные жители не знают, где им придется швартовать свои лодки.

Летом группы школьников и студентов из Архангельска, Петербурга, Москвы и других городов приезжают сюда на многодневные экскурсии, полевые практики, в экологические лагеря. Причем администрация заповедника несколько не занимается рекламой своей базы: инициатива, как говорится, исходит с мест.

– Так мы решаем одну из возложенных на нас задач: экологическое просвещение и развитие познавательного туризма, – объясняет директор заповедника Александр Владимирович Козыкин. – Однако с последним некоторые сложности. Нет юридически четкого определения, что это за туризм такой. Да и сама по себе задача развития туризма вступает в противоречие с самим смыслом любого заповедника. Если национальные парки должны привлекать к себе туристов, то заповедники – оберегать свою территорию от любых посетителей, не ведущих научную деятельность. На Западе, например, есть такое явление, как «бёрдволтчинг» (англ. birdwatching), то есть «наблюдение за птицами». Скажем, приезжают в заповедник люди для «охоты» на горную трясогузку. Перед ними стоят конкретные задачи: найти птицу, записать пение, сфотографировать, по возможности снять видео. По итогам поездки часто пишутся обобщающие статьи. В нашей стране практика, подобная «бёрдволтчингу», находится пока в зачаточном состоянии. Зато к нам часто обращаются волонтеры, готовые вести исследования и сдавать отчеты. Например, группы энтузиастов-спелеологов проводят у нас

С горы Красной открываются бескрайние просторы Пинежского заповедника и разливов реки Пинеги

обмеры пещер, а это работа сложная и дорогостоящая.

– Наверное, за столько лет с вами случалось много приключений в экспедициях? Наверняка есть опыт встречи с медведями, – интересуюсь я, перед тем как отправиться в лес.

– Для меня экспедиции – обычная работа, мне сложно увидеть в ней какие-то приключения, – признает Александр Владимирович. – Остаются в памяти неожиданные мелкие впечатления: роса на траве, необычный запах, дуновение ветра – все очень личное. По поводу медведей... Хочу сказать, что при неожиданной

встрече с медведем люди порой ведут себя совершенно невероятным образом. Например, один мой знакомый, в жизни очень спокойный человек, увидев медведя, в одно мгновение, не снимая лыж, забрался на дерево! А в целом здесь медведи очень спокойные, не видят в человеке конкурента, как на Дальнем Востоке – там ведь и медведи рыбу ловят, и люди. За все время работы здесь мне известен только один случай, когда медведь укусил человека. Парень просто наступил на молодого медведя, который залег под елкой. Медведь испугался, укусил его и убежал.

Без уазика на лесных дорогах как без рук

На экологическую базу заповедника в летнее время приезжают десятки школьников и студентов

ЧУВСТВО ПЕЩЕРЫ

На территории многих заповедников располагаются разные населенные пункты – то старые деревни, то поселки, построенные специально для сотрудников охраняемой зоны, но со временем превратившиеся в обычные села. Пинежский заповедник такая напасть миновала. Здесь никогда не селились люди, а все сотрудники проживают в поселке Пинега – в 20 километрах от границ заповедника.

...В 9 утра из Пинеги к экологической базе подкатил уазик «буханка» с сотрудниками заповедника. Захватив необходимый груз, «буханка» натужно загудела, взираясь вверх на плато. Водитель подвозит ученых максимально близко к местам ведения наблюдений, правда, только в том случае, если дорога позволяет. Таких «наблюдательных пунктов» на территории заповедника множество – на одни приезжают раз в неделю, а на другие – раз в год. Мы с геоморфологом Еленой Васильевной Шавриной отправились к пещерам и карстовым логам.

...Продравшись сквозь лес, поскользив по камням и мхам, вышли к входу в пещеру Большая Пехоровская. Собственно, прохода, по которому мог бы пройти человек, здесь давно

«Глаз бога»
на скале
у пещеры
Большая
Пехоровская

нет: в 2006 году обвал засыпал вход в пещеру, которая тянется на 4 километра. Елена Васильевна говорит, что здесь такоe часто случается: пещеры закрываются, открываются, появляются новые входы и выходы. Причина такой активности – растворение водой податливых гипсовых пород, из которых состоит плато. Скорость карстовых процессов в заповеднике поражает ученых. Поэтому в пещеры они спускаются в основном зимой, когда риск обвала минимален.

– Да и потом, зимняя пещера фантастически красива, – рассказывает Елена Васильевна, – все кругом блестит ледяными кристаллами, озерные льды висят горизонтальными пластами, вырастают ледяные сталагмиты, сталактиты и сталагниты.

Удивительно, но Елена Васильевна относится к скалам и пещерам как к живым существам.

– Пещеры – это особая благоприятная зона, – уверена Елена Васильевна. – Большинство людей ощущают себя хорошо в этом подземном мире. А если вдруг становится неуютно, некомфортно – значит, жди беды. Со мной такое случалось. Однажды переживала странные неприятные ощущения в пе-

щере, которые, как оказалось, предвещали скорый обвал. Перебираясь через камни завала Большой Пехоровской, опытный геоморфолог находит небольшие дыры и по запаху определяет, ведут они в пещеру или нет.

– Если пахнет глиной, то это просто яма, – объясняет Елена Васильевна. – А если из дыры идет свежий ледяной воздух, то она ведет в пещеру.

Под ногами у нас – настоящие произведения «карстового искусства»: причудливо размытые пласти гипса и ангидрита, похожие на изображения людей и животных. А со скальной стены за нами наблюдал огромный «Глаз бога» – так называет его Елена Васильевна. В этом природном «петроглифе» действительно можно различить и зрачок, и даже ресницы.

Из пещеры вытекает ручей, несущий ледяную свежесть и чистоту. После осмотра завала Елена Васильевна взялась за ручей. Лыжной палкой с нанесенной на нее шкалой измерила ширину русла и глубину потока в разных местах. Взяла в бутылочку воду на анализ. Достав длинный градусник на веревке, определила температуру

Елена
Васильевна
измеряет
глубину ручья,
вытекающего
из пещеры

воды – всего 2,5 градуса. Пригодился и журналист: Елена Васильевна поручила мне бросать спички в воду на разном удалении от берега. Сама же с помощью большого механиче-

ского секундомера засекала, за какое время спичка проплынет контрольный участок. А когда спичку засасывал водоворот, подгоняла ее: ну же, выбирайся, плыви...

Пещеристый
«гипсовый
скелет»
Беломорско-
Кулойского плато

В ОХРАННОЙ ЗОНЕ

— Мой стаж работы в пещерах — вся жизнь и еще полгода, — смеется Елена Васильевна. — Моя мама за шесть месяцев до моего рождения забралась в Кунгурскую пещеру на Урале и спустя три месяца снова там бродила.

Родной Урал Елена Васильевна оставила давно, в Пинежском заповеднике работает уже треть века. Здесь спелеологу раздолье — самая большая плотность пещер на Севере России. Всего на Пинежье открыто более 380 пещер, их общая протяженность около 120 километров. Пещера Кулогорская-Троя, достигающая в длину 16 километров, самая большая гипсовая пещера в стране. Ну а вообще, пещерой может считаться такое подземное пространство, длина которого составляет не менее 10 метров и в которое может притиснуться человек.

Ближе всех к экологической базе находится пещера Голубинский провал. Туда ведет настоптанная тропа, на сложных

участках которой сооружены деревянные лестницы с перилами. Пещера находится в буферной зоне заповедника, посещение которой разрешено всем желающим в сопровождении экскурсовода. Вход в пещеру огромен — действительно провал под отвесной скальной стеной.

Спускаемся по металлическим лестницам. Переход в подземный мир ощущаешь сразу: вокруг — тот самый морозный чистый воздух. Вглубь пещеры ведут узкие проходы, в них едва может пробраться человек. Еще один пролет — и мы в абсолютной темноте. Здесь нет никакой подсветки, видно только то, что высвечивает фонарь. Конечно, в таких условиях становится неуловим объем окружающего пространства. Сложно одновременно увидеть даль подземелья, нависающие над головой разноцветные слои гипса, льды, текущий ручей. Но Елена Васильевна категорически против размещения в пещере подсветки. И без того из-за туристов в

Вход в пещеру
Голубинский
провал
проваливается
воронкой под
скальную стену

Голубинском провале почти со- всем перестали зимовать летучие мыши, а на стенах появился грибок.

Дальше по пещере можно идти, а временами ползти, более полутора километров. Может быть, и правильно, что здесь не делают никакого дополнительного света. Мир темного, неосвещенного подземелья своеобразен: тихий, глубокий, незыблемый, таинственный – за каждым поворотом и лучом фонаря, разрезающим тьму, открываются новые красоты... Наверное, неспроста люди неолита забирались в самые труднодоступные пещеры, чтобы нарисовать свои живописные шедевры – чувствовали какую-то вечную сущность подземного мира...

– У нас еще масса работы для спелеологических экспедиций, – утверждает Елена Васильевна. – Строится все на общественных началах: энтузиасты-спелеологи оплачивают все расходы, приобретают оборудование. Надо сказать, в советское время такая деятельность поддерживалась. Считалось, что пещеры – это стратегический ресурс: бомбоубежища, склады, хранилища. Когда я впервые приехала на Пинегу, Голубинский провал серьезно рассматривали как укрытие на случай ядерной войны. Пришлось разочаровать военных: мы объяснили, что пещеру насквозь пронизывают воздушные и водные потоки с по-

Экологическая тропа уходит вглубь карстовых логов на 2 километра

Соколиное гнездо на высоком утесе водопада Святого ручья

верхности земли. Получится не бомбоубежище, а братская могила. Но и без «стратегической» поддержки спелеодвижение в Архангельской области живет, хотя оно сильно поредело и постарело: возраст большинства спелеологов – 50 и более лет. Из других регионов приезжают спелеологи помоложе. Например, руководителю московской спелеогруппы около 37 лет. Правда, с предыдущим директором заповедника у него отношения не сложились. А когда ему запретили работать в заповеднике, стал «браконьерить». Это был единственный в мире «браконьер», который приезжал в заповедник не пострелять, не погулять, а поработать – продолжал исследовать пещеры северных логов. С приходом

нового директора его опять легализовали. В прошлом году мы с его группой сделали «открытие». Найденную довольно давно пещеру Драконью длиной 125 метров «размотали» до полутора километров. Сделали топосъемку, нарисовали красивый план, нашли второй выход. Прямо подарок мне был – тогда как раз я день рождения отмечала. Но по ходу подготовки отчета на сессии Географического общества выяснилось, что другим выходом оказалась пещера Кареловский провал, топосъемка которой была старой и некондиционной. «Открытие» ограничилось тем, что из двух пещер образовалась система. Вглубь леса в Голубинской охранной зоне ведет экологическая тропа, укрытая дере-

вянными настилами, чтобы посетители не вытоптали нежный покров мхов и трав. Ну а деревья порой страдают от человеческой глупости. Больше всех достается старым могучим лиственницам, у которых туристы отламывают кору или засовывают под нее монеты. Причина сему – легенда о том, что эти деревья помогают от бесплодия, укрепляют мужскую и женскую силу. На 150-летнего гиганта, стоящего возле тропы, смотреть больно: снизу его уже на треть ободрали. Сотрудники заповедника винят во всем экскурсоводов голубинской турфирмы. Те, в свою очередь, утверждают, что до такого «почтания» деревьев додумались сами туристы. Также, видимо, сами туристы решили создать «дерево желаний» возле водопада Святого ручья, обвязав приглянувшееся деревце тряпками и лентами всех цветов.

– Случаются и более серьезные проблемы, – говорит Елена Васильевна. – Несколько лет назад одна крупная европейская гипсовая компания стала присматриваться к границам нашего заказника в Холмогорском районе. Мы хотели расширить охранную территорию, чтобы вывести уникальные карстовые образования из зоны разведки. Я долго воевала. Отступила, только когда почувствовала, что у меня вот-вот сердечный приступ случится. Пусть, решила я, теперь свое слово скажет природа. И она сказала. На добыче гипса происходят постоянные обвалы, оборудование проваливается, выходят линзы песка, вода идет где не надо. Добытчик планирует сворачивать работы.

ЗАПОВЕДНАЯ ЧАЩА

Последние наши наблюдения мы проводили на Святом ручье. Когда-то на месте первого выхода ручья из пещеры на поверхность стояла часовня с купелью. Соорудили ее монахи расположенного неподалеку Красногорского монастыря. Место здесь довольно глухое, в стороне от лесных троп. О часовне мало

Живописный
берег Пинеги
на экобазе
в Голубине

кто знал как в XIX, так и в XX веке. Говорят, в годы гонений на церковь купель продолжала существовать втайне, в нее окунались верующие и крестили младенцев. Сейчас на этом месте можно разглядеть лишь покрытые мхами очертания то ли фундамента часовни, то ли купели.

Надо сказать, отношение к лесу как к святыне было свойственно местным жителям еще в недавнем прошлом. Существовали здесь и особые заповедные рощи. Вот такое предание о Корабельной чащве передает Михаил Пришвин, побывавший на Пинеге в 1935 году: «В народе говорят, – рассказывает охотник Мануйло, – что в еловом лесу надо трудиться, в березовом лесу – веселиться, а в сосновом бору – Богу молиться... А вот это и есть в Корабельной чащве, что деревья стоят там часто, даже и стяга не вырубишь. Одно дерево к одному, и все – как в золоте: до самого верху ни одного сучка не увидишь, все вверх, и тебя тоже тянет отчего-то вверх, только бы дали собраться – и улетел бы. А внизу белый-белый олений мох и так чисто-чисто. Руки вверх на полет поднимаются, а ноги подкашиваются.

Ровно
расколовшаяся
глыба
образовала
коридор,
ведущий
в Тараканий
лог

И как становишь на белый ковер на коленки – сухо-сухо! И мох даже хрустит. Стоишь на коленках, а земля тебя сама вверх поднимает, как на ладони».

Правда, сам Мануйло предстает в рассказе сбившимся с пути и потерявшимся в жизни человеком. И сам он уже не уверен, стоит ли сейчас лесная святыня – о заповедной чащве Мануйло зачем-то рассказал активисту Веселкину, который задумал пустить золотые сосны на фанеру...

И во времена создания Пинежского заповедника на части территории сначала вырубили коренные леса, а затем превратили ее в охраняемую зону. Изначально планировалось, что территория заповедника будет в три раза больше нынешней. Но лесозаготовители стояли насмерть, не желая уступать и пяди земли.

На взгляд непросвещенного человека может показаться, что в природе заповедника нет ничего особенно заповедного – лес как везде, разве что красавицы-листенницы и удивительной чистоты дымчатые мхи бросаются в глаза. Однако ученые находят здесь множество реликтовых растений, сохранившихся на гипсовых склонах и днищах логов,

большинство из которых занесено в российскую и региональную Красные книги. На лугах и скальных обнажениях растет с десяток видов орхидей. Некоторые из них совсем невзрачные – пройдешь мимо и не обратишь внимания, другие – например, калипсо луковичная или Венерин башмачок – удивительно красивы. И не подумаешь, что такие чудесные цветы может дарить Крайний Север.

Лес не только радует глаз, но и кормит. Великое изобилие черники и брусники в конце августа – нормальное явление на Пинежье. Правда, когда мы наедались ягод, тревожило некоторое ощущение, что медведи могут нас принять за конкурентов – что бы там ни говорил Александр Владимирович... Продвигались мы по логу Святого ручья. Лог – это что-то вроде оврага, заросшего мхами,

травами, деревьями. Почти все плато изрезано такими логами, каньонами, провалами, круглыми цирками – северная природа вытачивает из мягкого гипса невероятные нагромождения, стараясь не оставить сколько-нибудь больших ровных участков. Смотреть на такие пейзажи – одно удовольствие. А вот ходить по этому царству карста непросто – все равно что очутился на гигантском коралловом рифе, заросшем лесом. Порой попадаются провалы прямо на тропе. Запах оттуда идет глинистый, но дно провала теряется в темноте подземелья. Неудивительно, что на плато никогда не жили люди. Ландшафт здесь больше подходит медведям, которые на каждом шагу могут найти себе прекрасную берлогу. И действительно, косолапых в заповеднике гораздо больше обычного.

Информационно-просветительский плакат в логу Святого ручья

Самый сложный участок пути к Голубинскому провалу

– На случай неожиданной встречи с медведем у меня есть свои меры, – делится опытом Елена Васильевна. – Главное, чтобы он тебя услышал. Если идешь по лесу тихо, можно с ним внезапно столкнуться, и тогда от неожиданности медведь может отреагировать непредсказуемо. Я обычно пою отпугивающую медведя песню: «Красотки, вот и мы – кавалергарды! Наши палаши – чудо хороши! Ужасны мы в бою, как леопарды!»

А наблюдать за медведями и прочими животными ученые отправляются вглубь заповедника в многодневные экспедиции. Живут в лесу в небольших рушеных домиках. Сейчас одна из таких экспедиций ведет поиск мест обитания белки-летяги. Это небольшая белка с летательной перепонкой – единственный в России представитель подобных летающих сородичей.

В конце рабочего дня ученые возвращаются из леса на экологическую базу. Тарахтит старый узик, мы отправляемся в поселок Пинега. В двух больших деревянных домах на окраине поселка располагаются Музей карста, кабинеты сотрудников и лаборатории. Здесь расшифровывают полевые дневники, анализируют данные, проводят лабораторные исследования. Так пишется «Летопись природы». Уже 37 томов этого основного научного документа заповедника увидели свет. И пока существует живая природа, «Летопись» будет продолжаться. ■

МОСКВА – ВОЛГА. ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ МОЛОГА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ПУТЕШЕСТВИИ СВОЕМ
ПРОДВИГАЕМСЯ МЫ ОТ УГЛИЧА ИЛЬ
ВЕСЬЕГОНСКА К СТВОРАМ ШЛЮЗА РЫБИНСКОГО
ВОДОХРАНИЛИЩА – МОРЯ, КАК ЗДЕСЬ
ГОВОРЯТ, – ТЕМ БЛИЖЕ МЫ К САКРАЛЬНОМУ
ЦЕНТРУ ВСЕГО ПРОСТРАНСТВА, КОГДА-ЛИБО
ОХВАЧЕННОГО СИСТЕМОЙ ВОЛГОСТРОЯ.

КАК НИ СТРАННО, ТА-
ким центром стал не-
большой (но по тогдаш-
ним меркам и нема-
ленький) – на семь с половиной
тысяч жителей – уездный го-
род Молога, полностью погло-
щенный водами рукотворного
моря.

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

И хотя общим местом стало на-
зывать Мологу русской Атланти-
дой, при расшифровке этой ме-
тафоры ясной делается разница.
По легенде, Атлантида погибла
из-за разрушительной войны, оз-
наменовав конец предыдущей

земной цивилизации. А Молога
была принесена в жертву всей
системе Волгостроя, и не толь-
ко Волгостроя – а всему новому
порядку Страны Советов, ког-
да было принято решение о за-
топлении целой крестьянской
страны, уникального природ-
ного края Молого-Шекснинско-
го междуречья, на месте которо-
го на карте была пробита дыра
площадью 4,5 тысячи квадрат-
ных километров, куда запросто
ухнет и Великое Герцогство Люк-
сембург, и еще пара голландских
провинций... Эту роль Мологи
как сакральной жертвы вполне
почувствовал Евгений Ермолин,
заведующий кафедрой журна-
листики Ярославского универ-
ситета, заместитель главного ре-
дактора журнала «Континент».

Он пишет: «...Молога – не про-
сто оброненный в великие воды
бездожного хаоса камень с на-
персного креста. Она – тот жерт-
венный камень, на котором вы-
купала свое будущее у чуждой
ей вечности советская цивили-
зация кровавыми приношения-
ми диким, безумным богам.

Но она – и сама отчаянная жерт-
ва, совсем не готовая к такой уча-
сти, но все же снискавшая ее, та
жертва, о которой мы никогда
не узнаем всего, что в нее зало-
жено». Еще важно: «...это город,
упредивший судьбу историче-
ской России, ушедшей на дно».

«Еще не наступила ночь ночей,
и даже великая война лишь мая-
чила вдалеке, а Молога (и с ней и
вся ее сельская округа, и три зна-
менитых монастыря этого края)
первой и до конца шагнула из
пространства во время...»

ПАМЯТЬ

Но во времени не потерялась.
Стала ткаться ниточка памяти.
Ниточка связанных с Мологой
преданий.
Вспомним, как мы гуляли Кулигю,
Как влюблялись над тихой водой...
Вспомним светлое,
вспомним счастливое,
Что не смыть никакую бедой.
С. Хомутов

Шлюз как ворота
в иной мир...

Сегодня о Мологе известно, наверное, все: и песни ее, и были, и выдающиеся уроженцы города и края; вычерчено, когда и как стояли дома, кто владельцы, где было училище, где собор, церкви, где был театр, где танцы, где делали кирпич, а где валили шерсть и у кого летом 1798 года на обратном пути из Казани в Петербург останавливался в городе на постой император Павел I. Землячество (правда, теперь – какое оно землячество? Скорее уж, сообщество) бывших мологян – одно из самых старых, оно было создано, когда Молога через 31 год после затопления первый раз «вышла» в засушилом 1972 году. Люди поначалу просто встречались, говорили. Потом потянулись генеалогии, начались исследования, были написаны книги. В свое время, когда землячество

обрело вес, оно приглашало мологян со всего Союза: из Читы, с Сахалина, из Магадана, Киева, Тамбова, Львова, Ленинграда и Москвы – всех и не перечислишь. Из Бельгии приезжал граф Андрей Андреевич Мусин-Пушкин, потомок А.И. Мусина-Пушкина, обнаружившего рукопись «Слова о полку Игореве», чья могила тоже осталась под

Директор музея
Мологского
края Анатолий
Сергеевич
Клопов

водой, на кладбище в семейной вотчине – усадьбе Иловна. Недавно в Рыбинске создан музей Мологи. Но дело даже не в нем. Есть люди, досконально знающие Мологу. Потому что она стала для них чем-то вроде «зоны» в знаменитом «Сталкере» Тарковского. Зона памяти. В Мологе, стертой из исторической памяти, пожалуй, ничего другого и не нужно, как помнить о ней. Помню, сидели мы на скамеечке в Угличском кремле, и Виктор Иванович Ерохин, директор местного краеведческого музея, показал на какие-то валуны на левом берегу Волги напротив кремля:

– Вот по этим, – говорит, – камням мы точно можем определить, когда вышла Молога и на сколько. Когда только пенечки городского сада показались, а когда – вся, целиком...

Он – один из тех немногих, кто знает, что добраться до Мологи можно не только от Рыбинска на катере за умеренную плату, но и пешком, от деревни Остроги, по заметной еще насыпи старого Мологского тракта: спуститься в пойму, к воде, по воде уйти влево, на север – северо-восток, и перейти по мелководьям верховья Шумаровской протоки, отделяющей остров Святовский Мок от «материки». Маршрут этот, близкий к логии среди островов, да еще путающий креатурами «рукотворного моря» – часть пути проходит по сплошь покрытому причудливыми корягами торфянику, – близок к экстремальному. Да и продолжительность его часов восемнадцать. Однако прибывший на место, не «спленатый» общей человеческой памятью, будет почти наверняка разочарован: от всего города почитай ничего и не осталось, кроме фундаментов зданий, бесчисленных окатышей кирпича да мостовых, которые начали уже заиливаться. Были еще два больших отопительных котла и железные стяжки для зданий, да не знаю, сохранились ли: мужики все примеривались сдать их на металломолом.

«СОБОЮ НЕКОГДА БЫВШЕЕ ДЕРЖАВСТВО»

В первой четверти XIV века после смерти ярославского князя Давида Федоровича его сыновья Василий и Михаил разделили отцовское княжество. Тогда-то и появилось Мологское княжество, которое получил Михаил Давыдович. Оно просуществовало полтораста лет и успело поучаствовать в «тверской войне», между Москвой и Тверью, и в Куликовской битве, где, по преданию, погиб князь Иван Михайлович Мологский. Но уже в конце XV века княжество было включено в состав единого Русского государства, а мологские князья вошли в состав государева двора и служилого сословия в целом. Потомкам мологских «государей», князьям Сицким, Ушатым, Голыгиным, удалось сохранить свои родовые владения до опричных времен. И в этом – а вовсе не в продвижении по лестнице государевых иерархий – они видели главный смысл своего существования: сохранить за собою «Мологскую страну».

И тут уж неподдельно любопытство – что за страна такая? Чем манила она их? Богатством не знаменита, а по весеннему времени так и вовсе – половина суши заливалась половодьем...

Тайную поэтическую красоту этого края, которую мы не знаем и не узнаем уже никогда, сохранил в своих «Записках пойменного жителя» Павел Зайцев: «...В редкий год во время водополицы дули ветры. Тишину парного воздуха над затопленными полями, лесами и крышами домов нарушило лишь бульканье бесчисленных пузырей, образующихся от проникновения воды в землю. Буль, буль, буль – слышалось в безбрежном водном пространстве, отражающем все краски неба. <...> В тихую погоду вешняя вода и небо... кажется, слились воедино. <...> Длинная полоса затопленного поля на горизонте гармонично вливалась в воздушный поток, и их трудно было отличить по цвету. Только по стоящим невдалеке деревьям, по их отражению в зеркальной

поверхности воды человек определял, что под ногами его земная твердь, временно залитая баловницеей-весной». «По количеству соловьев с Молого-Шекснинской поймой не мог сравниться ни один угол Ярославской земли, да, наверное, и всего русского северо-запада... Умаявшиеся за день на полевых работах мужики и бабы засыпали под вечерние песни соловьев, едва коснувшись постели. Да и пахать землю, сеять хлеб пойменских мужиков будили до солнышка чаще дикие соловьи, чем домашние петухи»... Каждый паводок приносил на землю поймы тончайший лёсс – удобрение, лучше которого и не сыскать. Сажали здесь пшеницу, но больше всего развито было животноводство – травы росли в человеческий рост. Недаром плотность сельского населения в Мологском уезде в 1917 году была выше, чем плотность того же сельского населения в Голландии, – 107 человек против 80! Просто так человек за землю держаться не будет. У каждого было по четыре-пять коров. Плюс – реки, прозрачные, как хрусталь, изобилие рыбы, дичи... Да, то был благословенный край!

Даже на кирпичах тех далеких времен стояли имена их изготовителей как знак качества

ГОРОД МОЛОГА

После всех перипетий, связанных с превращением Мологи в посад при опустевшем княжеском дворце, а затем и невзгод, павших на нее в Смутное время, Молога обрела было положительную идентичность, когда здесь устроена была крупнейшая в Поволжье ярмарка. Первый историограф Мологи конца XVII века, Тимофей Каменевич-Ровский, писал: «Река же великая Молога полна судов была в пристани на своем устии широком, яко по судам тогда без перевозов переходили людие реку ту Мологу и Волгу... Тогда же на Мологе 70 кабаков винных и питий всяких было. Торговали без разъезда 4 месяца все купцы и гости». Со временем значение этой ярмарки резко снизилось, торги переместились в Ярославль, в Нижний Новгород и в Тихвин. Лишь при Екатерине II Молога обрела небольшой, но крепкий статус уездного центра со всеми полагающимися учреждениями и получила генеральный план своего развития, согласно которому она, в общем, и развивалась до самого своего разрушения. Градостроительная интрига Мологи как города заключена в том, что она стоит на слиянии рек Мологи и Волги. Тут какое-то смыслобразующее перекрестье. Одно время место впадения Мологи в Волгу украшал самый большой, хотя и «новый» (XIX века), Богоявленский собор, который впоследствии был разрушен. Как, впрочем, все. Все вообще.

«...В архитектурном пейзаже города преобладали дальние перспективы и вторящие невысоким волжским берегам горизонтальные линии, оживленные редкими вертикалями храмов и великолепными сосновыми борами окраин», – написал, характеризуя город, В.И. Ерохин. Мягкие линии, мягкие люди, добрые. Ни клочка земли еще не заасфальтировано, травка повсюду, тени соснов... И в то же время были авторы, всегда в чем-то предвосхищающие, а в чем-то повторя-

ющие чеховских «Трех сестер». «Молога была... глухой провинцией, ничем не замечательной, не сохранившей из старины ни одной памятной, замечательной церкви, ничего, что... останавливало бы и привлекало к себе». Но все же «в ней билась жизнь. Причиной тому было случайное, но счастливое совпадение, содружество очень живых, энергичных, преданных народу докторов... с богатейшим и очень живым купечеством», – писала А.Н. Глебова-Михайловская в своих беллетризованных воспоминаниях.

Скажем, купец П.М. Подосёнов (разумеется, гласный, директор, попечитель и председатель, да кабы не городской голова) был фигурой в высшей степени примечательной. И решил помочь доктору Рудину в осуществлении его фантастического замысла – строительстве в городе спортивного манежа. Хотя заботам купца Подосёнова было вверено 643 деревянных жилых дома и 34 кирпичных. При этом множество мелких заводиков: свечной, винокуренный, солодовенный, кожевенный, салотопенный, маслозавод, два кирпичных завода и мельниц 11 водяных и 5 ветровых. Было Александровское двухлетнее училище, богадельня Бахирева, бесплатная земская больни-

ца на 30 коек. Правда, это на 120 тысяч населения уезда.

Тогда и о докторе Рудине надо сказать особо: «Любил он русский простой народ безответно, был сам небогат и незнанного рода. Но именно он открыл в Мологе глазную лечебницу и даром лечил в ней бедноту и крестьян. Его любимой поговоркой была: «В здоровом теле – здоровый дух», и он уговорил купца Подосёнова, мологского богача, построить в Мологе... гимнастический зал, первый и единственный в то время в Российской империи».

Доктор Рудин мечтал о здоровье детей, это была его идея фикс. Получив разрешение, он приступил к занятиям с детьми от 5 до 14 лет в сентябре 1886 года. Сначала, пока манеж не был построен, – в Александровском воспитательном приюте. В программу занятий вошли гимнастические упражнения и различные виды спорта (фехтование, водный, конный, велосипедный, конькобежный), а также строевое обучение и хоровое пение. В 1888 году было построено здание гимнастического манежа, которое обошлось купцу Подосёнову в 18 500 рублей (сумма!). Он пожертвовал в фонд школы 5 тысяч рублей. Но в 1891 году главный попечитель школы купец Подосёнов вне-

А замки эти до сих пор прекрасно работают, но пользоваться ими нельзя, потому как непременно сопрут любители старины

запно скончался. А в 1893 году Министерство народного просвещения окончательно отказалось Мологской городской думе в утверждении официального устава гимнастической школы... В конце концов доктор Рудин уехал в Калугу и умер там через двадцать лет. А в «Манеже» разместился потом театр. Так что если бы не трагический конец города, можно было бы сказать, что это начинание оказалось, в общем, нужным городу... Попадут в число знаменитых мологян и купцы первой гильдии Николай Михайлович и Михаил Николаевич Журавлевы, создавшие уникальный рабочий поселок на берегах Шексны. Возник поселок во второй половине XIX века возле деревни Абакумово, когда здесь были построены крупнейшая в мире канатная фабрика, чугунолитейный, механический, лесопильный, кирпичный, судостроительный, конный заводы. Как по мановению волшебной палочки появился благоустроенный рабочий поселок с населением около 5 тысяч человек, с молочной фермой, больницей, баней, школой и магазином. Социализм это был или не социализм – не нам судить. Но когда представишь сталинские зоны... Или просто какой-нибудь барачный поселок на узловой станции...

Были, конечно, персонажи совсем иного амплуа: скажем, купец М. Калачев, который решил на широкую ногу поставить в городе пьяньство и в стиле русского терема выстроил кафе «Эльдорадо», куда стал приглашать певичек. Марина Юдина, мологская певичка, пела: «Серги заложила, кольца продаля. Пиво я любила, в Рыбинске жила. Эх, живо, живо, живо налей пару пива, налей поскорей, чтоб было веселей».

Показательно, что заведение существовало недолго и было сожжено городскими ревнителями трезвости. И хотя в воспоминаниях мологян о своих земляках и даже родственниках попадаются упоминания

о том, что дед (прадед) сгубил свое дело, ибо привержен был к хмельному питию, дореволюционная статистика фиксирует лишь единичные случаи смерти от пьянства, а в воспоминаниях и записках мологян определенно говорится, что подвыпившего человека можно было встретить в городе, но пьяного – никогда. Например, согласно статистике «Губернских новостей» за 1897 год, в Мологе за год от пьянства умер всего один человек, утонули два, зато в статье «ушедшено до смерти зверями» значатся четыре мужчины и одна женщина. Самый, конечно, «выдающийся» земляк всех мологян – граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817), российский историк и коллекционер, обнаруживший и опубликовавший «Слово о полку Игореве». Мологская земля обычно ассоциируется с уютным провинциальным городком Мологой да с крепкими русскими селами в окружении удивительных заливных лугов. А ведь были здесь и места, где совсем неподалеку от деревенских изб берег Мологи обрамляла каменная набережная со львами, стояли величественные постройки, а если уж заглянуть внутрь их, то можно было забыть, что ты находишься не в столице. Речь идет о двух усадьбах графов Мусиных-Пушкиных, носивших названия Иловна и Борисоглеб...

ЦЕНА ВОПРОСА

До 1937 года, когда Госпланом был утвержден вопрос о повышении на 3 метра напорного уровня воды на Рыбинской плотине, детали плана великого затопления оставались неизвестными. Например, город Молога остался бы. Правда, на острове. Две трети Весьегонска не затопило бы, Макарьев монастырь в Калязине – тоже. Вообще очень много чего можно было сохранить. Но в главном, в принципе, вопрос был решен еще в 1935 году, когда принято было решение о создании Рыбинского водохранилища: как бы там вы хорошо ни жили, товарищи, больше вы так жить не будете. Жертва – она же иррациональна. Чтобы ее отвратить, рациональные доводы не действуют. Разум бессилен. В принципе, давно известно было, что Молого-Шекснинское междуречье обеспечивает сеном всю красную кавалерию, что там естественно растут ценные для животноводства травы, которые СССР закупает за границей на валюту: клевер, лисохвост, овсяница. В 1932 году в Мологе даже построен был элеватор для семян лугопастбищных трав, и 16 колхозов только тем и занимались, что выращивали эти травы, по-своему как-то их обмолачивали и загружали в элеватор – огромное 20-этажное кирпичное здание. С дореволюционных времен в городе был завод фармацевтиче-

Есть в этом грандиозном сооружении какая-то мистическая привлекательность

ской фирмы Феррейн по производству экстрактов ягод и яблок. После революции завод был национализирован, он так и стал называться – «экстрактный завод». Производил уникальные экстракты (выпаренный 1:10 сок трав и ягод), которые были необходимы пищевой и парфюмерной промышленности. В 1937 году завод еще принял на переработку 20 тонн голубики и 30 тонн брусники... Доводы разума заключаются в том, что этот край обладает исключительным, валютным растительным сырьем. И в 1938 году, когда и начался потихонечку снос города, колхозам было дано чуть ли не максимальное задание по травам. То есть что губим – наверху понимали. Но важнее было сгубить не травы, а крестьянство. «...Сельские, деревенские, хуторские жители не сразу узнали о плане затопления родной земли, земли, на которой они веками безбедно жили. А узнав, пришли не то чтобы в уныние, а в полное душевное расстройство. Они не знали, к кому обратиться за помощью, как отвоевать право жить на родной земле... И все-таки не верилось, что такая богатая земля будет затоплена. Поуспокоившись, молого-шекснинские крестьяне продолжали привычную жизнь. Однако мысли роились в головах. И по ночам, лежа в постелях, думали о том, что же хотят сделать власть имущие, что ждет народ впереди? Горькими были для них конечные 30-е годы»... В самой Мологе никто никуда как будто и не спешил: сначала были созданы отделения Волгостроя и Волголага. Открыли кинотеатр, танцплощадку. Зэки начали ходить по домам, особым, плотницким способом нумеровать бревна. Потом стали разбирать дома. Укладывать их в сани, ну и – кто куда. Кто в Рыбинск, на слipp (там мологянам было выделено место), кто в Тутаев, кто в Углич. Одна деревня вообще на Сахалин переехала. Стали церкви «подрубать». В 1938-м взорвали элеватор. Ну а 1939–1940-й – это «последняя

зачистка». От города уже тогда ничего не осталось. Там оставались только строения Волгостроя...

Николай Михайлович Новотельнов, стариок за 90, принимал нас в гостях. Пожал для приветствия руки. Я даже не поверил, что руки у человека столь пожилого, могут быть столь сильны.

— А у меня коза вон, — показал Николай Михайлович на хлев. — Ее пока подоишь, «эспандер» сколько раз сожмешь?

Их дом сюда, на слип, перевезли в 1940-м сами волгостроевцы: отец у него сидел, ему самому 15 только было, управиться было некому. Ну а уж строиться — сами. Но хорошо не в войну. Николай Михайлович вообще оптимист. Единственное, что неприятно поразило на новом месте, — это земля. Глина. Тяжелая, сырья. В Мологе земля была — песочек. Чисто, сухо. Красота... О Мологе вообще осталось воспоминание как о красивом, на речных ветрах широко распахнувшемся граде: он совсем не давит и почти полуопрощен.

14 апреля 1941 года были опущены затворы плотины и ГЭС — началось наполнение Рыбинского моря. В ту весну рыба, по привычке идущая на нерест в Мологу, Шексну или в верховья Волги, уперлась в Переборскую и Шекснинскую плотину в Рыбинске, и тут ее набилось столько, что даже бабы ловили ее юбками. Впрочем, эти заморы рыбы продолжались всю войну. А «море»-водохранилище было столь огромно, что полностью заполнилось только к 1947 году.

Молебен
на корабле.
Под нами
Молога!

Николай
Михайлович
Новотельнов,
уроженец
Мологи,
с семейным
архивом

К МОЛОГЕ, К МОЛОГЕ...

Мы заранее договорились с землячеством мологян, что они возьмут нас с собой в памятный рейс к Мологе (этот год был сухой, Молога, как обычно в таких обстоятельствах, «вышла»), и ни о чем особенно не беспокоились до самого кануна отъезда, когда вдруг в городминистрации выяснилось, что сегодня кто-то, недолго думая, выложил в Интернете сообщение, что «показалась русская Атлантида», и дал фотографию конца 50-х годов. Там еще церкви торчат из воды. А рядом просто открытка города начала XX века. Красота неописуемая. И, в общем, великое множество собратьев по профессии, приняв изобра-

женное за чистую монету, добивается места на корабле, чтобы завтра, значит, плыть в Мологу. Разубедить никого не удалось. Все приехали. Но создали определенный колорит и ажиотаж при погрузке. Думаю, столько журналистов одновременно не ездило в Мологу никогда.

Я успел разговориться с несколькими попутчиками. Один старик рассказал: когда его семья уходила из Мологи, саквояж с семейными реликвиями и фотографиями предков остался в чулане на гвозде висеть.

— Так вот мы, — сказал, — и остались без семейной истории... И много лет, — говорит, — я вынашивал одну только мысль: побывать бы, посмотреть, когда будет мелководье и когда обнажится болото. Я бы узнал его, этот саквояж. Но впервые только в этом году удастся побывать. Чувство такое — что узнаю все. Я зрительно все представляю это. Мне кажется, что даже по улицам бы точно пошел...

Священник отец Дмитрий, настоятель храма Иверской иконы Божьей Матери, считает, что сообщество мологян — это уникальный случай, когда люди объединились сами по себе. Интересно, что ключевым словом для объединения стало все-таки слово «родина». Пусть и малая родина, пусть Молога или какая-нибудь Подмонастырская слобода, а все-таки родина, прежде всего.

Я спросил, видит ли он в этом какой-то особый религиозный смысл.

Отец Дмитрий встрепенулся:

— Трагедия нашей истории — она высокая, я считаю. Даже попытка построить рай на земле. Это гораздо более высокая трагедия, чем нынешние переживания людей, когда они страшат от отсутствия хороших машин, из-за дороговизны или недостаточного количества сортов сыра. Это такое понижение явное. Не в русской душе это качество. С Мологой произошли серьезные изменения. Какие? Это трагедия наших родителей, которые были верующими, к сожалению, без веры в истину, без истинной веры. Это трагедия подвига веры, который был как бы ни во что. И сейчас есть такая светлая печаль по поводу этих людей, которые были, как ни парадоксально, более религиозны, чем наше поколение, при том что их вера была не совсем правильна, ошибочна. Сейчас вновь оживает жертвенность, послушание, чувство справедливости, почти религиозное. И мне кажется — что для меня отрадно, — это не навязывается. Значит, люди хотят ехать, хотят молиться. Люди дружат между собой семьями. Люди уже других поколений. Не дети, а даже внуки, а то и правнуки... Долго мы с ним тогда проговорили... Но потом стали происходить события.

Мы подошли к месту, где над поверхностью воды возвышалась небольшая отмель, на ней сидели чайки. Метров с пятисот было видно в бинокль несколько каменных блоков и какой-то раздавленный беловатый конус. Это все, что осталось от Мологи. Вокруг уже крутился катер с телевизионщиками. Некоторые из них были на корабле, потом они перепрыгнули на катер и с воды снимали, как бросают венки.

Потом они уговорили перейти к ним в лодку старого моложанина Новотельнова и повезли его на отмель делать видеосюжет «горсть родной земли».

Все меньше живых свидетелей той Мологи...

Венок на воду в память о затопленном городе

Мы разговорились с одним уроженцем деревни, которая была поблизости. Он говорит, что само-то русло Мологи было глубокое, в отличие от волжского. На Волге были перекаты, и можно было перейти ее даже здесь вброд.

Я спросил, что мы, собственно, видели.

— Мы видели высокое место, где была дальняя, третья от воды улица...

Другой мой случайный собеседник оказался не моложанином. Здесь его родители работали — один в Волголаге, другой в Волгострое, покидали это место в 41-м году, когда все, что можно, было разобрано, взорван был собор — это, говорит он, мы наблюдали. Ну, и на пароме отсюда — в Рыбинск. Ему как раз надо было идти в первый класс

1 сентября, а 1 августа 41-го года ушли.

Я подумал: а какое отношение имеет он к сообществу моложан? Почему оказался на этом теплоходе? И ответил себе. Вот почему: в Мологу же отправляются люди для того, чтобы помнить... Но ведь со временем он не сможет уже ездить сюда. А память сына, а потом и внуков в любом случае будет слабее памяти отца. Но каждый раз, отправляясь на это место — пешком или на катере, в одиночку или группами, для того, чтобы написать что-то или просто подумать, — мы совершаём нечто, что наращивает крошечный файл памяти о Мологе в Памяти Мироздания. Со временем он будет, наверное, заархивирован — но память о Мологе в Памяти Мироздания все-таки существует...

Отслужили молебен. Корреспонденты ИТАР-ТАСС щелкали фотоаппаратами.

Венок самодельный, с яблоками, с маленькими ранеточками такими, опустили люди на воду и бросили цветы. В этот момент слеза пробила всех.

Потихонечку заурчала машина. Судно легло на обратный курс. А позади осталась Молога — утопленная, поруганная жертва нашей запутанной истории. ●

